Советский транспортный комплекс «БУРАН» — «МРИЯ» — одна из «звезд» последнего международного авиасалона в Бурже.

Фото Юрия БРОДОВСКОГО

В ближайших номерах читайте наш рассказ о современной отечественной авиации.

70 коп.
Индекс 70798

РОДИНА

8/89

ISSN 0235—70[illegible]

«БЕСЕДЫ НА ГОДЕКАНЕ» — так назвали очерк о Дагестане наши корреспонденты.

Долголетнее командоввние крестьянами, равнодушие к их судьбе опустошило Сондугу, люди разъехались кто куда. Было двести хозяйств, осталось 26 человек, почти одни лишь старухи. Для колхоза «Родина» Сондуга стала обузой, и он отдал ее в аренду совхозу «Тотемский». «Но сегодня мы бы Сондугу совхозу не отдали,— говорит председатель колхоза Валентин Новоселов.— По новому Уставу колхозы получили больше прав, и мы бы с Сондугой сами управились».

ДОРОГА В СОНДУГУ

Владимир КУПИСКО

Фото Владимира ЛАГРАНЖА

Легкий вертолет, потоптавшись минутку на травяном аэродроме Тотьмы, начинающемся сразу за городскими улицами, круто азял вверх и пошел по прямой на северо-запад.

Внизу — Сондуга. Аккуратные домики, церковь с кладбищем, зеленые поля, окаймленные лесом. Тихая благодать. Разволновав траву, вертолет опускается на краю деревушки. И тут видишь то, что знал и раньше: почти все дома пустые. Зияют окна без стекол. Сбитый с купола церкви крест качается на уцелевших цепях. Со столбов свешиваются давно оборванные провода. Затих стрекот вертолетного мотора — и в наступившей тишине прорезалось тарахтенье далекого трактора, напомнив, что жизнь здесь продолжается.

Сондуга — это пологий подковообразный холм с шестью деревнями на нем. На севере, за лесом, километрах в семи,— озеро. На юге выглядывает из-за синего леса темная даже в солнечный день гора — там, километрах в двадцати, берет исток река Вага. Земли в Сондуге хорошие, исстари обильно унавоживались. Старики не уставали твердить: на полосу не привезешь — с полосы не увезешь.

Разорение началось с насильственной коллективизации да так и шло по нарастающей.

Было до войны в Сондуге около 200 хозяйств, пахотной земли 1300 га. Сейчас 500 га с небольшим, остальное кустарником заросло. Коровы были у всех, сейчас их десять на все 15 дворов.

В запустевшей деревне немая тоска заливает душу. Тишина, даже собаки толком лаять разучились, да и с чего им лаять — каждому новому человеку рады. Петухи орут иногда, но и они тут словно пришибленные. Молодежи нет, нет и детей, и школа не нужна. А раз нет детей — нет у деревни будущего. Вот она, истинная бесперспективность! Магазин торгует через день по два часа: мука, сахар по списку, соль, конфеты дешевые одного сорта да старые мятные пряники — в чаю мочить. Медпункта нет, старик занеможет — хоть помирай.

Деление деревень на перспективные и неперспективные принесло селу невосполнимый ущерб. Конечно, объяснения, если не оправдания, находятся: нехватка средств и строительных материалов, утрата трудовых навыков, повысившиеся требования населения к условиям жизни и т. д. Этим мотивировалось стремление строить жилье и соцкультбыт в «перспективных» селениях, раз не было сил строить везде. И вот результат. В Тотемском районе в 1970 году в селах жило 27,8 тысячи человек, а на 1 января 1988 года осталось 17,1 тысячи. За 17 лет потеряна треть сельского населения.

Исконный сондужанин Николай Кичигин (в 60-х годах он был здесь парторгом) рассказыввет, как происходило слияние сондугского колхоза «Победа» с колхозом «Родина» в 30 километрах южнее. Передаю его рассказ дословно, как записал.

«Решили в Тотьме, в райкоме, наши два колхоза соединить в один. Таквя тогда пошла политика. Секретарь райкома Иван Григорьевич Соколов приказал (он был раньше военный, полковник): агитируй народ за слияние. Я с людьми поговорил — все против. В Вожбале земля убогая, камня много, горы, растет на них все плохо, там совсем по-другому надо хозяйствовать, не как у нас. Доложил инструктору райкома, что народ не согласен. Вызвал меня тогда Соколов в Тотьму и грозит: не пойдешь на соединение — партбилет положишь, а колхозы все равно сольем. Езжай, говорит, и чтобы от вас выбранная комиссия поехала в «Родину» с поклоном: примите, мол, нас под свое крыло. Вернулись мы с председателем колхоза домой, а тут из райкома товарищи приехали, собрание стали проводить. Сказал я несколько казенных слов, но все ж понимают, что на меня давят, что и сам я против слияния, шумят: «Не хотим!» Инструктор из райкома настаивает: соглашайтесь! Ну, народ и пошел с собрания, махнул рукой. Противостоять всем обществом уже отучены. Голосования и не проводили, инструктор велел в протокол записать: решение принято единогласно.

Тут и началось. Стали из Сондуги туда, на центральную усадьбу, все тащить. Машины, какие были, увезли, даже точилом из мастерской не побрезговали. Заработки вовсе упали, жизнь под гору покатилась. Ну, народ и побежал».

Хочу еще привести некоторые любопытные документы.

Вот строки из принятого 5 февраля 1930 года постановления бюро Северного крайкома ВКП(б) о ликвидации кулачества как класса в Северном крае.

«Отнести контрреволюционную верхушку кулачества края к I категории и немедленно начать ее ликвидацию... В районах сплошной коллективизации кулачество отнести ко второй категории. Конфисковать у кулаков этих районов средства производства, скот, жилье и хозяйственные постройки, предприятия по переработке, корма, семена и сырьевые запасы, а сами кулацкие семьи выселить через аппарат ОГПУ в северные необжитые районы края. Остальные кулацкие хозяйства отнести к третьей категории, которые подлежат расселению в пределах района коллективизации на новых землях. Ликвидацию первой категории закончить не позднее 20 февраля. Началом выселения остальных категорий определить 20 мар-

та Списки кулацких хозяйств, выселяемых в отдаленные раионы (II категория), составляются раиисполкомами на основании решении собрании колхозников, батрацко-бедняцких собраний Выселяемые в отдаленные районы Севера кулацкие семьи расселять отдельными небольшими поселками, управляемыми специальными комендантами, назначаемыми органами ОГПУ. Считать, что тройка из членов бюро краикома в составе тт Аустрина, Иоффе (с заменой т. Конториным) и Лютина должна на весь период работы по раскулачиванию осуществлять политическое руководство этой важнейшей работой».

Надо ли напоминать, что годы 1934—1935 и 1937—1938 еще впереди (и Сондугу они не обойдут). Генеральная репетиция 1930 года прошла успешно: по глухим местам Севера расселено не менее 75 тысяч семей с малыми детьми и стариками.

Все вышесказанное относилось к Сондуге самым непосредственным образом. В одной из деревень живет Анна Шелыгина. Она избавила свою семью от раскулачивания тем, что вышла замуж за бедняка Константина Шелыгина и взяла его в дом. А что с теми, кого раскулачили и выслали? Кто знает...

В Великую Отечественную войну не осталось в Сондуге семьи, откуда бы не ушли на войну мужики, из многих домов и не по одному. Большинство не вернулось. Только в Угрюмовской, одной из шести сондугских деревень, получили 29 похоронок. Весь груз колхозных работ за пустой трудодень вынесли женщины да подростки.

Еще веха — год 1953-й. В голом, пустом, двери нараспашку, домике бывшей конторы колхоза «Победа» в глубине разломанного шкафчика ворох забытых документов давних лет. Сдувая пыль, беру наугад одну бумагу, другую... Приговор от 26 февраля 1953 года. Подсудимый Добрынин Ф. А., 1902 года рождения, беспартийный, русский, женат, образование 3 класса, рядовой колхозник колхоза «Победа». Не выработал минимума трудодней. Пояснил, что уезжал к сыну в Ленинградскую

Дорога в Сондугу летом непроезжая, и первый секретарь Тотемского райкома партии Виктор Дмитриев прилетел сюда на вертолете. Суть его разговора с сондужанами: что нужно сделать, чтобы селение не захирело вовсе. Секретарю сказали: постройте дорогу — привезти товары и почту, отвезти больного к врачу, ребятишек в школу; позвольте людям работать так, как они хотят. И тогда отсюда больше никто не уедет, наоборот, приедут новоселы, деревня воспрянет — места тут благодатные.

область вставлять зубные протезы. По указу от 15.IV.1942 г. подвергнут исправительно-трудовым работвм на шесть месяцев с вычетом из заработкв 25 процентов. Подписка о невыезде.

Другой документ из того же пыльного вороха. Решение Тотемского райисполкома от 17 сентября 1962 года в отношении Кичигина И. М., проживающего в Сондуге. Имеющийся в его хозяйстве земельный участок уменьшен на 0,05 га. Отрезаннвя площадь зачислена в запвсный фонд колхоза. Что колхозу пять соток? Нет, пусть зараствют крапивой...

Отчуждение крестьянина от земли, может быть, самая большая ошибка, совершенная нашим обществом. В корне бед лежит «великий перелом», сталинская коллективизация деревни.

Видимо, лишь возвращение истинной кооперации тружеников на предоставленной в их независимое распоряжение земле позволит крестьянину вновь ощутить себя хозяином.

Ну, а как быть с моральными ценностями, которые дарилв нам деревня? Как сберечь ее дух, уклад, извечные культурные традиции? Говорим об этом с Виктором Михайловичем Дмитриевым, недавно избранным первым секретарем Тотемского районного комитета партии. Он свм родился в дереане (только не в вологодской, а в псковской), ее заботы и горести принимает близко к сердцу.

— Старая деревня умирает, и с этим ничего не поделаешь,— с грустью говорит он.— Конечно, хозяйстаенные центры, центральные усадьбы колхозов и совхозов будут жить и, надо надеяться, богатеть на радость людям. Но, согласимся, зо уже не та деревня, что нвс породила. И если применить слово «возрождение» к стврой вологодской деревне, то оно не будет означать возвращения людей в дома с звколоченными окнами. Прежняя деревня не вернется. Крестьянин сейчас другой, и требования к жизни у него другие. Арендатор — это, признаем, фермер, и жить он станет не так, как жили его деды и отцы.

...Уже давно колхозу «Родинв», чтобы обрабатывать поля в Сондуге, сеять и убирать зерновые, выращивать травы, приходилось наряжать работников из других селений. Они жили здесь безвыездно с весны до глубокой осени. Дело в том, что дорога в Сондугу дввно уже непроезжая, машины за зерном и сеном могли пройти лишь зимой. Многомесячное пребывание вдали от семьи, низкие заработки вызывали недовольство, люди отказывались сюда ехать. В конце концов Сондуга стала для колхоза непосильной обузой, в последний год пустили под снег 70 гектаров зерновых — не смогли убрать. Вопрос о Сондуге встал перед районными властями. И родилась идея — отдать зти земли в аренду крепкому хозяйству, пусть выращивает травы для животноводства.

Но кто поедет туда работать? Вызвался опытный механизатор из совхоза «Тотемский» Валентин Павлович Творилов. Он подобрал надежный коллектив, включил в него бывшего сондужанина Германа Кокарева, знающего тамошние земли. Эта восьмерка и взялась обработать 400 гектаров, вырастить корма и продать их совхозу по договорным ценам, а совхоз обязался обеспечить звено техникой, горючим, удобрениями, всем, что потребуется.

В первое же лето подрядное звено обеспечило почти половину нужного хозяйству запаса кормов — больше пяти с половиной тысяч тонн. Средний заработок члена звена превысил 700 рублей в месяц. Опыт первого года показал, что игрв стоит свеч, и между звеном и совхозом был заключен договор на 1968 год. Звено заготовило сена, сенажа и силоса почти шесть с половиной тысяч тонн, и все высших кондиций.

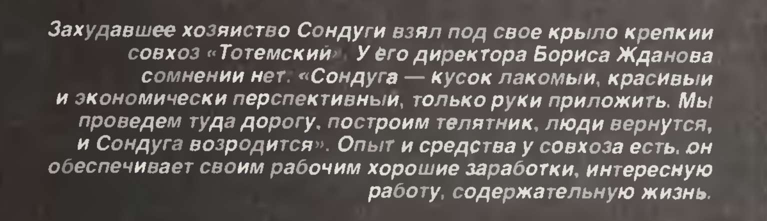
Результаты двух лет работы подрядного звенв позволяют уверенно заключить: нововведение себя оправдало. Аренда совхозом «Тотемский» сондугских земель колхоза «Родина» не только вернула их в интенсивный хозяйственный оборот, но и подсказала путь к возрождению «неперспективных» селений.

А дорогу в Сондугу совхоз решил проложить своими силами. И будущим летом хоть не на автобусах, но нв вездеходах можно будет проезжать. А через год-другой будет дорогв настоящая.

В общем, с экономикой картина ясна. А как с «человеческим фактором»? Просматривается пи он в «операции «Сондуга»? Спрашиваю об этом у директора совхоза «Тотемский» Б. В. Жданова:

— Чтобы там жили люди,— отвечает Борис Владимирович,— я вижу только один путь: развивать производство сельскохозяйственной продукции. Людям нужно обеспечить хороший заработок — и к этому мы идем. Намерены построить телятник, держать скот, примерно 700 голов. Проведем дорогу, люди смогут возить детей в садики, в школу. По нашим расчетам, в Сондуге могут жить и работать 10—12 семей-арендаторов. Вот такой мне видится перспектива...

Вслед за «Тотемским» взор на земли покинутых деревень обратили другие хозяйства района, стали энергичнее их осваивать: совхоз «Север» — группу деревень Нижняя Пельшма, колхоз «Красное знамя» — Ляпино, колхоз «Заветы Ильича» — Борок... Оживает Сондуга.



Захудавшее хозяиство Сондуги взял под свое крыло крепкии совхоз «Тотемский». У его директора Бориса Жданова сомнении нет: «Сондуга — кусок лакомыи, красивыи и экономически перспективныи, только руки приложить. Мы проведем туда дорогу, построим телятник, люди вернутся, и Сондуга возродится». Опыт и средства у совхоза есть, он обеспечивает своим рабочим хорошие заработки, интересную работу, содержательную жизнь.

ГЛУБОКАЯ БОРОЗДА

ЗАПИСКИ НАРОДНОГО ДЕПУТАТА

Дмитрий Александрович Стародубцев, директор ярославского совхоза имени Дзержинского, был избран народным депутатом СССР абсолютным большинством голосов. Избиратели одобрили его смелую и конструктивную программу преобразования крестьянской жизни. А в не такие уж далекие времена за попытку осуществить лишь малую часть этой самой программы Стародубцева исключили из партии, лишили всех наград, судили. Два года он провел в тюремной камере, потом был отправлен на работы «в условиях надзора». Всего лишь полтора года назад перестройка вернула ему полномочия хозяйственного руководителя.

За этот короткий срок он совершил в «Дзержинском» настоящее экономическое чудо. Рентабельность выросла с 3,2 процента до 55, прибыль увеличилась в 27,7 раза. Заурядное хозяйство стало миллионером. Стародубцев начал с того, на чем вго «остановили»,— с переустройства производственных отношений. Он заложил экономический фундамент хозяйства, поставив оплату труда в зависимость от конечного результата. Пенсию поднял выше государственной, декретные отпуска продлил до полутора лет с оплатой свыше ста рублей... Люди поняли и приняли его хозяйственную политику.

Естественно, что при нашем прямо-таки тотальном неблагополучии на селе хозяйственники, подобные Стародубцеву, становятся властителями дум. Это подтвердило избрание Дмитрия Александровича в высший орган народовластия. Однако многие эпизоды предвыборной кампании со всвй очевидностью засвидетельствовали и то, что для номенклатурных кругов Стародубцев оказался «незапланированным», неугодным кандидатом. Причины понятны. Слишком самостоятелен, слишком неуправляем дирвктор — сеет, что хочвт, говорит, что думает. Другой на его месте навек бы зарекся своевольничать, ходил да оглядывался. А этого и тюрьма ничему, видно, не научила...

— *Совсем ничему?* — спросила я у Дмитрия Александровича.

— Нет, я там многое понял, от многих иллюзий излечился навсегда.

— *Неужели они у вас были?!*

— Мне 54 года. В сердца людей моего поколения XX съезд заронил немало надежд. И не только надежд. Думаю, тот безоглядный оптимизм, с которым страна устремилась в указанное Хрущевым коммунистическое послезавтра, обусловил рождение самой опасной иллюзии: мы поверили, что сталинизм мертв, что сталинский принцип подавления личности не может быть реанимирован в нашем правовом государстве.

— *А правовое государство оказалось мифом...*

— Но зто был замечательный, утешительный миф. Я продолжал верить в него, даже когда меня арестовали. Да что я! Мне, крестьянину, мало о чем, кроме земли, размышлявшему, подобное заблуждение вполне извинительно. Даже юристы верили в независимость отечественного правосудия. Один из лучших московских адвокатов, А. Давыдов, взялся защищать меня, что называется, с легким сердцем. Он сказал, что мое дело шито белыми нитками и не потребуется большого труда доказать это.

Я не могу назвать трудом то, что он продолжает делать для меня вот уже почти десять лет. Тут более уместно слово «подвиг». Этот честный, мужественный человек в борьбв за мое спасение истратил все свое здоровье, пережил много несправедливых обид, подвергся самому грубому нажиму, но не дрогнул, не отступил. А ведь ему еще на суде было от чего прийти в отчаяние. Помню, только по одному эпизоду дела он представил более тридцати свидетелей моей нввиновности, но их показания не возымели действия. Точно так же суд реагировал, вернее, не реагировал и на другие доводы защиты. Каждый шаг моего адвоката контролировался, его ввщи и документы подвергались досмотру.

Защищать меня вообще было делом не только неблагодарным, но и опасным. Все, кто возвышал за меня голос, расплачивались жестоко. Начальник облсельхозуправления Н. Севрюгин был снят с работы только за то, что дал суду не отрицательную, как требовалось по сценарию, а объективно положительную характеристику моей деятельности. Журналисту В. Швецову заступничество за меня на страницах «Правды» стоило трех инфарктов и долгого отлучения от любимой работы. Были и другие, презревшие ради справедливости собственное благополучие. Надо ли говорить, как благодарен я им всем.

— *Судя по рассказам, вас арестовали по приказу И. Х. Юнака, бывшего в то время первым секретарем Тульского обкома партии.*

— Не одного меня. Эта участь постигла многих. Будучи приближенным к Брежневу еще с днепропетровских времвн, Юнак всегда мог рассчитывать на поддержку генсека и поэтому не ведал границ своему произволу.

— *Но вы-то не были легкой мишенью. Ведь вы создали первую в стране фирму по промышленному производству молока — прообраз нынешних АПО. Всего за три года ваше «Приволье», объединившее семь убыточных ранее совхозов, превратилось в образцовое предприятие с миллионными прибылями. У вас были высокие правительственные награды...*

— От барского гнева нет защиты. А Юнак был барином. Во всем. Работать не умел и нв любил. Обожал приемы, банкеты, громкие речи. Его выезды обставлялись с обязательной помпой — эскорт, цветы, шеренги счастливых подданных по обочинам. На железной дороге — роскошный спецвагон. Дача за высоким забором. Собственный пруд с собственной стерлядью. Словом, весь этикет — «аля Брежнев».

В районы он наведывался редко, в некоторых почти за четверть

Фото Эдуарда ЖИГАЙЛОВА

Дмитрий Стародубцев: «В годы застоя я на себе испытвл жестокий произвол Административной системы. Мне ли экономить силы в борьбе с нвю!»

века своего секретарства ни разу не побывал. Управлял областью по телефону и радиоселектору, причем в выражениях не стеснялся, полагал, что должен внушать подчиненным трепет. Столь долгое и невозбраннов барство гарантировала лишь абсолютная власть, поэтому Юнак беспощадно пресекал любые попытки противостояния. Всякий, кто, по его мнению, «высовывался», подлежал уничтожению.

А нас, Стародубцевых, на тульской земле было трое. Два моих брата — младший Федор и старший Василий — тоже руководили хозяйствами. И мы здорово «высовывались». Наши миллионные прибыли слишком контрастировали с общим довольно печальным состоянием сельского хозяйства области. Да вще характер наш, из троих один, стародубцевский, мужицкий, поперечный, к дипломатии не приспособленный...

Когда колхоз, где Федор председательствовал, приказали реорганизовать в совхоз, брат такую бучу поднял, до Совмина дошел, чуть партийного билета не лишился, но на своем настоял. Василий, Герой Социалистического Труда, член-корреспондент ВАСХНИЛ, тоже очень независимо держался. Но начал Юнак корчевать нашу фамилию с меня.

Сейчас-то я понимаю, что «Приволье» мое вообще не ко времени пришлось. Тогда, в конце семидесятых, экономическому реформаторству последние головы откручивали, а я свободные цены внутри своей агрофирмы ввел и к другим «буржуйским» методам хозяйствования примерялся. Как мог, отстаивал суверенитет хозяйства. Помню, сверхплановый хлеб у меня как-то раз с милицией отбирали. Были и другие «скандалы»... Юнак понял: от Стародубцевых исходит зараза неповиновения, инакомыслия. Следом за мной за решетку попал Федор, а Василий уже, что называется, сушил сухари в окружении ревизоров. Спасибо, перестройка подоспела.

— *На Юнака писали жалобы в высочайшие инстанции, случалось, и бунтовали в открытую. Но все поодиночке, а вот сплоченной оппозиции не возникло. Почему?*

— Оппозиция — понятие демократическое. А мы были крепостными. Поэтому нам только бунт и оставался — отчаянный, безнадежный. Да еще челобитные. Юнак ведь был всего-навсего одним из многих олицетворений системы, которая вязала по рукам и ногам всю экономическую жизнь страны.

В условиях полного экономического закрепощения любую хозяйственную инициативу можно при желании трактовать как преступление. Каждый хозяйственник живет под дамокловым мечом уголовной ответственности, потому что все поле его деятельности буквально усеяно капканами инструкций и запрвтов. Ему позволяют работать лишь в обмен на рабскую безропотность. А какая производительность при рабстве?

Вот эту систему нам и нужно ломать, если мы хотим жить безбедно и есть сытно. Что я за хозяин, если ни одним заработанным рублем не могу распорядиться свободно? Какой от меня прок стране, если я буду постоянно оглядываться на какого-нибудь Юнака, стеречься, как бы он меня за жабры не ухватил? Надо выводить экономику из поднадзорного состояния. Этот процесс уже начался, но идет он непростительно медленно.

— *Как вы относитесь к призыву академика Арбатова создать комиссию по реабилитации хозяйственных руководителей, незаслуженно пострадавших в годы застоя? Вы ведь тоже не реабилитированы...*

— Я благодарен академику за то, что он поставил наши с братом Федором имена в один ряд с именами Худенко, Сургутского, Жандыбаева. Считаю, что вопрос о реабилитации имеет не только нравственный, но и экономический смысл. Пока он не будет решен, напрасно ждать творческой смвлости от каждого из нынешних хозяйственников. Многие, оглядываясь на нашу судьбу, поневоле будут перестраховываться. Сейчас эти оглядки наряду с несовершенством законов крепко цементируют плотину самоограничений, которая сдерживает предпринимательскую инициативу.

Не думаю, что происшедшее со мной вдохновит кого-нибудь «на труд и на подвиг». Люди скажут: «Вот Стародубцев пахал тридцать лет не за страх, а за совесть. И что из этого вышло? Из партии изгнан, ордвна отобрали, самого — за решетку. Сейчас, под старость лет,

вынужден начинать жизнь сначала».

Но мой пример еще очень оптимистичен. А скольких, как Ивана Худенко, если реабилитируют, то посмертно. В Туле многие помнят трагедию В. Жаркова. В 1981 году Владимир Васильевич, директор передового совхоза «Зыбино», осмелился заявить отвод Юнаку с трибуны областной партконференции, избиравшей состав обкома. Ему не позволили договорить, изъяли из стенограммы сам факт его выступления. И пошел человек по мукам. Прожил недолго. Напоследок пастушил, другой работы ему нигде не дали. Переполнила чашу страданий злобная, вздорная статейка, в которой пастуха Жаркова обвинили в том, что он... пасет слишком большое стадо.

Предавать забвению такие трагедии безнравственно. Молчать — значит, соглашаться на будущие беззакония. Реабилитация — самое малое, что может общество сделать для безвинно погибших. А лучшим памятником им должно стать правовое государство, к созданию которого мы сейчас приступили.

— Вы сторонник радикального переустройства нашей экономики в предельно сжатые сроки. Что убеждает вас в реалистичности такой позиции?

— Нэп. Страна погибала от голода, когда Ленин взял курс на новую экономическую политику. А через два года Россия не только накормила себя, но смогла даже торговать хлебом. Отказ от догм военного коммунизма, от принципа принуждения в экономике был вознагражден и появлением золотого червонца.

Сейчас многие говорят, что столь разительные успехи были обусловлены малым временным промежутком между двумя пограничными обществами — капиталистическим и социалистическим. А ныне разумные экономические навыки утеряны, хозяйский инстинкт в людях истреблен, и на скорое возрождение былой преданности земле рассчитывать не приходится. Особенно в России. Это, мол, не Прибалтика, где крестьянин до сих пор помнит, где был земельный надел его отца, деда, прадеда.

Но я уверен, что несмотря на все это мы за прошедшие годы перестройки уже смогли бы добиться значительных перемен в сельской экономике, если бы не топтались на месте, не уступали консервативным силам. Правительственные постановления, решения партийных пленумов как бы сотканы из компромиссов.

Таким компромиссом представляется мне решение мартовского Пленума ЦК КПСС о внутрихозяйственной аренде. Оно прямо провоцирует коллективные хозяйства на беззастенчивое захребетничество, отдавая арендаторов в колхозно-совхозную кабалу.

Так будет, пока мы не решим глобальный вопрос о цене земли. Должна быть установлена, наконец, твердая и обязательно дифференцированная плата за нее. К сожалению, не все еще понимают это. Мне приходилось слышать и читать рассуждения о том, что землю нельзя делать предметом купли-продажи, так как возникает опасность спекуляции ею. А это не по-нашенски, не по-социалистически.

Между тем, спекуляция-то уже вовсю идет и как раз из-за того, что земле не названа цена. Сейчас любой председатель колхоза или директор совхоза за какое-нибудь неудобье, дающее копеечную прибыль, а то и вовсе убыточное, может потребовать и требует с арендатора полторы, а то и три тысячи рублей с гектара за год.

О каком равноправии, о какой конкуренции различных землепользователей может идти речь в подобных условиях? А ведь только при наличии свободно конкурирующих и обязательно равноправных форм хозяйствования на селе — колхозной, совхозной, кооперативной, арендной, частно-фермерской, наконец,— мы выйдем из продовольственного тупика.

Бесплатная земля — разорительная, пагубная иллюзия. И чем скорее мы от нее откажемся, тем лучше будет для нас и для потомков наших.

— К обращению депутатов-аграриев на Съезде присоединились 126 их коллег, которые по роду своих занятий не связаны с селом. Казалось бы, при всеобщем интересе к селу проблемы продовольствия могли бы решаться и быстрее, и результативнее.

— Да, массовая заинтересованность вопросами аграрной политики у нас, что называется, налицо. Но одного интереса мало. Недаром депутаты-аграрии так горячо настаивали на приоритете сельскохозяйственных нужд. В необходимости такого приоритета приходится убеждать еще очень и очень многих.

На мартовском (нынешнего года) Пленуме ЦК КПСС много было сказано о приоритетном развитии села. Постановление Совета Министров СССР от 5 апреля тоже декларировало необходимость первостепенного внимания к сельскохозяйственным проблемам. Но в то же время посыпались одно за другим решения плановых, финансовых и ценообразующих органов, каждое из которых больно ударило по селу.

Так, из кармана агропрома на развитие других отраслей народного хозяйства вынули почти 900 миллионов рублей. Кроме того, резко сократились все виды кредитования и повысились кредитные ставки. Раньше за пользование краткосрочными кредитами хозяйства платили не более трех процентов, сейчас их обязали платить 15 процентов. Ученые подсчитали, что только в результате этих воистину драконовских мер сумма дополнительных расходов для хозяйств средней полосы России составит 1011 миллионов рублей.

— Дмитрий Александрович, Съезд показал, что новый депутатский корпус, который формировала вся страна, тем не менее в массе своей еще недостаточно хорошо ориентируется даже в реалиях сегодняшнего дня. Что вы скажете о такой ситуации?

— К ней нужно относиться спокойно. Она ведь, по правде говоря, не стала полной неожиданностью, так как недочеты Закона о выборах позволяли еще до Съезда прогнозировать соотношение основных сил. Прогноз, составленный реалистами, подтвердился. Повод ли это для пессимизма? Я думаю, что нет.

Прежде всего потому, что мы не имеем права отчаиваться. Это был бы слишком роскошный подарок Административной Системе. Не надо обольщаться, она еще достаточно сильна. Конечно, Юнака нет, но сколько юнакомыслящих! И не только в кабинетах, не только на руководящих постах. Юнакомыслие распространено на всех общественных уровнях. Высокомерие, сознание собственной исключительности, нетерпимость, полная самоизоляция от чужой беды и боли, нежелание смотреть правде в глаза — все это юнакомыслие.

Противостоять ему, бороться с ним могут только инакомыслящие. Печально, но вполне естественно, что пока они в меньшинстве. Новые идеи — всегда достояние узкого круга. Когда они проникают в массовое сознание, это уже не идеи, а работоспособная сила. Так учил Маркс. Зерна сомнения в непогрешимости некоторых традиционных взглядов уже взошли. Наше дело сейчас беречь ростки новой, демократичной жизни, в которой не должно быть места для начальственных окриков, насилия над личностью, а должен наконец воцариться свободный труд на свободной земле.

Беседу вела Яна НИКИТИНА

Ярославская область

РОДИНА 8/89

Ежемесячный общественно-политический научно-популярный иллюстрированный журнал

Издание газеты «Правда»

Выходит с января 1989 г.

На первой обложке фото Владимира Лагранжа.

Рукописи объемом менее двух авторских листов не возвращаются.

Москва
Издательство «Правда».

Местные путеводители умалчивали о «военном профиле» Читы, о том, что город с 360-тысячным населением является еще и столицей двух мощных военных округов, граничащих «на верху» географической карты с Северным Ледовитым океаном, на юге — с КНР. «Старая Чита новой не чета» — такая появилась теперь присказка у забайкальцев. И вправду, вопреки своему прежнему амплуа «секретного города» Чита успешно налаживает экономические связи с зарубежными партнерами, встречает у себя дома иностранные делегации. Горисполком принимает «сенсационное решение»: все ведомства, включая военное, должны уступить некоторые свои конторы и постройки для размещения в них служб быта. Словом, демократизация всех сторон нашей жизни не обходит стороной и некогда «осторожную» Читу. Город — с «погонами», и, естественно, что его граждане, находясь в гуще военных, все чаще задаются вполне естественными вопросами: а что есть такое перестройка в армии? Как объявленное сокращение рядов Вооруженных Сил скажется на оздоровлении экономики страны? Справедлива ли звучащая в прессе, там и тут, критика армейских порядков, и как ее воспринимают командиры, обладатели малых и больших чинов? Наконец, наш лозунг «Народ и армия — едины!» — как его в духе времени наполнить новым содержанием, реалистическим и деловым?

Борис ВИШНЕВСКИЙ,
собственный корреспондент «Комсомольской правды» по Читинской области

Юрий МАКАРЦЕВ,
обозреватель журнала «Родина»

Фото Евгения ЕПАНЧИНЦЕВА

ГОРОД С ПОГОНАМИ

ВЫЯСНЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ

Центральная площадь Читы. Как на параде, происходящем на огромном плацу, здесь застыли, будто по команде «смирно», несколько самых представительных в городе зданий. Окна обкома партии как раз напротив окон штаба ордена Ленина Забайкальского военного округа (ЗабВО). Рядом горисполком и гостиница «Забайкалье». Какое из упомянутых учреждений на этом «параде социальных вывесок» старше по званию? Кто кому обязан отдавать честь? Если вспомнить историю, «акценты почтения» смещались и менялись... Прояснилось в конце концов вот что. Люди с авоськами, матери с детскими колясками, солдаты и офицеры, пересекающие сквер на виду руководителей главных городских учреждений,— главнее всего. Вольно! Каждый человек — теперь как бы генерал.

Порядки меняются в духе времени, но единообразия пока нет. Допустим, пришел зачем-то гражданин к «Советской власти», при входе в горисполком его никто уже не хватает за рукав пиджака. В обкоме партии, однако, и по сей день «традиционный милиционер» разглядывает фотографию на удостоверении личности всяк сюда входящего. А как у военных? Мы стоим у дверей штаба округа и смотрим на часы. Полковник С. Т. Мезенцев выходит к нам на улицу, здоровается. Теперь путь в чертоги военного ведомства открыт. Мимо постового, по широкой мраморной лестнице поднимаемся в кабинет полковника, занимающего должность начальника отдела агитации и пропаганды. Дипломат, как сразу выясняется, Сергей Тарасович неважный: «А вы согласовали своей визит в Москве?» «О чем собираетесь писать?» — такие вопросы в лоб вряд ли можно признать «интеллектуальной разведкой».

Через несколько минут мы уже были в апартаментах члена военного совета ЗабВО, начальника политуправления округа, генерал-лейтенанта И. Т. Рымарева. Хозяин кабинета, хотя и приветлив, но тоже — осторожен. С чем, мол, товарищи журналисты, пожаловали, с добрыми ли намерениями, с миром, выкладывайте,— на этой ноте и началась беседа с Иваном Титовичем, нота стала лейтмотивом всей встречи.

Годами на страницах печати публицисты, что гражданские, что армейские, представляли Вооруженные Силы как совершенный институт боевого, политического и нравственного воспитания армейской молодежи. Только «красное». Никаких полутонов и проблем, дабы «не подыграть идеологическому противнику» и не разоружить себя,— за этим ревностно следила военная цензура, зорко контролировавшая прохождение «своей темы» в изданиях. Свои отношения с общественностью армия строила «с позиции силы». Эра гласности — новая данность. Если прежде военные оспаривали саму возможность и целесообразность критики (армия-то, мол, народная), то сегодня, как мы поняли, их волнует ее правомерность и компетентность. «Армия противопоставляется народу,— говорил нам Иван Титович.— Из публикаций нам взять для себя, по сути, нечего...»

— «Черной краски» много? Так полемизируйте с газетами,— говорили мы И. Т. Рымареву.— Почему молчите?

В феврале нынешнего года «главный идеолог» округа попытался навести мосты дружбы и взаимопонимания с местными журналистами. Иван Титович пригласил их к себе в штаб, выступил с речью — текст этого выступления он любезно передал нам. Время быстро меняется. Сегодня мы уже делим нашу жизнь на: «до Съезда народных депутатов» и «после Съезда». Что волновало военных руководителей в начале года, «до»? «Писатели и журналисты, телевидение, радио, наши многие газеты, другие средства массовой информации, в том числе «неофициальные»,— цитируем И. Т. Рымарева,— наносят серьезный урон военно-патриотическому воспитанию молодежи. Я имею в виду не критику отдельных недостатков в армии. Речь идет о целых направлениях в нашей печати, если хотите, о линии некоторой части писателей, рассчитанных на размывание патриотизма, любви к Родине и готовности к ее защите».

Доводы по-армейски? Запальчивость полемиста, преувеличение? Но ведь и то верно, что иные леворадикальные «соловьи перестройки» зовут молодежь в сомнительную степь. Готовя этот репортаж, мы, естественно, не могли пропустить общегородской митинг, темой которого стала дискуссия по поводу трагических событий в Тбилиси. За три часа сказано было много разного. Со ступенек городского драматического театра, перед свободным микрофоном лидер «свежеобразованного» в Забайкалье студенческого демократического союза (СДС) Александр Жданов, допустим, призвал к «кампании массового гражданского неповиновения». Прозвучали и другие эпатирующие публику заявления вроде: «Отказываюсь служить в армии, которая стреляет в свой народ». Однако заметим, отнюдь не подобные пассажи определяли главную тональность «народного веча», созванного в тот вечер, кстати, по инициативе обкома ВЛКСМ и комитета по увековечению памяти жертв сталинских репрессий 30—50-х годов. Люди чувствуют фальшь и помнят, что она не раз заводила общество в тупик. Мы слышали, как женщина-пенсионерка, поглядывая в сторону представителя СДС, предупредила о бдительности по отношению к «контрреволюции», а потом отнюдь не подначитавший в речах школьник Сергей Волобуев, волнуясь, напомнил гражданам о том, что «армия — часть общества», и «существует такое понятие, как долг перед ней».

Член военного совета ЗабВО, начальник политического управления округа, генерал-лейтенант И. Т. Рымарев: «...Народ слабо информирован о перестроечных моментах в армии. Газетная информация, как правило, к сожалению, создает нездоровое мнение о Вооруженных Силах...»

Прямо-таки уличный драматический театр. Актвры — люди, со своими позициями, сомнениями, надеждами. И все-таки от митинга у нас осталось какое-то чувство недосказанности. Народ то и дело поглядывал в ту сторону, где шла свободная запись к микрофону. Что скажвт армия? (Митинг проходил как раз между зданиями ЗабВО и Дома офицеров.) Но ни один человек в военной форме так и не попросил слова. «Принято решвние в митингв не участвовать»,— прокомментировал позднев ситуацию полковник С. Т. Мезенцвв. А почвму? Развв это сегодня не передовая — прямой, откровенный диалог с людьми? Ввдь многив офицеры, квк мы узнали позднее, все-твки прибыли сюда, на Театральную площадь. Правда, переодетыми в штатсков. Пришли, чувствуя шанс восстановить доверив, сблизить позиции с гражданскими. Но — приказ...

«Кто уклонявтся от игры, тот ве проигрывавт»,— говаривал кардинал Ришелье. То-то нашумела в Читв окружная военная газета «На боевом посту», выступив 16 мая с редакторской колонкой, гдв была дана рецензия на очередную вышедшую в эфир первдачу Центрального телввидения «Взгляд». Цитируем: «Определенные консолидировавшиеся силы, захватившие кое-гдв телевидение, радио и некоторые скандально-известные издания, без смущения спвкулирующие на демократизации и гласности, систематически и цвлвнаправленно наносят удары по самому чувствительному и уязвимому — национальному духу... а значит, и по пврвстройкв. Провокаторы понимают, расшатав врмию, они расшатают и государство, а затем и демонтируют завоеванный кровью и потом многих поколений советских людей социалистический строй».

Один из авторов репортажа встретился с редактором газеты «На боевом посту» подполковником А. Т. Белым: неужели это двйствительно все так серьезно — «захлебываясь ненавистью», «провокация», «захват власти»?

— Пожалуй, погорячился,— признался Аркадий Тимофеевич, в жизни — человвк совсем «не грозный», интеллигентный.— Таков уж был момент. Войдитв и вы в наше положение. Раскрываешь какую-нибудь газету, читавшь — там тожв в выражениях не стесняются.

Что верно, то верно, «гражданская пресса» тоже не слишком заботится о дипломвтичности суждений и выводов, злоупотребляет ярлыками. «Военные журналисты» понимают перестройку как возвращенив из застоя в сталинизм»,— так откликнулась на редакторскую колонку читинская «молодежка» «Комсомолец Забайкалья». Партийная газета «Забайкальский рабочий» увидвла в выступлвнии вовнных коллег «яркий пример тенденциозности, нетерпимости и абсолютизации своей позиции». А свмописный информационный ввстник «Гласность», орган СДС, где рвдактор, очевидно, без тормозов, назвал окружную газету «центром рвакционной пропаганды».

Первдержки в дискуссии — они, на наш взгляд, во многом от прежнего страха пвред людьми с погонами, от потери «исключительной роли» самих военных в обществе. Искусство взаимопонимания дается непросто даже высоким руководителям, чьи окна в служебных кабинетах выходят на общую центральную площадь.

— Как у вас отношения с городскими властями? — спрашивали мы у военных.

— Нормальные. Хотя есть и незрепые рассуждения, мол, воинские части надо выводить из города...

— Надо постепенно выводить,— настаивавт секретарь обкома КПСС В. Д. Баев.— В 30-е годы военные в Читв были главной силой. Давали им все, что ни попросят. Но не на вечнов же пользование — об этом гласят и документы.

Язык не повернется называть военных неудобными «квартирантами» Читы. В минувшем году формированиями округа перевезено свыше полумиллиона тонн народнохозяйственных грузов. Армия строит для гражданских организаций объекты в объемах более 50 миллионов рублей. Передали городу стройкомбинат по производству железобетонных изделий и керамзита. А проложенные магистральные дороги области! А школы, детские сады, возникшие вне «гражданских лимитов». А потушенные лесные пожары!..

И тем не менее мэр Читы В. Т. Лесков видит сегодня в людях в военной форме представителей не «исключительного», а рядового ведомства, на которое тоже распространяются законы и общепринятые нормативы. «В будущем,— перечисляет Вадим Тихонович свои заботы.— придется переносить в другое место военный аэродром. Хорошо бы отдать городу и домик, где живет заместитель командующего, детям. Читинцы это бы оценили!

Невероятно?!.

По словам председателя горисполкома, нынешние военные руководители — люди достаточно современно мыслящие. Лвгче стало решать многие сложные вопросы с приходом на должность командующего округом генерал-полковника В. М. Семенова.

— Жаль, не думая, не чая подвели командующего,— вспоминает недавнюю наболевшую историю В. Т. Лесков.— Честное слово, боимся, как бы это не отразилось на его карьере. В министерстве обороны ничего на забывают...

Однажды в кабинет к председателю горисполкома буквально ворвалась незнакомая женщина: мол, посмотрите, Вадим Тихонович, что делается. С этими словами гражданка выложила на стол пачку секретных военных документов, случайно подобранных ею на свалке во время прогулки в лвсу. Мэр схватился сначала за голову, потом — за телефонную трубку. Однако так случилось, что «выяснение отношений» с некоторыми начальниками в штабе округа потребовапо времвни и согласований. Пока суть да дело, газета «Забайкальский рабочий» напвчатала разоблачительный материал. О том, с какими трудностями ставился на полосу текст, областные газетчики позже рассказали на страницах «Изввстий»: «Репортаж со снимками был уже готов к печати, когда в редакцию влетел взволнованный представитель особого отдела штаба ЗабВО. Он катвгорически заявил, что «документы, найденные на свалках, достаточно серьезны» и по этой причине публикации нв подлежат.

Журналисты подивились такому повороту дела, но здраво рассудили, что настоящие военные секреты на свалку не выкидывают».

Инцидент произошел весной. Вспомним, в феврале начальник политического управления округа И. Т. Рымарвв встречался с местными журналистами. Призывал их: «Пишитв! Снимайте и показывайтв по твлевидению! О тех, кто уклоняется от призыва или сбежал из армии, должны знать все. Расскажите о конкретном парне, который насаждал «дедовщину», а потом оказался в дисциплинарном батальоне. Мы за такую гласность».

То ли живучи стереотипы, когда военных считали консерваторами и чуть ли не противниками перестройки. То ли старые обиды еще болят и живуче в памяти время бесконечных «соглвсований» с начальниками каждой газетной строчки. Во всяком случае, местные газетчики Ивана Титовича не услышали. Что там, многие публицисты не заметили, что армия, ставшая более «открытой», сама взывает о помощи со стороны общества, она предрасположвна к сотрудничеству.

ОТДЫХА НЕТ СОЛДАТУ...

«Любовь к своей армии, верность ее традициям есть самый верный признак здоровья нации. Нападки на армию начинаются всегда, когда хотят скрыть и не трогать болев глубокив пороки общества. Чаще всего неприязнь к армии проистекает от нечистой соввсти и страха перед службой и долгом».

Опубликовав эти строки на страницах «Военно-исторического журнала», писатель Карем Раш прямо-таки пролил бальзам на душу военным. Прав он, что-то сломалось в нашем почтвнии к военной форме. В этом стоило бы

Ответственный политработник — ракетчик, генерал-майор В. А. Евстратов: «У части молодежи пропал интерес к военной профессии. Почему? Офицер социально не защищен. Он работает сутками без отгулов... А требования к нему растут».

Под Читой в дисциплинарном батальоне отбывают наказание около 1000 солдат и сержантов. Позор армии? Нет, аргумент против необоснованных на нее нападок, важный элемент правосудия. Согрешил, распустил руки, «замарался в «дедовщине» — отвечай по закону.

поглубже разобраться. Но, к сожалению, верхоглядства много.

«О тяжелых случаях «дедовщины» часто пишут с плохо скрытым злорадством»,— продолжает К. Раш. Тоже верно. Многие органы печати в своей критике внутриармейских деформаций так и не продвинулись дальше констатации того, что «дедовщина» — примета будничная.

Смеем утверждать, что болезнь хроническая. И пока, увы, не существует эффективной социальной терапии, чтобы очистить от нее казармы. Пусть даже при этом воспитатели-военные кончают по десять академий каждый! «Заразе дедовщины» вновь и вновь, каждый год привносится в армию «извне» — из общества, больного многими пороками и недугами. Никому не приходит на ум винить милицию в росте преступности. Так и военные — не семи пядей во лбу, чтобы исправлять на сто процентов ошибки многочисленных институтов нравственного и прочего воспитания молодежи. Военные учат защищать Отечество, и этой наукой овладевают у них практически все, даже носящие в себе аномалии и нравственные несовершенства молодые люди. Это уже немало.

Военные специалисты советовали нам прислушаться к их голосу: не «дедовщина» главная проблема современной армии. Правовая и социальная незащищенность офицеров и непроясненный юридический статус солдата — вот где стоит сшибать лбы, доказывая необходимость тех или иных демократических преобразования в Вооруженных Силах.

Итак, солдат. Мамочка со слезами на глазах провожает парня послужить Родине и Отечеству. Потом ждет писем. Бежит с конвертом вся просветленная к соседям. Но, увы, бывает, ту же мать зовет дорога дальняя и печальная. Смотрит родительница, прибывшая по адресу, и не поймет: воинская часть или колония для преступников? Колючая проволока, караульные вышки с автоматчиками, ворота-пропускник с особым режимом для всякого, кто входит и выходит. Солдаты — не солдаты, у каждого поверх формы на спине номер. Именно так внешне выглядит дисциплинарный батальон неподалеку от Читы, где отбывают наказание около тысячи солдат и сержантов. Сроки — от полугода до трех лет...

Командир батальона полковник А. Десятник и замполиты подполковники В. Павлов, Н. Ушкин перечисляют «популярные» статьи уголовного кодекса. А мы тем временем листаем тонкие дела в картонных переплетах. Каждое четвертое — о неуставных взаимоотношениях.

Чуть поменьше — уклонения от воинской службы. Здесь самовольные отлучки и оставление части в течение 3—50 суток. Воровство из квартир, гражданского имущества, денег сослуживцев. Разные степени неповиновения приказу командира. Угон автотранспорта. Дорожные происшествия. Хищение оружия и боеприпасов. Нарушение правил караульной службы и другие — вплоть (минимальный процент) до гомосексуализма и убийств по неосторожности.

«Представительство» родов войск — это еще один штрих к портрету дисциплинарного батальона. «Первенство» по печально-бесперебойным поставкам клиентов сюда уверенно держит стройбат. Каждый второй — оттуда. Кстати, о строительных частях. Прокурор Забайкальского военного округа полковник юстиции В. Г. Мельничук назвал их «в известной степени позором Вооруженных Сил». Военкоматы сплавляют туда молодежь с судимостью. Низкая дисциплина. Мнимая экономическая эффективность. По мнению прокурора, воинские части не должны ни строить, ни пахать — их дело заниматься боевой подготовкой. Стройбат — анахронизм, и в этом с Василием Григорьевичем трудно не согласиться.

Листаем дела дальше, вникаем. Скромнее число преступников, поступивших в дисциплинарный батальон из сухопутных войск. В пределах 3—8 процентов идут «воздушники», «связисты», «ракетчики», «железнодорожники»... Список замыкается не лучшими представителями войск госбезопасности.

Итак, не тюрьма и не армия. Не «зона», не «химия». Возвращаются грешники на гражданку без судимости, то есть без «пятна».

«Так что же, изуродовал кого-то красавец, отпахал в дисбате и хорошеньким — домой?» — сомневаются некоторые правоведы. «А кого исправила тюрьма?» — резонно отвечают им другие юристы.

— Мы стараемся создать у нас такие условия повседневной жизни, которые максимально приближены к требованиям воинского устава,— объясняет специфику дисбата полковник А. Десятник.

— И не бегут? — спрашиваем командира.

— Бежали. Сейчас нет. А, впрочем, если обратно, к нам, то случается. Отбыл свое, вернулся парень в часть, а там такое... Вот и возвращаются к нам. Дисбат — это рай для тех, кого «те» гнули.

Эта фраза, оброненная опытным командиром, почти что афоризм, заставляет крепко и о многом задуматься.

Дисциплинарный батальон — это аргумент армии против некоторых обвинений в ее адрес. Это один из полезных элементов того правового механизма, который еще предстоит создать во всей целостности в Вооруженных Силах. Не «деды» сами по себе страшны. Нужны правовые гарантии того, что, вступая ногой на территорию воинской части, где бы она ни находилась, солдат, охраняющий Отечество, сам охраняем законом — против насилия, зла со стороны сослуживцев, злоупотреблений командира или старшего по званию. В каждой воинской части необходим юрист. «Штатный дознаватель,— уточняет военный прокурор В. Г. Мельничук.— Он станет помощником командира в юридических вопросах, правовым консультантом солдат, его рука отведет немало бед».

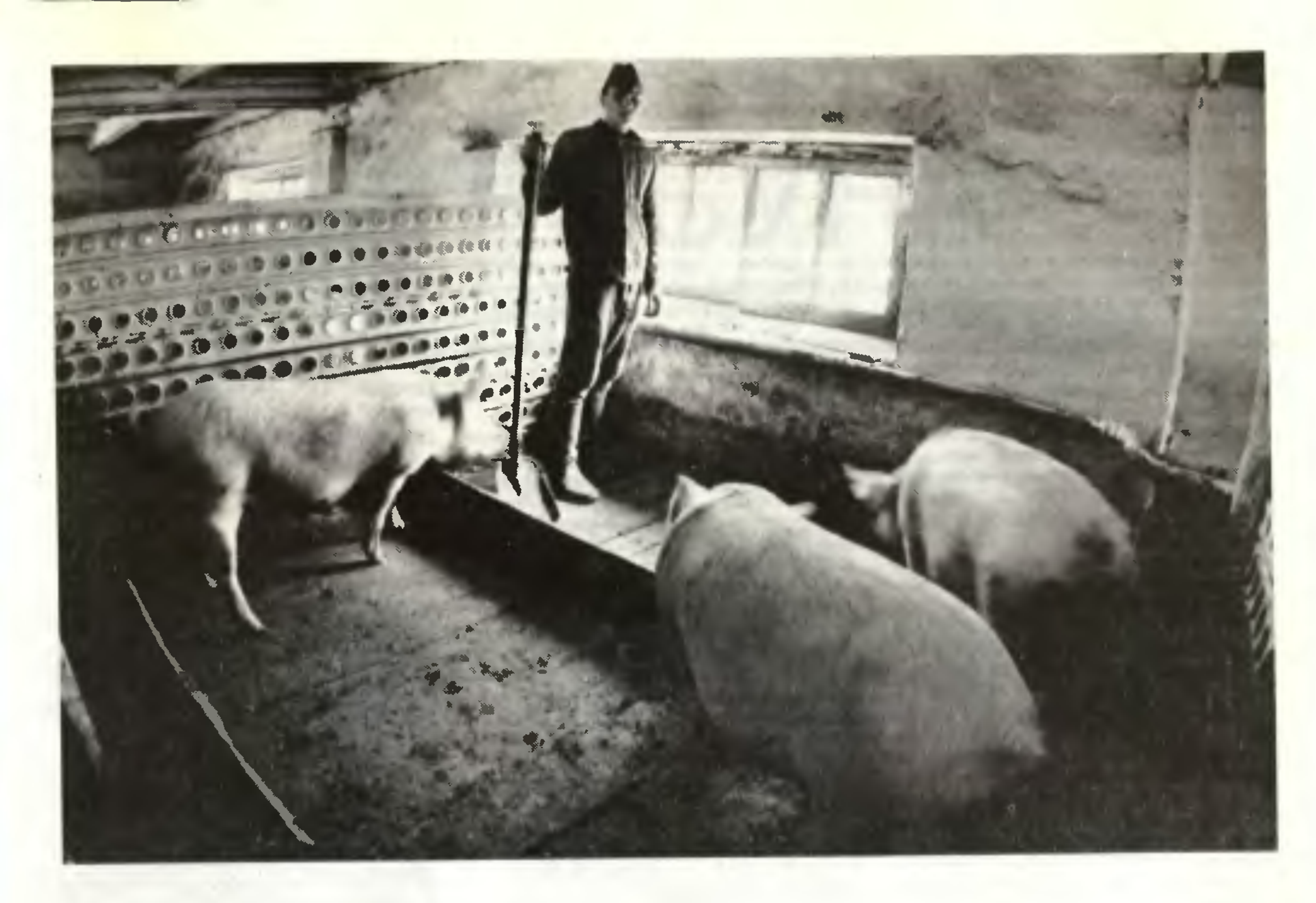
— Откуда в молодых ребятах угодничество, лакейство? В них сидит чувство страха, приспособленчество. Принеси нитку с иголкой — подобострастно бежит. Сигарету! — несет. За себя постоять — и мысли не возникает. Мы такими в молодости не были...

Так неожиданно поворачивает «тему солдата» ответственный политработник, ракетчик генерал-майор В. А. Евстратов. В штабе ЗабВО нам показали огромную «бумажную простыню», расчерченную на квадраты и столбики. Учет приходящего в части пополнения происходит по 54 графам. Тут и бывшие алкоголики, наркоманы, баптисты, пацифисты, националисты, ребята, стоявшие на учете в милиции, судимые. В 1985 году Читинский облвоенкомат призвал на службу 167 человек судимых, в 1986-м — 207 человек, в 1987 году — 371, в 1988-м — 380 парней. Одни из вуза, другие из ПТУ, третьи из подворотни, четвертые из хулиганских компаний. Все «психологии» в кучу. Доставая из тумбочек новобранцев экземпляры библий, провокационные листовки, всякого рода «печатные наказы», командиры ворчат: каковы воспитатели, таковы и плоды...

В нашем присутствии собеседники вспоминали, допустим, о детях высокопоставленных работников, которые уклоняются от призыва.

В Читинском обкоме КПСС, говорилось политработниками штаба округа на одном из собраний общественности города, не служил ни один из секретарей обкома. В облисполкоме, кроме председателя, ни один из пяти его замов. В обкоме ВЛКСМ — два секретаря. Из 34 первых секретарей райкомов (горкомов) партии Читинской области не «понюхал пороху» 21 руководитель, то же можно сказать о 16 председателях райисполкомов. Далее идут обла-

Военный комиссар Читинской области, генерал-майор В. Г. Мизун: «За последнее время министр обороны собирал нас трижды. Вопрос стоит так: военкоматы должны отвечать за каждого призывника. Стараемся. Но что делать, если иным ребятам мама воспитания не дала...»



Наш солдат носит зимой и летом кирзовые сапоги. Получает пособие в размере 7 рублей — на конфеты и сигареты. Не ездит в отпуск, если особо не отличился по службе. Обязанности и права солдата, думается, необходимо пересмотреть с учетом новаций времени и закрепить их в законе.

стные газетчики, корреспонденты областных и районных газет, радио и телевидения: 27 человек армейскую закалку не прошли.

Командиры частей, мучаясь со своим контингентом, поругивают и военкоматы: кого они к нам присылают!

— Правильно,— соглашается облвоенком, генерал-майор В. Г. Мизун.— Я сам, когда служил в войсках, думал: военкоматчики — лентяи... Но, посмотрите, у нас из 34 комиссариатов 18 — «нищего разряда», как мы их называем. В штате два офицера и один прапорщик. Их орудие труда: шариковая ручка, пишущая машинка, телефон. Инспектора районо по начальной военной подготовке,— продолжал Вячеслав Григорьевич,— в основном женщины. Вся надежда на школьных военруков. Но там зарплата!.. Офицеры, выходя в отставку, теперь поглядывают в сторону кооперативов. Я тут сам как-то позвонил редактору одной из областных газет: опубликуйте, мол, объявление о встрече ветеранов. Он мне в ответ: заплатите — напечатаем...

Ежегодно повторяются «ЧП»: военнослужащие «дают деру» из частей — таких случаев набирается немало.

Бегут от плохих бездушных командиров — такие, безусловно, есть, от тяжелых условий службы — да. дают деру от собственной душевной пустоты, от неспособности примирить в себе чувство долга и чувство ущемленной свободы. Стреляются — и такое бывает. Случаются другие трагедии. Армия — зеркало общества, в котором «белое», «черное» и все жизненные полутона. А великая ее сила в том, что во все, даже самые застойные времена она создавала надежный оборонный щит страны. «Но почему в нас камни летят? — обращались к нам многие военные.— За что?»

Нет, как мы поняли, их раздражает не сама реальность, когда теперь решено сократить состав Вооруженных Сил на полмиллиона человек и несколько подрезать оборонный бюджет. Обижает ретивость иных доброжелателей, предлагающих пойти еще дальше, основательно «подраздеть армию», потому что, мол, военные и так купаются в деньгах. А действительность такова: «Денежное содержание офицеров и генералов американских вооруженных сил в 6—8 раз больше, чем у соответствующих категорий наших военнослужащих, а у рядового состава более чем в сто раз»,— об этом сообщил на страницах газеты «Правда» начальник Генштаба Вооруженных Сил СССР генерал армии М. Моисеев. Утверждают, мол, нельзя сравнивать условия американских военнослужащих и наших. Наш солдат, допустим, получает бесплатно в день 175 граммов мяса, 100 граммов рыбы, 450 граммов хлеба, жиры, яйца, сахар, чай, да плюс к тому 7 рублей в месяц на сигареты и конфеты. Да, но конфеты подорожали. А в жару у солдатика на ногах — кирзовые сапоги.

Общество лишает его неотъемлемого права советского гражданина — права на отдых. Из-за экономии средств в отпуск уходят только «отличники боевой и политической подготовки». Но разве не производстве все передовики? На какие «железные» психологические нагрузки рассчитан двухлетний ритм солдатской жизни, проходящий нередко на небольшом замкнутом пространстве воинской части?!

Вот невеселый рассказ рядового, студента МГУ, у которого за плечами уже половина срока службы: «За ворота части выглянуть ни разу не довелось. Ну, хотя бы нас свозили в Читу, где, я знаю, есть музей декабристов и другие достопримечательности. В воскресенье из развлечений — телевизор, спортивные соревнования, сон, кино. Летом жарко, но ведь никому не придет в голову разрешить нам искупаться в пруду, что в двух километрах от части, или погулять в лесу».

За недостатком места мы опускаем многие факты, которые отсылают к долгам общества перед офицерами Вооруженных Сил. Круглосуточный ритм труда и преждевременный износ здоровья. Зарплата, «похудевшая» в результате инфляции. Квартиры — где жить офицеру с семьей, когда он уходит в отставку? Мы стараемся в ходе социально-экономической реформы поднять все социально-экономические нормативы жизни. Почему же о солдате, офицере забыли? Их обязанности и права, с учетом новаций времени и новых наших представлений о достоинстве личности, надо пересмотреть и закрепить законодательным путем.

— Пусть экономисты все хорошенько посчитают с карандашом в руках,— это голос начальника окружного госпиталя, полковника медслужбы С. П. Демьяненко.— Во что, допустим, стране обойдется наемная армия, о которой кругом рассуждают. Решительно все. Даже то, сколько гибнет на службе людей. Сколько нравственного и физического здоровья молодого поколения теряем мы, допустим, в стройбатах. Во что государству обходятся так называемые «перекрестные перевозки»: ребят из Бреста — во Владивосток, их сверстников из Читы — служить на Запад. Науку в армию пора тянуть! Ученых и общественное мнение слушать! Вот тогда мы изживем многие перекосы в Вооруженных Силах...

Беден по своим жизненным краскам досуг рядового: телевизор, кино, спортивные соревнования. А ведь многие ребята служат вблизи городов, где есть театры, музеи, исторические достопримечательности. Однако редко кому из командиров приходит в голову мысль организовать в выходной день экскурсию для молодежи...

Появись «добрый молодец» в таком «экзотическом» виде в расположении воинской части, он бы, вероятно, не избежал шуток своих товарищей и уж — совершенно точно — попал бы «на губу». «Дембель» — это особое психологическое состояние солдата накануне увольнения с воинской службы. Надо привезти домой альбом с фотографиями товарищей, с которыми пуд соли съел! А вот что повесить на грудь? Тут нередко фантазия плохо согласуется с хорошим вкусом и здравым смыслом.

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА

Возвращаемся к вопросам, поставленным Булатом Окуджавой в статье «Размышляю над этой печалью...» («Родина», 1989, № 2).

КОММЕНТАРИЙ ЧИТАТЕЛЕЙ

КТО РАЗДЕЛИТ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ?

На минувшем Съезде народных депутатов в защиту крымских татар раздавались почему-то в основном только писательские голоса (Ч. Айтматова, Я. Петерса, О. Сулейменова, Д. Кугультинова...). И на страницах нашего журнала первым поднял тяжелую тему Б. Окуджава. Что этому причиной — обостренная совесть писателей, их профессиональное внимание к людским бедам? Или, может быть, не столь уж велика проблема, и ее неоправданно эксплуатируют, так сказать, досужие перья?

Нет, проблема большая и затрагивает людей разных национальностей, возрастов и профессий. Это показала почта журнала. Такого числа откликов не собирала пока что ни одна другая наша публикация. Примерно две трети читателей в целом поддерживают Б. Окуджаву, одна треть ему возражает... Вникнем в аргументы. (С разрешения Б. Окуджавы я использую здесь письма, пришедшие в редакцию на его имя.)

«Крымская АССР вступила в союз с фашистской Германией и вместе с ней потерпела поражение от Красной Армии,— сообщает Е. Буртас из Ленинграда.— *Решение Государственного Комитета Обороны спасло крымский народ от справедливого гнева советских людей, которые по собственной инициативе начали карать крымских татар после изгнания фашистов из Крыма. Пересматривать итоги Отечественной войны — значит надругаться над памятью воинов, павших в боях с крымскими татарами».* В то же время автор письма называет «преступлением» последующее выселение тех татар, которые сражались с фашистами в составе Красной Армии, и предлагает сегодня разрешить им и их семьям вернуться в любое место Крыма. *«Новое же поколение ни в чем, разумеется, не виновато и пусть продолжает жить, как и все советские люди, там, где и сейчас живет. Пора прекратить сюсюканье в этом деле!»*

«Как и все советские люди» — в таком контексте выглядит весьма многозначительно. Примерно ту же мысль развивает в своем письме Е. Флеминг из Томска: *«Ох, как больно и обидно, что территория СССР для крымских татар — это «чужая земля»... Что же наша бедная Россия для татар не Родина?»* Вопрос, мягко говоря, риторический. Но смысл понятен: давайте продолжать жить «как и все советские люди», бдительно следя за тем, чтобы никому не становилось лучше...

Кавалер трех боевых орденов, ветеран КПСС и труда из Одесской области А. Луценко *«вполне за то»,* что при выселении крымских татар *«нужно было суметь отличить друзей от врагов. Но нельзя же не учитывать сложившейся тогда обстановки. Были проблемы гораздо серьезнее. Стране угрожала гибель».* Тоже хорошо знакомый, испытанный ход рассуждений, когда многие «мелкие» преступления и несправедливости списываются ввиду якобы одного большого всеобщего блага... Чем оборачивалось такое «благо» для многих народов, не только крымских татар, мы уже из истории своей знаем. Но А. Луценко и это ничуть не смущает, он готов подписаться под всеми сталинскими приговорами: *«Напрасная попытка обелить и калмыков, как и некоторых кавказских горцев... А что готовили немцы Поволжья?»* Вместо того, чтобы *«требовать» «не только автономии для крымских татар, но и миллиардов рублей для устройства их опять в Крыму — там, где они столетиями творили неисчислимые беды украинскому и русскому народу»,* автор письма советует Б. Окуджаве вспомнить об инвалидах Отечественной войны.

Вообще тема экономической помощи, затронутая в статье Б. Окуджавы, оказалась для большинства его оппонентов самой болезненной. Это не случайно, и легко от этого не отмахнешься. Очень уж мы привыкли тянуть в разные стороны и без того дырявый бюджет государства. П. Волков из Грязовца считает, что *«ссылка на все братские республики беспредметна. Что может дать Эстония, Молдавия, Таджикистан, Туркменистан или Армения? Все эти республики сами нуждаются в помощи. Русские и украинцы до того допомогались, что сами оказались беднее, чем закавказские и среднеазиатские республики... Сельскому населению, особенно русскому, также необходимо обустраиваться. Наши деревни (те, что остались) в печальном состоянии... Россия и русские заслуживают не меньше, чем другие. Нужна передышка и не меньшая помощь».* Думаю, житель вологодского края знает, о чем он пишет.

О какой только категории лиц не предлагается сегодня позаботиться спешно и радикально: о детях, школьниках и студентах, рабочих и колхозниках, женщинах, «афганцах», пенсионерах, обо всех малых и больших народах... Недавно мы были свидетелями, как даже народные депутаты, люди государственные,— из лучших, разумеется, побуждений — предлагали увеличить расходы на все сразу. Взаимоисключающие требования порой исходили от одного и того же оратора: и здравоохранение улучшить — и на космос больше дать, ибо «за державу обидно»; и селу все долги выплатить — и офицерам оклады повысить... Кажется, все население страны в итоге должно быть объявлено сплошной привилегированной массой. Что от этого изменится? А ровно ничего! Как справедливо заметил на Съезде народных депутатов Г. Попов, новые миллиардные затраты при существующем порядке вещей никому и ничему не помогут — мы «обязаны создать в обществе систему, при которой человек труда сможет зависеть только от себя, от своего труда». Именно на этом пути, думаю, можно решать и вопрос восстановления справедливости в межнациональных отношениях. Все народы нашей страны были, по сути дела, доведены до нище-

ты Административной Системой, все они жертвы произвола и товарищи по несчастью. Как теперь выяснить, кто кому сколько должен? И какой в этом смысл, если все равно нечем платить по счетам? Выход один — круто изменить экономические и политические отношения и дать наконец возможность каждому — идет ли речь о человеке или о целом народе — свободно трудиться, зарабатывая столько, сколько он способен заработать. Это материальная сторона проблемы; что же касается моральной, то нечего и пытаться в рублях оценивать кровавыв долги сталинского режима. Нельзя и списывать эти долги. О них можно начать забывать, но лишь при одном условии: если и духу этого режима на земле не останется...

Увы, имперский и даже расистский дух, как показывает почта журнала, не выветрился за десятилетия декларируемой бесконфликтности. Напротив, великодержавные и националистические настроения искусственно подогревались — и не в последнюю очередь такими «интернациональными» мерами, как, скажем, прохождение воинской службы в чужих краях, вдали от своего народа,— не говоря уже об афганской войне... Особенно настораживают подобные настроения у молодежи.

«В 1944 году был свершен величайший акт исторической справедливости,— пишет 27-летний В. Владимиров из Липецка,— монголо-татарские орды были возвращены туда, откуда эти орды явились 700 лет назад...

Я нисколько не сомневаюсь в том, что пройдут годы, и в Крыму ***не*** *заработают татарские школы, театры, институты и* ***не*** *начнут выходить книги на татарском языке. Все будут на своих местах: азиаты в Азии, европейцы в Европе.*

Я ничего не имею против татар. Пусть живут они в свое удовольствие на своей исторической родине — в Узбекистане. Но в Крым мы их не пустим. Это мнение не только мое, но и всех людей, с кем я беседовал на эту тему. И ради этой святой цели мы будем сражаться не только словом».

Не следует полагаться на то, что такие высказывания не представляют общественной опасности, ибо единичны. Дело не в числе, а в завлекательной доступности, в сплачивающей агрессивности примитивных чувств и деклараций. Снова по свежим впечатлениям обращусь к прошедшему Съезду: стоило немолодому депутату, говорившему почему-то от имени молодежи (очевидно, в роли ее наставника), сослаться на «идеалы», стоило противопоставить мнению «Сахарова и ему подобных» «интернациональный долг» в Афганистане да пожонглировать уже знакомым нам словцом «держава», как видавшие виды народные избранники устроили новоявленному популистскому лидеру овацию, презрев и гуманистические принципы, и авторитет глубокоуважаемого в стране и во всем мире ученого, да заодно и уважение к самим себе и к высокому собранию. Агрессивность многолика, но именно этот образ вспоминается мне сегодня, именно этот голос я слышу, когда читаю обращенные к Б. Окуджаве строки: *«А ведь, между нами говоря, Булат Шалвович, Вам наверняка глубоко наплевать на этих косоглазых».* Сказано вполне искренне. Автор просто не способен понять, что кого-то судьба «косоглазых» (наряду с другими растоптанными судьбами) может беспокоить сильнее, чем личное благополучие и безопасность и даже — о кощунство! — могущество Державы.

Тут можно лишь повторить вслед за классиком: для вас такой тип жизнеощущения необычен — но вот вы наблюдаете его.

Некоторые наши писатели с завидным постоянством упрекают в пропаганде эгоцентризма, безнравственности, насилия «перестроившиеся» средства массовой информации и так называемых «неформалов» (эвфемизм, безосновательно используемый для обозначения массовых демократических движений, охватывающих уже десятки миллионов человек по всей стране). Но где были эти гуманисты, когда мощная пропаганда под бдительным государственным оком внедряла в сознание народа неизбежность и привлекательность кровопролития, предательства, доноса, отцеубийства? Что ж они молчали, когда во дворах и подворотнях шли одни и те же игры в «красных» и «белых», «наших» и «немцев», а на экране всякий чужеземец выглядел так, что его непременно хотелось уничтожить? *«Мы слишком отвыкли (или отучены) от сознания личной своей ответственности за участие, прямое или косвенное, во зле,—* с горечью пишет З. Соколова из Москвы.— *От «химеры-совести» нас освободило сознание классовой целесообразности, от людского суда — Большой Брат».*

Сама эпоха с великим трудом отучает нас от самоубийственных, но все еще желанных стереотипов. Вместо казенного «интернационализма» к людям возвращается человеколюбие, подкрепляемое простой истиной: если сегодня ты не вступишься за притесняемого соседа, завтра сам окажешься под чьей-нибудь пятой. Вместо «убей другого, чтобы выжить» (логика первой половины XX века) — «спаси всех, чтобы спастись самому».

И здесь, наверное, самое время сказать о разуме и доброте, которыми просветлена бо́льшая часть писем-откликов.

«Огромное вам всем спасибо за то, что нашли возможность опубликовать статью Б. Ш. Окуджавы,— пишет в редакцию доктор исторических наук из Ленинграда В. Возгрин.— *Готов подписаться под каждым его словом — все абсолютно верно. Поражает глубокая заинтересованность, весьма редкая в наших современниках и соотечественниках, когда речь идет не о русских или евреях, а именно о татарах Крыма. И не менее великолепная осведомленность, просто-таки профессиональная, удивительная для неисторика по специальности и некрымчанина. Не сочтите эту оценку высокомерной — дело в том, что я много лет занимаюсь историческими судьбами крымских татар и сам коренной крымчанин, хоть и не из татар, а из потемкинских переселенцев-курян».*

«Прочитал в вашем журнале статью Булата Окуджавы. Две страницы, способные поселить надежду в сердцах сотен тысяч людей, уставших от боли и страдания... Я по национальности туркмен, и не могу представить, что было бы с моим народом, если бы его постигла такая же участь»,— признается аспирант МГИК Д. Гошаев.

Пришли отклики от немцев, армян, болгар, представитвлей многих других народов.

Л. Правоторина из Таганрога: *«Прочитав статью Б. Окуджавы, я искренне посочувствовала крымским татарам, но прошу не забывать о десятках тысяч крымских болгар, о том, что и мой народ страдал... Нас выслали в телячьих вагонах. Погибли моя бабушка — жена героя гражданской войны Мутьева Степанида Дмитриевна, ее невестка — жена расстрелянного фашистами коммуниста. Дети попали в разные детдома. Среди высланных были и партизаны, и комсомольцы; да и те, кто был в оккупации,— разве это их вина?»*

О. Бедросов из Ростова-на-Дону: *«Мои родители из армянских деревень, что вблизи города. Слышал, что и в Крыму (откуда в конце XVIII века переселили наших предков) есть такие села. Но, побывав там, узнал, что это не так. Тоже выселили в 1944-м. Сейчас уже меня не интересует, «за что», интересует — «куда». Где, в каких республиках, областях, районах живут эти сельские армяне?»*

К сожалению, большое число писем — сочувственных, гневных, взывающих о помощи и требующих к ответу — я вынужден был оставить за рамками обзора. Совершенно не затронута здесь, кстати, пачка писем и телеграмм (в том числе и коллективных, за многими подписями) от крымских татар, которые горячо благодарят Б. Окуджаву за поддержку и дополняют его статью существенными подробностями. Этот невостребованный ворох живых свидетельств — лучший ответ нашему читателю из Баку ветерану А. Соловьеву, обратившемуся одновременно в журнал «Родина» и в Политбюро ЦК КПСС с суровой критикой любых попыток *«обелить деятельность татарских племен»* и предложением: *«Пора при Политбюро иметь внештатный или штатный аппарат, который глубоко анализировал бы и давал добро на печатание необходимого, исторически ценного или современно необходимого материала...».* Аппаратов нам, уважаемый товарищ Соловьев, хватает, есть и такие, от которых давно пора избавляться. А вот что касается «исторической ценности» и «современной необходимости» — тут, похоже, мы попали с публикацией статьи Б. Окуджавы в самую точку.

Сергей ЯКОВЛЕВ

КОММЕНТАРИЙ УЧЕНОГО

КРЫМ МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫЙ: ПОИСК РЕШЕНИЯ

Игорь КРУПНИК, кандидат исторических наук

Каким видится будущее крымских татар? Каковы наиболее реальные пути их возвращения в Крым и дальнейшего развития межнациональных отношений в Крыму? Эти и другие вопросы обсуждались за «круглым столом», организованным в Москве Секцией социологии национально-политических отношений Советской социологической ассоциации АН СССР. Конструктивный, доброжелательный ход дискуссии подчеркивал ответственность всех сторон, их общее стремление найти выход из сложившейся ситуации. Общим было и отношение участников к главной задаче — изыскать возможность для возвращения в Крым крымских татар и других выселенных в 1944 году этнических групп (крымских армян, болгар, греков, цыган) с наибольшими преимуществами для всех заинтересованных сторон и с учетом позиции современного крымского населения.

Руководители общественной организации «Крым» А. И. Куркчи и В. Э. Шемьи-заде говорили о необходимости благоприятных политических и правовых условий, которые, по их мнению, резко облегчат процесс возвращения и налаживание отношений с проживающим в Крыму населением. Обвинения в нелояльности, запреты на продажу домов татарам, ограничения в их прописке в Крыму несовместимы с сегодняшними нормами нашего общества и должны быть немедленно отменены. Тогда возвращение татар будет воспринято на Украине, а также русским и украинским населением Крыма как нормальный, естественный процесс.

А. Г. Герцен и Ю. А. Лешуков (Симферопольский университет) подчеркивали важность подготовительной и просветительской работы среди нынешних жителей Крыма. Многие годы в Крыму нагнетались, как теперь говорят, «негативные стереотипы» по отношению к крымским татарам. Чтобы преодолеть их, требуется огромная работа средств массовой информации, целенаправленные усилия по формированию нового общественного мнения. С этого, как считают крымские ученые, должны начинаться все программы массового возвращения крымских татар и тем более любое обсуждение вопросов об автономии и будущем устройстве Крыма.

Хотелось бы подробнее остановиться на предложенной мной (как одним из выступавших) идее превращения нынешней Крымской области в Крымскую многонациональную автономную республику в составе УССР. Основа такого предложения — переход к многонационально-территориальной автономии, где было бы три государственных языка (русский, украинский, крымско-татарский), три основных этнических элемента — русские, украинцы, татары и несколько национальных меньшинств с правами культурного или местного самоопределения.

Формы многонациональной территориальной автономии существовали в нашей стране в 20-е годы и сохраняются сегодня. Можно назвать для примера Дагестанскую или Кабардино-Балкарскую АССР. Да и в довоенной Крымской автономной республике были разные национальные районы — русские и татарские, немецкие, еврейские, украинские.

Образование в Крыму новой формы административно-государственного устройства будет в интересах всех затронутых сторон. Для Крымской области оно обернется повышением ее административного статуса и представительства на общесоюзном и внутриреспубликанском уровне, возможностью более самостоятельного хозяйственного и социального развития. Для Украины появление в ее составе первой за послевоенный период автономной единицы станет началом собственной национальной политики, которая остро необходима республике, учитывая современное состояние самой украинской культуры. Для русского населения Крыма создание автономии, где русский язык будет иметь статус государственного, станет конституционной гарантией национально-культурных прав в пределах другой союзной республики. Наконец, крымским татарам и другим депортированным в 1944 году народам (болгарам, армянам, грекам) образование многонациональной АССР откроет путь к организованному возвращению на родину, полному восстановлению национального и политического статуса в кругу народов СССР.

И в главном выигрыше, конечно, будет все наше государство. Успешный опыт возрождения многонациональной Крымской АССР послужит нам одной из моделей конституционного выхода из сложных ситуаций, когда затрагиваются интересы многих народов. Такой опыт сейчас остро необходим как символ нового состояния советской многонациональной системы, ее умения разрешать сложные внутриполитические проблемы в условиях гласности и демократизации общественной жизни.

Главной формулой решения крымско-татарской проблемы, по мнению ученых, должен стать принцип общей заботы. Резкое ухудшение экологической ситуации в Крыму в равной мере угрожает всем его жителям. Значит, программа национально-административного переустройства немыслима вне перестройки экологической политики, переориентации хозяйства Крыма, развития рациональных, экологически «чистых» форм природопользования. Решить эти задачи без тысяч пар трудолюбивых, истосковавшихся по родной земле рук крымских татар, на наш взгляд, невозможно.

Участники дискуссии высказали конкретные предложения. Были названы реальные силы, которые могли бы принять участие в подготовке технико-экономического обоснования, отборе наиболее перспективных территорий и населенных пунктов для возвращения, разработке социологических и историко-культурных программ. Огромный интерес вызвала идея развития курортного хозяйства на слабо используемом сейчас северо-западном, северо-восточном и юго-восточном побережьях полуострова (кандидат географических наук И. В. Шабдурасулов). Создание здесь новых курортных зон позволило бы включить десятки тысяч возвращающихся крымских татар в весьма прибыльную систему курортного сервиса, садоводства, пригородного хозяйства. «Включить» — значит, поселить и трудоустроить на пользу всем нам и без всякого ущерба для остального крымского населения. Экономическая и экологическая эффективность такого пути очевидна, особенно если сравнить его с изрядно устаревшими и экологически далеко не безупречными проектами крупномасштабной мелиорации в степной зоне Крыма.

Пока ученые обсуждают и «пробивают» свои проекты, крымские татары постепенно возвращаются в Крым. По последним данным, численность их там уже приблизилась к 40 тысячам и продолжает расти. На улицах крымских сел и городов все чаще звучит татарская речь. С марта приостановлено действие введенных ограничений на покупку домов и прописку татар в центральных и отчасти южных районах области. Возвращение идет «стихийно», то есть люди продают свои дома в Средней Азии и пытаются купить себе новое жилье в Крыму. Тратят огромные деньги, подолгу живут без прописки, без работы. И даже в таких условиях никаких конфликтов, межнациональных трений сейчас нет. Многие вопросы решаются «в рабочем порядке». Скоро начнет выходить на крымско-татарском языке приложение к областной газете «Крымская правда». При областном драматическом театре создается татарская профессиональная труппа. В ряде школ уже ведется преподавание крымско-татарского языка по учебникам, оперативно отпечатанным в Киеве.

Мы убеждены: культура принятия решения начинается с культуры диалога, совместного поиска выхода из сложной ситуации.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

ЧТО ЕСЛИ БОГА НЕТ?

Виктор ГАРАДЖА, доктор философских наук, директор Института научного атеизма АОН при ЦК КПСС

«Если бога нет — нет человека. Нет той опоры, которая позволяет ему быть человеком, различать добро и зло, поступать по совести. И если сегодня столь очевиден дефицит добра, если коррозия разъедает нравственные устои общества, то не потому ли, что современный мир забыл о боге?»

Есть и более эмоциональный вариант этой точки зрения: «**Все наши беды идут от того, что отняли у людей веру в бога и порушили храмы. Научный атеизм — вот конкретный виновник нравственного упадка. Лишенный веры в бога и ставший атеистом, безбожником, человек оказался по ту сторону добра и зла. Освободившись от нравственных обязательств, он решил, что ему все позволено. Нет другого пути спасения, кроме пути, ведущего в храм, возрождения веры в бога, восстановления утраченных нравственных ценностей, религиозных по своей природе**». Мне кажется, что примерно так думают сегодня многие в поисках объяснения наших нравственных неурядиц и путей выхода.

Понять их можно. Но понять не значит согласиться. Частично поиски нравственного возрождения на путях возврата к религии продиктованы определенным образом мышления, понимания человека, добра и зла, веры и неверия. Частично — теми реальными обстоятельствами нашей истории, которые связаны с антирелигиозным походом и насаждением безбожия под флагом «атеистического воспитания». Мы видим сегодня в них много трагического и постыдного. Ничем нельзя оправдать насилие над совестью, нетерпимость к инакомыслию. В годы, именуемые периодом «деформации социализма», атеизм, сам выступавший против духовного диктата церкви, когда она была всемогуща, атеизм, всегда призывавший к борьбе против догматизма и провозгласивший лозунг свободы совести в противовес религиозному фанатизму и нетерпимости, был превращен в инструмент диктатуры в духовной сфере, искоренения инакомыслия, в догму.

Сегодня важно понять, почему и каким образом это произошло. Опыт, доставшийся столь дорогой ценой, должен служить нашему духовному росту, а не растрачиваться на сведение счетов, бесплодное отмщение обидчикам.

Я понимаю, сколь трудно удержаться от этого. Ведь и в наши дни те, которых ничто ничему не может научить, продолжают начатый в двадцатые годы поход против религии под барабанный бой обличений, ее отлучения от культуры и нравственности. Суть их позиции заключается в утверждении: «Если есть бог — нет человека». Это та разновидность атеизма, которая в отрицании бога видит средство утверждения человека. В свое время и К. Маркс, и Ф. Энгельс вели борьбу с теми, кто, подобно атеистам этого пошиба, предлагал насильственно утвердить атеизм, запретив религию (таких взглядов придерживался, например, Е. Дюринг). Родоначальники марксизма отвергали в этом атеизме не только ограничение свободы и прав человека. Они полагали, что атеизм, который видит свой смысл в упразднении религии и отрицании бога, сам еще остается религией со всеми ее негативными чертами — со своим символом веры, нетерпимостью, догматизмом, культом. Атеизм в этом понимании только способ и средство разобщения и противопоставления людей по признаку их отношения к религии. Если религия говорит, что человек лишь тот, кто верует в бога, то соответственно такой атеизм согласен видеть человека в полном смысле слова только в том, кто освободился от «религиозных суеверий и предрассудков»... Критика атеизма в таком понимании, безусловно, справедлива и необходима. Нужно исключить одно — превращение критики в способ дискредитации атеистического мировоззрения в целом (то есть такого, которое принимает природный мир как единственно сущее, как причину самого себя, а человека — как единственного творца себя и своей истории).

В обоих противоположных тезисах — «атеизм разрушает нравственность» и «религия разрушает нравственность» — я вижу логику притязания на монопольное обладание истиной, обоснование права на искоренение инакомыслия.

Наверное, сегодня как никогда нужно обоюдное просвещение. Оно уже началось, хотя идет стихийно, с перекосами.

И еще. Религия может быть разной, но и атеизм многолик.

Атеистом стать легко, если для этого нужно только одно — отбросить веру в бога. На самом деле быть атеистом трудно, потому что атеизм означает прежде всего свободу и ответственность человека за все и вся, что с ним происходит.

Особенно важно понять отношение марксизма к религии, равно как и отношения между марксизмом и атеизмом. Марксизм в своей философской основе является мировоззрением материалистическим и атеистическим. Марксизм не провозглашает борьбу с богом своей задачей, хотя исключает его из своего объяснения мира. Марксизму чужд атеизм в духе антитеизма, он вовсе не строится на отрицании бога, а является позитивным по своей сути мировоззрением, мировоззрением гуманистическим.

Строго говоря, атеизм «равновелик» не религии, а лишь теизму, только с ним сопоставим и сам по себе не есть некое целостное мировоззрение. Ведь есть разница между теизмом как теоретическим принципом религии и самой религией, которая надстраивает над теистической основой целую систему мировоззренческих, этических, эстетических, социальных, правовых и прочих взглядов. Религии противостоит поэтому вовсе не атеизм как таковой, но вся светская культура, построенная на идеях гуманистического материализма.

Признание человека высшей ценностью совсем не обязательно должно быть опосредовано или обусловлено отрицанием бога. В конце концов для всех людей — как верующих, так и неверующих — характерна общая мораль, ибо ее источник один — вся совокупность отношений, составляющих мир человека. И тех, и других, если они стоят на гуманистических позициях, объединяет мысль о том, что человеку не все позволено, есть сдерживающие нравственные обязательства.

Мне одинаково претит поиск «козла отпущения» как в «антигуманном безбожии», так и во «враждебном подлинному гуманизму неофидеизме», богоискательстве и т.д. Мы должны умножить то единение верующих и неверующих, которое оправдало себя в сотрудничестве коммунистов и христиан в годы антифашистского сопротивления, когда разница в понимании гуманизма отошла на второй план перед лицом угрозы фашизма, подавления человеческого в человеке.

Если сегодня мир подошел к роковой черте и должен думать о самосохранении, о том, как выжить и не пустить в распыл все созданное людьми, то для этого мы должны стать не только умнее, но и хоть немного лучше, добрее.

ЗИМНЯЯ ВОЙНА: ВЗГЛЯД ИЗ ФИНЛЯНДИИ

Макс ЯКОБСОН, видный общественный и политический деятель Финляндии, дипломат, журналист, историк.

Сегодня мы с особым вниманием всматриваемся в события кануна и начала второй мировой войны. Анализ ошибок и просчетов политиков, военных и дипломатов того времени, альтернативы, возникавшие при рассмотрении спорных вопросов, соотношение политических и военных способов, которыми решались тогда проблемы войны и мира, — все это вызывает значительный интерес в наши дни. В этой связи весьма поучительна глава истории, именуемая «зимней войной» — советско-финляндский вооруженный конфликт 1939—1940 годов.

Во всемирно-исторической перспективе финско-советская война зимой 1939—1940 годов, или, как мы у себя в Финляндии привыкли ее называть, «зимняя» война была рядовым событием: на окраинах больших государств всегда время от времени вспыхивают кровавые столкновения. То был лишь короткий эпизод в большой драме второй мировой войны. Упрямая пешка отказалась стать на указанную ей большими шахматистами клетку. Сто суток она боролась, но потом ей пришлось подчиниться своей судьбе.

И все же международно-политические последствия «зимней» войны были достаточно широки. Лига наций встряхнулась на короткое мгновение перед смертью и исключила Советский Союз из числа своих членов. В международном коммунистическом движении возникло замешательство: неужели социалистическое государство совершило агрессию вопреки провозглашаемым принципам? Военное руководство западных союзников принялось подготавливать поход на север. Во Франции вызванные финской войной разногласия привели к отставке правительства Даладье. Нейтралитет Швеции был подвергнут нелегким испытаниям, и возникла первая трещинка в самоизоляции Соединенных Штатов.

Сейчас, когда со времени этого события прошло полвека, мы — бывшие противники и нынешние друзья — можем честно и беспристрастно разобраться в причинах и последствиях «зимней» войны.

По-человечески понятно желание найти какую-то одну легко понятную причину. Когда альпинист поскальзывается и падает в пропасть, то, исследуя причины его гибели, обычно не принимают в расчет силу тяжести, геологические процессы, повлиявшие на формирование гор, или то в душе человека, что заставляет его с риском для жизни лезть на вершину. Все это укладывается в привычные обстоятельства, которые полагают настолько само собой разумеющимися, что в каждом конкретном случае о них не считают необходимым упоминать. Говорится просто: несчастье произошло потому, что альпинист оступился, и этим довольствуются, поскольку это был последний по времени и самый бросающийся в глаза фактор.

И все же в случае с «зимней» войной мы не можем назвать этого последнего неверного шага. Ее надо рассматривать как часть долгого исторического процесса.

Финляндия была отделена от Швеции и стала в 1809 году великим княжеством в составе Российской империи. Почти весь прошлый век финны прожили в мире в ее составе. У великого княжества была довольно развитая автономия. В правление Александра II финнам удалось укрепить свою национальную автономию и собственные государственные институты.

Но в конце прошлого — начале нынешнего века существовавшая довольно долго гармония была нарушена. Николай II стремился сузить рамки финского самоуправления и проводил политику русификации великого княжества. Его политика вызывала сопротивление и пробудила движение финнов за независимость.

Ленин признал независимость Финляндии в 1917 году. Но уже в следующем году Финляндия тоже стала ареной гражданской войны. Красные финны получали помощь от оставшихся в стране русских военных; белые опирались на Германию. Победа белых предопределила политический характер вновь созданной республики. Финляндия сохранила западную парламентскую демократию и рыночную экономику, которые сформировались еще во времена автономии.

Несмотря на заключенный в 1920 году мирный договор, отношения между Финляндией и Советским Союзом оставались прохладными. В Финляндии русские воспринимались добившимся независимости поколением как угнетатели. Университетская молодежь нагнетала страсти по поводу соплеменников в Советской Карелии и мечтала о Великой Финляндии. Коммунистическая партия была объявлена вне закона на том основании, что она действует в интересах иностранного государства. Торговля и другие контакты с Советским Союзом были минимальные. Но вина была не только Финляндии: Советский Союз времен Сталина был замкнутым в себе государством.

Хотя в Финляндии традиционно было сильно немецкое влияние, фашизм и нацизм не нашли распространения в политической жизни страны. Партия правых экстремистов получила на парламентских выборах 1939 года лишь 7 мест из 200. Сильно было социал-демократическое рабочее движение. В 30-е годы Финляндия была в числе тех немногих европейских государств, в которых сохранилась парламентская демократия. Раны гражданской войны 1918 года стали затягиваться, когда в 1937 году социал-демократы и буржуазные партии центра сформировали коалиционное правительство.

Когда над Европой нависла тень экспансионистской политики Гитлера, руководство Финляндии отмежевалось от германского влияния. В 1935 году парламент единогласно принял декларацию правительства о том, что Финляндия следует придерживаться нейтралитета. Еще до этого, в 1932 году, был заключен договор о ненападении с Советским Союзом.

Министр иностранных дел сформированного в 1937 году коалиционного правительства Рудольф Хольсти нанес свой первый зарубежный визит в Москву, где он по мере своих сил старался развеять имевшееся у советского руководства недоверие по отношению к Финляндии. Похоже, что Хольсти по крайней мере частично преуспел в этом, поскольку вскоре после его визита, в апреле 1938 года, Советский Союз начал секретные переговоры с Финляндией о сотрудничестве в области обороны на тот случай, если Германия попытается использовать территорию Финляндии для нападения на Советский Союз.

Финское руководство не было готово пойти так далеко. Оно не ставило своей целью, избежав влияния Германии, перейти в сферу влияния Советского Союза; оно стремилось сохранить нейтралитет Финляндии в возможном столкновении этих двух великих держав. Финляндия заверила Советский Союз в том, что будет строго придерживаться нейтралитета и своими силами отражать нападение немцев в том случае, если они попытаются напасть на Советский Союз через территорию Финляндии.

Секретные переговоры были продолжены весной 1939 года. однако результата они не дали. В августе ситуация резко изменилась. Советский Союз заключил с Германией договор о ненападении, который, по сути дела, обеспечивал Германии тылы в войне против Запада. В секретном протоколе стороны договаривались о разделе Польши и отнесении прибалтийских стран и Финляндии к сфере влияния Советского Союза.

В мире политических идей договор между Москвой и Берлином был подобен землетрясению. Договор разбил иллюзии как справа, так и слева, подобно тому, как землетрясение выбивает стекла в окнах. Коммунистическим партиям всего мира пришлось за одну ночь сменить лозунги борьбы с фашизмом на новые. Гитлер, со своей стороны, утратил своего лучшего союзника среди буржуазии — страх перед большевизмом.

Через два года диктаторы объяснили, что их договор был с самого начала задуман только как обманный маневр. Гитлер утверждал, что договор со Сталиным был заключен единственно для того, чтобы избежать войны на два фронта. Сталин утверждал, что он хотел выиграть время на вооружение, поскольку не мог доверять помощи западных государств.

Но тем не менее договор о ненападении просуществовал два года, и это были роковые годы для Финляндии так же, как и для стран Прибалтики и Польши.

В последнюю неделю сентября 1939 года правительства трех прибалтийских государств — Эстонии, Латвии и Литвы — получили приглашения направить в Москву своих представителей, где те по очереди согласились на требование Советского Союза предоставить находившиеся в царское время на территории Прибалтики военные базы.

Потом настала очередь Финляндии. 5 октября правительство Финляндии получило приглашение направить в Москву делегацию для переговоров «по конкретным вопросам». Для проведения переговоров с финской стороны был выбран Юхо Кусти Паасикиви, бывший председатель правой коалиционной партии, исполнявший в то время должность финского посла в Стокгольме. Он относился к числу тех финских консерваторов, которые считали, что, несмотря на идеологические противоречия, Финляндии следует принимать во внимание стратегические интересы своего большого соседа. Позднее к нему на помощь направили в Москву тогдашнего руководителя самой крупной в Финляндии социал-демократической партии Вяйне Таннера, который также последовательно отстаивал проведение политики добрососедства с Советским Союзом.

Командующий 7-й армией К. А. Мерецков (третий слева) в группе командиров-саперов при подготовке штурма г. Выборга.

В полученных Паасикиви от правительства инструкциях говорилось, что Финляндия не согласится, в отличие от прибалтийских стран, на такие уступки, которые будут находиться в противоречии с независимостью и нейтралитетом страны. 11 октября, в тот день, когда Паасикиви и сопровождавшие его лица прибыли в Москву, правительство Финляндии призвало резервистов «на сборы», т. е. осуществило частичную мобилизацию: таким образом руководству Советского Союза давалось понять, что Финляндия полна решимости защищать свои национальные интересы.

Сталин лично руководил ходом переговоров с Паасикиви и Таннером. Его предложения строились на историческом опыте России. По его мнению, победившая в начавшейся большой войне сторона неизбежно нападет на Советский Союз. Договор с Германией не дает вечных гарантий: «Все в этом мире меняется». Агрессор использует территорию Финляндии для нападения на Ленинград, и Финляндия не сможет этому помешать. Поэтому границу между Финляндией и Советским Союзом на Карельском перешейке следует передвинуть на север, чтобы Ленинград вышел из зоны досягаемости современной артиллерии. Финляндии также следовало передать Советскому Союзу острова в Финском заливе и западную часть полуострова Рыбачий вблизи Печенги на берегу Ледовитого океана. И что самое главное, Финляндии следовало сдать в аренду Советскому Союзу полуостров Ханко, который находится на южном побережье Финляндии в ста километрах на запад от Хельсинки. Там предполагалось организовать советскую военно-морскую базу, береговая артиллерия которой совместно с расположенными на северном побережье Эстонии батареями смогла бы преградить вражеским военным кораблям вход в Финский залив. В компенсацию за это Сталин предлагал Финляндии территории в Советской Карелии.

Требования Сталина в точности соответствовали оборонительной стратегии времен империи. Военный советник Паасикиви попытался доказать, что эта система уже устарела и что безопасность Ленинграда зависит от того, в чьих руках Прибалтика и южный берег Финского залива. На это Сталин напомнил, что войска белых под руководством Юденича напали на Питер со стороны Финского залива и что британские военные корабли также шли этим маршрутом. Заверения Паасикиви в том, что Финляндия не допустит немцев в свою страну, Сталин отмел со словами: «Они не станут спрашивать вашего разрешения».

Выдвинутые Сталиным требования поставили финское правительство перед необходимостью трудного выбора. В Берлине финнам посоветовали согласиться. В Лондоне и в Париже констатировали, что затребованные Сталиным военные базы могут быть использованы только против Германии, так что требования Советского Союза, предъявленные Финляндии, не вступают в противоречие с интересами западных стран. Президент Рузвельт предложил свои добрые услуги, но Молотов посоветовал ему не вмешиваться в дела, которые его не касаются. В Стокгольме была организована внушительная встреча глав северных государств с целью продемонстрировать солидарность с Финляндией; однако за кулисами представители Финляндии услышали, что в случае возникновения конфликта между Финляндией и Советским Союзом не следует рассчитывать на военную помощь Швеции.

Один из дотов на «линии Маннергейма», разбитый прямым попаданием снаряда.

Таким образом, Финляндия оказалась в одиночестве, и правительство приняло решение. Оно было готово отказаться от неприкосновенности своей государственной территории. Оно объявило о своем согласии передвинуть границу подальше от Ленинграда, хотя и не так далеко, как требовал Сталин, и передать острова Финского залива в пользование Советскому Союзу.

Однако правительство Финляндии не согласилось на аренду полуострова Ханко или расположенных поблизости островов для организации там советской военной базы. В Финляндии возникли подозрения относительно истинных целей Сталина: высказывались опасения, что он имеет в виду не только те оборонительные цели, о которых шла речь на переговорах, а стремится в конечном итоге к ликвидации независимости Финляндии. Но даже если оставить в стороне подозрения относительно подлинных мотивов действий Сталина, то и тогда ясно, что согласие на размещение советской военной базы свело бы на нет шансы финнов сохранить нейтралитет в войне между Советским Союзом и Германией.

По вопросу о военной базе взаимопонимание не было достигнуто: 13 ноября Паасикиви и Таннер вернулись в Хельсинки. Они все же не верили, что нить переговоров окончательно оборвана. В Финляндии готовились к дипломатическому давлению, возможно, к длительной напряженности, но уж никак не к войне. Часть мобилизованных резервистов распустили по домам. «Русские не начнут наступление в канун зимы»,— уверял министр иностранных дел Эльяс Эркко. Большинство финских военных специалистов были единодушны в этом вопросе.

Но рационально рассуждающие специалисты не всегда умеют принять во внимание иррациональные моменты в принятии политических решений. 26 ноября Советское правительство заявило, что финны обстреляли из орудий советские войска в Майниле на Карельском перешейке, и потребовало, чтобы во избежание подобных инцидентов финны отвели свои войска на 20—25 километров севернее границы. Когда финское правительство отказалось отводить войска в одностороннем порядке и предложило совместно разобраться с выстрелами в Майниле, как того требовал договор о ненападении, Советский Союз заявил 28 ноября о расторжении договора о ненападении. Через два дня советская авиация бомбила Хельсинки, а Красная Армия начала наступление как на Карельском перешейке, так и во многих других точках вдоль финско-советской границы.

Начало войны вызвало в Хельсинки шок. Правительство подало в отставку, чтобы новые силы смогли снова начать переговоры о достижении мира. Но новому правительству не удалось выйти на связь с Москвой. Оттуда пришло известие, что Советский Союз отныне не признает финское правительство в Хельсинки. Он признает подлинным правительство, сформированное эмигрировавшим в 1918 году в Советский Союз руководителем финских коммунистов О. В. Куусиненом, так называемое народное правительство, которое, как утверждалось, сформировано в Териоки на Карельском перешейке вблизи государственной границы. «Красная Армия подходит к границе Финляндии по просьбе народного правительства,— писала «Правда» 4 декабря.— Красная Армия идет на помощь финскому народу».

Если в начале войны политика правительства вызывала некоторые сомнения в определенных кругах общества, то они рассеялись окончательно после образования марионеточного правительства Куусинена. Оно доказало, что речь шла не о пересмотре границы или организации военной базы, а об опасности, которая угрожала праву финского народа на самоопределение. В Финляндии произошла революция, но не та, на которую рассчитывали создатели правительства Куусинена; то была «революция единодушия». Внешняя угроза стерла окончательно остатки классовой борьбы 1918 года и прочие внутренние разногласия. Весь народ самоотверженно вступил в отечественную войну.

Сломить сопротивление Финляндии было поручено Ленинградскому военному округу. По-видимому, Сталин предполагал, что Красная Армия беспрепятственно промарширует до самого Хельсинки. Однако финны защищались упорно и искусно. Продвижение советских войск на Карельском перешейке удалось остановить, а в труднопроходимых районах северной Финляндии удалось окружить и разбить несколько советских дивизий. К рождеству продвижение нападающих войск остановилось.

Сталину пришлось произвести переоценку ситуации. В начале 1940 года маршал Ворошилов лично взял руководство операцией в свои руки. Советские войска были перегруппированы по-новому, дополнительные силы подтягивались отовсюду на финский фронт.

Однако на Западе также произошла переоценка ситуации. Общественное мнение в Англии и Франции требовало от своих правительств действий в поддержку Финляндии. Началась подготовка к отправке экспедиционного корпуса на помощь Финляндии. Как выяснилось впоследствии, основной целью этой экспедиции была все же оккупация портов северной Норвегии и рудников в Швеции, с тем чтобы прекратить поставки руды в Германию. Пока на Западном фронте было тихо, предполагалось открыть новый фронт против Германии на севере.

В свете позднейших исследований план союзников выглядит жалким и беспомощным. Предназначенные к отправке на север силы были явно недостаточны. Они не могли спасти Финляндию. Вряд ли они смогли бы устоять перед войсками Гитлера в Норвегии. Осуществление этого проекта означало бы только то, что все страны Северной Европы оказались бы втянутыми в войну с роковыми для всех сторон последствиями.

И все же план союзников помог Финляндии — помог потому, что так и остался только планом. По-видимому, он дал Сталину основания пересмотреть свою политику в отношении Финляндии. Он объявил, что его цель стоит в том, чтобы стоять в стороне от войны Германии со странами Запада. Эта цель оказывалась под угрозой в том случае, если бы война против Финляндии затянулась и западные войска успели бы принять в ней участие. Расширение сферы войны против Финляндии таким образом, чтобы она вылилась в конфликт между Советским

Союзом и западными странами, никак не могло отвечать интересам СССР.

В начале февраля Советское правительство сообщило через Стокгольм в Хельсинки, что оно снова готово вступить в переговоры с Финляндией. Куусинен и его правительство больше не упоминались. Для Финляндии это означало крутой перелом. Сопротивление, оказанное Финляндией, дало результат: удалось отстоять право на самоопределение.

Но Сталин предъявил жесткие условия. Он потребовал от Финляндии отказаться от всей Выборгской губернии вплоть до границы Петра Первого — советская сторона ссылалась именно на этот исторический прецедент. Кроме того, Ханко нужно было сдать в аренду под военную базу. Требования были подкреплены начавшимся в начале февраля сильным и более эффективным наступлением советских войск на Карельском перешейке, которое вынудило финнов отступить в сторону Выборга.

Весь февраль и первую неделю марта политическое руководство Финляндии провело в тяжелейшей внутренней борьбе. Две большие державы, Англия и Франция, прямо-таки навязывали свою помощь. Союзнические войска ждали приказа в английских портах. Нужна была лишь официальная просьба из Хельсинки. Вполне понятно, что часть правительства считала, что лучше продолжать войну при помощи союзников, чем согласиться на требования Советского Союза, согласно которым следовало отдать десятую часть территории государства.

В конце концов Финляндия все же отвергла предложение о помощи и согласилась заключить мир, хотя к моменту прекращения боев, 13 марта, советские войска еще далеко не захватили всей той территории, от которой Финляндии пришлось отказаться. На решение повлиял хладнокровный расчет маршала Маннергейма и его генералов, которые считали, что помощь союзников в любом случае будет недостаточна и опоздает. Это решение отражало также и основную внешнеполитическую линию Финляндии — стоять в стороне от конфликтов между великими державами. Судьбу страны не хотели отдавать в руки других государств.

Война нанесла Финляндии тяжкий урон. Свыше 20 000 финнов погибли в боях. Население отторгнутой территории, которое составляло 400 000 человек, или десятую часть всего населения Финляндии, добровольно покинуло свои дома и перешло через новую границу в Финляндию. Но главное заключалось в том, что независимость удалось отстоять. «Зимняя» война еще раз показала, что когда друг другу противостоят огромная держава со своими многообразными интересами и маленький народ, чья единственная цель состоит в том, чтобы выжить, то соотношение сил нельзя рассчитывать чисто арифметически.

Можно ли было сохранить независимость путем проведения другой политики, которая дала бы возможность избежать войны? Этот вопрос часто обсуждался в Финляндии. Финская политика 30-х годов подвергалась критике в первую очередь за то, что она недостаточно учитывала интересы обороны Советского Союза в направлении Финляндии. Говорилось, что финнам надо было предпринять больше усилий с целью убедить Москву в своем стремлении к нейтралитету. С другой стороны, можно спросить, что именно следовало сделать для завоевания доверия Сталина и доверял ли он вообще хотя бы кому-нибудь, кто не находился под его личным контролем? И не привели бы уступки, будь они сделаны осенью 1939 года под нажимом Сталина, Финляндию на путь Прибалтийских стран?

Сталин добился в «зимней» войне своего, но можно спросить, имели ли отобранные у Финляндии территории и военная база в Ханко хотя бы какое-нибудь значение для безопасности Ленинграда. Когда немцы напали, они продвигались к Ленинграду через Прибалтику. База в Ханко попала в окружение, и ее пришлось эвакуировать. Со стороны Финляндии на Ленинград не напали. Но «зимняя» война имела то следствие, что Советский Союз обрел еще одного врага: финны использовали в 1941 году предоставившуюся возможность отвоевать утраченные территории.

Новая война продолжалась три года, и результат ее был такой же, как и в «зимней» войне: Финляндии снова пришлось передать Советскому Союзу военную базу, на этот раз в Порккала, еще ближе к Хельсинки. Однако в 1955 году Советский Союз принял решение ликвидировать свою базу в Порккала. В эпоху ракет она утратила всякое военное значение.

Вывод советских войск с территории Финляндии стал переломным моментом в истории отношений между Финляндией и Советским Союзом. Советский Союз в основном больше не опирался на военные способы гарантировать свою безопасность в направлении Финляндии, а положился на то, что финны сами в соответствии с провозглашенной ими политикой нейтралитета позаботятся об обороне своей страны и не позволят другим государствам использовать свою территорию в качестве плацдарма для нападения на Советский Союз. Политика взаимного доверия оказалась, в свете более чем тридцатилетнего опыта, вполне отвечающей интересам обеих стран.

В зимнем наступлении советские войска несли тяжелые потери.

Член Военного Советв Ленинградского военного округв А. А. Жданов вручает награды. Смольный, март 1940 г.

Александр ОРЛОВ,
кандидат исторических наук

МОЖНО ЛИ БЫЛО ИЗБЕЖАТЬ КОНФЛИКТА

Хельсинки после воздушной бомбардировки в ноябре 1939 г.

Трофейный финский твнк.

Разумеется, сегодня нам не уйти от вопроса, возникающего всякий раз при обращении к истории вооруженных конфликтов: о соотношении политики и нравственности. В данном случае о том, мог ли, имел ли право Советский Союз требовать от своего суверенного соседа территориальных уступок, хотя бы и при всей своей озабоченности проблемой безопасности Ленинграда и справедливости предлагавшихся территориальных компенсаций. Сегодня мы отвечаем на него однозначно: нет, не мог, не имел права. Конечно, это лишь часть ответа.

Не для исторического самооправдания, а объективности ради давайте помнить, что речь идет о событиях, происходивших через 20 лет после Парижской мирной конференции, перекроившей карту Европы, что принцип неприкосновенности границ просто не существовал в то время и что только пятнадцать лет назад, в 1975 году, именно в Хельсинки все участники второй мировой войны пришли к соглашению о невозможности силового посягательства на государственные границы.

Попытки СССР в 1938 — 1939 годах найти совместно с Финляндией приемлемое решение обеспечения безопасности своих северо-западных границ, в частности Ленинграда, находившегося в 32 километрах от границы, и коммуникаций, ведущих к нему, — не встретили поддержки в Хельсинки. В марте 1939 года СССР предложил отодвинуть границу к северу от Ленинграда и передать в аренду остров Сурсари (Гогланд) и несколько мелких островов в Финском заливе. СССР, в свою очередь, гарантировал бы неприкосновенность, предоставлял необходимую помощь против возможной агрессии и поддержал бы ходатайство Финляндии относительно пересмотра статуса Аландских островов. Однако предложения эти не были приняты и переговоры были прерваны. Обе стороны начали уделять активное внимание военным приготовлениям.

С началом второй мировой войны вопросы безопасности северо-западных границ все более беспокоили Советское правительство. В Москве полагали, что Финляндия, ее территория, может быть использована другими странами в случае войны против СССР. Так, Сталин в беседе с Ю. Паасикиви осенью 1939 года говорил, что «какая-нибудь великая держава может использовать Финляндию против Советского Союза».

Поэтому уже 5 октября 1939 года СССР вновь обратился к Финляндии с предложением возобновить переговоры. Но «версальские» державы, а также Германия подталкивали Финляндию к тому, что она в своих отношениях с СССР «должна оказать противодействие». К этому склонялось и правительство Финляндии. 10 октября глава финляндского МИДа Э. Эркко заявил: «Мы ни на какие уступки СССР не пойдем и будем драться во что бы то ни стало, т. к. нас обещали поддержать Англия, Америка и Швеция». В Финляндии начались военные учения в приграничных с СССР районах. 7 — 11 октября были призваны в армию резервисты 20 возрастов, на Карельском пере-

шейке сосредоточивались войска, началась эвакуация жителей Хельсинки, Виппури (Выборга), населения Карельского перешейка, побережья Финского залива. Аналогичные действия производились по другую сторону границы, в СССР. Здесь также происходила эвакуация населения из приграничных районов, к границе перебрасывались соединения Красной Армии. Это еще больше усиливало в Финляндии подозрительность и недоверие к своему великому соседу. Опасения финнов вызывали договоры СССР о взаимной помощи с Прибалтийскими государствами и создание советских военных баз в этих странах.

И все же, несмотря на всю эту неблагоприятную обстановку, 12 октября начались советско-финляндские переговоры. Политический подход на время возобладал над военным, появилась надежда на мирное урегулирование спорных вопросов. Переговоры велись с перерывами в течение месяца.

Советский Союз был представлен полномочной делегацией, в состав которой входили Сталин и Молотов, финскую делегацию возглавлял посланник Финляндии в Швеции Ю. Паасикиви (Эркко уклонился от участия). В инструкциях делегации подчеркивалось, что ввиду объявленной Финляндией политики нейтралитета договор о взаимной помощи с СССР заключен быть не может, Паасикиви вообще не имел полномочий на подписание каких-либо соглашений с Советским Союзом.

Советское предложение о заключении с Финляндией договора, подобного договорам СССР с Прибалтийскими республиками, было отвергнуто финской стороной, которая считала, что это противоречит нейтралитету Финляндии. Тогда Советское правительство предложило отодвинуть границу на Карельском перешейке на несколько десятков километров к северу до линии Липола (Верховье) — Койвисто (Приморск), передать СССР несколько островов в Финском заливе и часть полуостровов Рыбачий и Средний в Баренцевом море в обмен на вдвое большую территорию в Советской Карелии. Было также предложено сдать в аренду СССР часть полуострова Ханко для строительства там советской военно-морской базы. Последняя могла бы играть важную роль для прикрытия морских подступов к Ленинграду. Эти предложения диктовались стратегическими интересами СССР и представляли собой какую-то основу для дальнейших переговоров с целью достижения компромисса.

Финская сторона, однако, не хотела уступать Ханко, но была готова на другие уступки. Так появлась реальная возможность достигнуть прогресса на переговорах. Более того, глава финской делегации Паасикиви стоял за достижение соглашения с Советским Союзом, проявлял понимание интересов другой стороны. Впоследствии он вспоминал: «Я тогда придерживался мнения, что сдержанные и умеренные требования Сталина, особенно в отношении Карельского перешейка, следовало бы принять. Более мудрой политикой было бы следующее заявление: мы согласимся на установление границы по Карельскому перешейку вплоть до линии Суванто — Сумма, отдаем половину Карельского перешейка — это было, кстати, минимальным требованием советских военных, как сказал Сталин на переговорах, — и достигли бы на этой основе договоренности и соглашения со Сталиным. В этом выражалась бы государственная мудрость, но ее у нас, в том числе и у меня, не хватило. Поэтому я покорно признаю, что и я причастен к роковым политическим ошибкам, которые свидетельствуют об отсутствии дальновидности». Таких же оценок придерживались У. Кекконен и ряд других политических деятелей Финляндии. Однако включенный по настоянию Эркко в состав делегации министр финансов В. Таннер, выполняя установку министра иностранных дел, стремился ужесточить позицию Финляндии.

Советские предложения были отклонены. Не нашло поддержки и желание СССР усилить действовавший советско-финляндский договор о ненападении дополнительными гарантиями. Не находя общего языка, обе стороны стали склоняться к разрешению проблемы военными средствами, хотя не были исчерпаны еще многие возможные альтернативы политического решения проблемы. Обстановка все более накалялась.

Усиленно продолжалось наращивание группировки финских войск на Карельском перешейке в непосредственной близости от советской границы. Министр обороны Ю. Ниукканен считал, что даже без помощи других стран «Финляндия вполне может продержаться шесть месяцев». Политика правительства премьер-министра А. Каяндера по отношению к СССР становилась все враждебнее. Э. Эркко 31 октября писал В. Таннеру: «Нам надо стоять непоколебимо». Предполагалось, что финская армия, опираясь на укрепления «линии Маннергейма», сможет сковать советские войска на длительное время, пока не подойдет помощь с Запада.

В конце октября командование Ленинградского военного округа представило наркому обороны СССР К. Е. Ворошилову «План операции против Финляндии». Происходило интенсивное передвижение советских войск. Напряжение на границе нарастало. В этот сложный момент политическим деятелям обеих стран необходимо было проявить выдержку, государственную мудрость, готовность считаться с интересами другой стороны. Но этого не произошло. 9 ноября Эркко дал указание финляндской делегации прекратить переговоры, заявив, что у нее есть «более важные дела». 13 ноября переговоры были прерваны. Отношения между обеими странами с каждым днем ухудшались.

26 ноября Советское правительство официально заявило, что финская артиллерия обстреляла советскую территорию у деревни Майнила, что привело к человеческим жертвам. В ноте, направленной правительству Финляндии, указывалось: «Сосредоточение финляндских войск под Ленинградом не только создает угрозу для Ленинграда, но и представляет на деле враждебный акт против СССР». В связи с этим предлагалось отвести финляндские войска на 25 — 30 км от границы. В ответной ноте, направленной в тот же день, правительство Финляндии утверждало, что «упомянутые выстрелы были произведены... с советской пограничной стороны», и предлагало, «чтобы пограничным комиссарам обеих сторон на Карельском перешейке было поручено совместно произвести расследование по поводу такого инцидента».

В то же время Финляндия изъявила готовность «приступить к переговорам по вопросу об обоюдном отводе войск на известное расстояние от границы». Хотя этому предложению недоставало реалистичности, поскольку при «обоюдном отводе» советские войска должны были отойти к предместьям Ленинграда, оно все же создавало новую возможность искать приемлемое решение в ходе дальнейших переговоров. Однако Сталин и его окружение не проявили государственной мудрости. Выбор в пользу военного решения уже был сделан.

С позиций сегодняшнего дня этот эпизод с обменом нотами 26 ноября свидетельствует, как нереалистическое видение партнера по переговорам, пренебрежение его существенными интересами, упование на военную силу вели к вооруженному конфликту, тогда как еще можно было решить спорные проблемы средствами дипломатии, политическим компромиссом. Эта возможность не была использована. 28 ноября правительство СССР заявило, что «считает себя свободным от обязательств, взятых в силу пакта о ненападении». Из Хельсинки были отозваны представители СССР, хотя война и не объявлялась.

В этих условиях 29 ноября Финляндия направила в Москву еще одну ноту. Предлагалось создать совещательную комиссию для разрешения конфликтной ситуации или обратиться к посредничеству третьего государства, а также выработать соглашение относительно отвода частей финской армии на Карельском перешейке на определенное расстояние. Советское правительство не отреагировало на эту ноту. 30 ноября войска Ленинградского военного округа перешли границу. Началась советско-финляндская война.

Ход и исход ее известен. Это была в известном смысле «ненужная война», порожденная политическими просчетами обеих сторон. Если правящие круги Финляндии своими действиями объективно способствовали возникновению вооруженного конфликта, то Сталин и его окружение, рассчитывая на военное превосходство Красной Армии, не использовали имевшихся в их распоряжении политических средств для урегулирования советско-финляндских отношений.

Война стоила больших жертв обеим воюющим сторонам. В ходе боевых действий вскрылись многие недостатки Красной Армии в организации, тактике, вооружении, управлении войсками. Это способствовало укреплению на Западе мнения о слабости Красной Армии. У командования фашистской Германии окрепло убеждение, что возможна победоносная война против СССР. В политическом плане советско-финляндская война нанесла серьезный урон международному престижу СССР. Таковы были последствия упущенных обеими сторонами возможностей.

24 апреля 1967 года ТАСС передало сообщение о трагической гибели космонавта В. М. Комарова, совершавшего полет на корабле «Союз-1». *«В течение испытательного полета, продолжавшегося более суток, говорилось в сообщении, В. М. Комаровым была полностью выполнена намеченная программа отработки систем нового корабля, а также проведены запланированные научные эксперименты... Однако при открытии основного купола парашюта на семикилометровой высоте, по предварительным данным, в результате скручивания строп парашюта космический корабль снижался с большой скоростью, что явилось причиной гибели В. М. Комарова».* Сегодня можно открыто сказать: в этом сообщении содержится только часть правды. Еженедельная всесоюзная газета **«Поиск»** (орган АН СССР, Гособразования СССР и ЦК профсоюза работников народного образования и науки) познакомила читателей с дневниковыми записями руководителя подготовки космонавтов Героя Советского Союза Н. П. Каманина, раскрывающими суть драмы на орбите.

Серьезные неполадки обнаружились уже на втором витке: не открылась левая солнечная батарея, это грозило кораблю быстрым энергетическим истощением (а полет планировался на трое суток). Более 24 часов продолжался героический поединок человека с космической стихией. Отказали системы ориентации, но Комарову удалось вручную (к такому варианту космонавты не готовились) сориентировать корабль на посадку. Он заставил неисправный корабль подчиниться своей воле, и вот, когда все трудности, казалось, уже были позади,— новая беда. Цитируем дневниковые записи Каманина: *«Основной парашют корабля не раскрылся, а запасной парашют не наполнился воздухом. Корабль ударился о землю со скоростью 35—40 метров в секунду, после удара произошел взрыв тормозных двигателей и начался пожар. Только после проведения раскопок было обнаружено тело Комарова».*

Информационный бюллетень **«Атмода»** (издание Народного фронта Латвии) опубликовал «Обращение» инициативной группы, ратующей за создание Союза рабочих Латвии (СРЛ). В вынесенных на обсуждение тезисах, в частности, говорится:

— СРЛ создается с целью защиты политических, экономических, социальных, трудовых прав рабочих и выражения их законных интересов;

— СРЛ борется за реализацию всех прав, предоставляемых рабочим в существующем законодательстве, берет на себя роль субъекта законодательной инициативы, добивается изменения Конституции и законов, где эти акты противоречат коренным интересам рабочих;

— СРЛ защищает рабочих и всех трудящихся от произвола администрации, управленческой, государственной и партийной бюрократии;

— СРЛ понимает перестройку, как радикальную политическую и экономическую реформу в интересах рабочих и всех трудящихся;

— СРЛ за многоукладность форм собственности на средства производства и за правовое демократическое государство на основе международных норм и Венской декларации;

— Союз рабочих отвергает силовые методы борьбы на идеологической и межнациональной почве, отвергает забастовки как способ решения межнациональных и идеологических проблем, считая, что это ведет только к расколу рабочей среды;

— СРЛ за создание нового национального согласия на основе рабочей солидарности, возможной только во взаимосвязи с духовным возрождением всех народов, живущих в Латвии, с одновременным пробуждением самосознания латышской нации;

— СРЛ отвергает право любой организации делать какие-либо заявления от имени всех трудящихся, считая, что любая организация может выступать только от имени своих членов.

В Израиль приехал с рабочим визитом советский кинорежиссер Герц Франк. Рижский еврей, свободно говорящий на иврите, будет заниматься там — по поручению Союза кинематографистов — подбором материалов для совместного советско-израильского фильма о русских корнях в еврейской культуре. Минувшим летом Франк уже побывал в Израиле, на Иерусалимском международном кинофестивале. Тогда в беседах с израильскими кинематографистами и зародилась идея совместного фильма. Похоже, что сейчас эта идея начинает воплощаться в реальность. Об этом сообщил читателям первый номер **«Вестника еврейской советской культуры»** (издание Ассоциации деятелей и друзей еврейской советской культуры).

В нескольких верстах от Пскова стоит старинное село Бродовчи-Заполье. Во время войны область заняли гитлеровцы, но служба в местной церкви не прекращалась. Только вот необычные проповеди провозглашал священник, отец Федор, с амвона. Он читал... сводки Совинформбюро о положении на фронтах, которые получал от партизан. Первое время люди поражались смелости старого священника, но скоро чтение листовок в храме превратилось для крестьян в привычку. Однажды по доносу старосты в деревню ворвалась зондеркоманда СС. Священника искали до ночи, но не нашли. В отместку фашисты сожгли и церковь, и село. В 1944 году после освобождения Псковщины митрополит Ленинградский Алексий наградил старца святым крестом с украшениями. Отец Федор вернулся к себе в приход. С той поры на его груди рядом с крестом всегда можно было видеть медаль «Партизану Отечественной войны». Об этом рассказал еженедельник **«Московский церковный вестник»** (издание Московской Патриархии).

НАШЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

ЧРЕЗВЫЧАЙЩИНА

**Николай МИХАЙЛОВ,
доктор философских наук,**

**Николай ТЕПЦОВ,
кандидат экономических наук**

«Если задать вопрос коммунистам, к чему больше готова партия,— к тому, чтобы раздеть кулака, или к тому, чтобы этого не делать, но идти к союзу с середняком, я думаю, что из 100 коммунистов 99 скажут, что партия всего больше подготовлена к лозунгу: бей кулака. Дай только,— и мигом разденут кулака».

(И. Сталин, декабрь 1925 г.).

«В деревне теперь мало-мальски мощным хозяевам нет никуда выхода. Вся злоба вымещается на них. У них и скотину побьют, и огород поломают, хлеб потопчут, овощи нарушат, скирды раскидают, а в праздники окна побьют и самого изобьют».

(Из письма крестьянина Витской губернии Г. Смердова в газету «Беднота», июнь 1929 г.).

«Сейчас лентяи остервенело клюют арендаторов и подрядчиков: как это так? По пятьсот рублей на руки за месяц! А мне сто с небольшим? Социализм гробите? Кулака возрождаете? Мы еще поглядим! Мы вам покажем перестройку!»

(«Правда», январь 1989 г.).

С детства, с самых первых страниц школьных учебников нам внушали: нет у социализма, а стало быть, и у всех нас более коварного и омерзительного врага, чем кулак. Он и кровосос-эксплуататор, и злобный убийца с обрезом под полой, и носитель растленной мелкобуржуазной идеологии, и т. д. и т. п. Кулаки и подкулачники были для многих поколений советских людей олицетворением всего самого гнусного и низкого, на что только способна человеческая натура. Ведь это они взрывали электростанции, пускали под откос поезда, устраивали диверсии на заводах, стреляли из темноты в окна сельсоветов. Кулацкую гадину нужно было давить, выжигать каленым железом, ликвидировать как класс — ни у кого из нас, родившихся в 30-х, 40-х, 50-х, 60-х, не было и тени сомнения в справедливости и необходимости этой законной кары. И мы только диву давались, узнавая о том, что были, оказывается, и те, кто, выступая против генеральной линии партии, брал эту кулацкую гидру под свою защиту,— все эти Бухарины и Рыковы с их лозунгом «Обогащайтесь», все эти Кондратьевы и Чаяновы, называвшие себя учеными, а на деле создавшие контрреволюционную «Трудовую крестьянскую партию», все эти Николаи Клюевы и Иваны Катаевы, воспевавшие кулацкий уклад в литературных произведениях...

Раскулачивание занимало в нашем историческом сознании самое почетное место, уступающее, может быть, только Великому Октябрю. Не случайно слово «великий» к коллективизации подошло как нельзя более кстати, несокрушимо встав в чеканную сталинскую формулу: «великий перелом». И только сейчас, когда новое мышление начинает все активнее прорываться через казенный частокол устоявшихся догм, только сейчас мы начинаем задаваться вопросом: кого же сломали в тот «великий перелом»? Что раздавили?

БЫЛ ЛИ ВРАГОМ ТИТ БОРОДИН?

Призвав на помощь документы, факты, цифры, попробуем прежде всего разобраться в таком вопросе: насколько велика была кулацкая опасность? Насколько многочислен был этот «последний враждебный, эксплуататорский класс»? Видимо, очень многочислен, если для его ликвидации пришлось покрыть страну целой сетью концлагерей ОГПУ — НКВД, если ни на один день не останавливалась репрессивная машина, штампуя обвинительные приговоры, раскулачивая, выселяя, расстреливая?

Но сначала нужно разобраться, кого же относили к разряду кулаков.

Проблема экономической дифференциации крестьянства и его политической ориентации всегда беспокоила партию и в годы нэпа неоднократно обсуждалась в печати. Это и понятно. Более того, как только методы военного коммунизма (продразверстка и т. п.) обнаружили свою несостоятельность, основным экономическим инструментом регулирования хозяйственных отношений в деревне стала налоговая политика. А она не могла стричь всех под одну гребенку. Налогообложение обязано было учитывать экономическую неоднородность деревенских хозяйств: размеры налога зависели и от количества земли, приходящегося на каждого едока, и от урожайности, и от степени применения наемного труда, и от других экономических характеристик крестьянского хозяйства.

Внутриклассовая дифференциация деревни рассматривалась специальной комиссией Совнаркома СССР, которая так и называлась — Комиссия по изучению тяжести налогового обложения населения. В ее состав были включены ведущие экономисты, работники Госплана и Наркомфина СССР, ряда других союзных наркоматов. Комиссия подготовила и опубликовала в 1927 и 1929 годах два доклада. Все сельскохозяйственное население было подразделено в них на пролетариат, полупролетариат, мелких товаропроизводителей и предпринимательские элементы.

К предпринимательской (кулацкой) группе относились: 1) хозяйства со средствами производства стоимостью свыше 1600 руб. при условии сдачи их в аренду или при условии использования наемного труда свыше 50 дней в году; 2) хозяйства со средствами производства стоимостью от 801 до 1600 руб., если они пользовались наемным трудом свыше 75 дней в году; и 3) хозяйства со средствами производства стоимостью от 401 до 800 руб., нанимавшие рабочую силу свыше 150 дней в году.

Вот как, согласно выводам комиссии, выглядел социальный состав советской деревни в 1926—1927 годах:

— сельскохозяйственныв рабочие	**— 10,8 проц.;**
— бедняки	**— 22,1 проц.;**
— середняки	**— 62,7 проц.;**
— кулаки	**— 3,9 проц.**

Как видите, число кулацких хозяйств составляло накануне «Великого перелома» менее 4 процентов, т. е. примерно из 25 миллионов крестьянских хозяйств около 1 миллиона были кулацкими. Цифра, разумеется, тоже не маленькая, если не принимать в расчет качественные характеристики тех, кого в те годы относили к кулачеству.

Нужно заметить, что кулак дореволюционный и кулак «советский» разнились друг от друга весьма и весьма значительно. До революции это в массе своей крупный барышник-перекупщик, который, сделав капитал на финансовых спекуляциях, скупал землю и хлеб, занимался ростовщичеством, эксплуатировал труд безземельных мужиков. Национализация земли в корне подорвала источники его существования. В пользовании кулаков осталось всего лишь 5,5 процента земельных угодий. Среди них, правда, был наиболее высокий процент арендаторов (13 процентов), на долю которых прихо-

дилась почти треть всего арендного фонда, однако за это они расплачивались с владельцем земли — государством — полной мерой налоговых отчислений.

Но, может быть, «кулацкая опасность» исходила из беспощадной эксплуатации наемной рабочей силы? Нет, статистика не подтверждает и этого предположения. Во-первых, число наемных работников в деревне во второй половине 20-х годов неуклонно сокращалось. Если в 1926—1927 годах в индивидуальных крестьянских хозяйствах по найму трудилось 1 млн. 45 тыс. работников, то в 1929—1930 годах их осталось 420,1 тыс. Причем нанимались они отнюдь не только в кулацкие хозяйства. Более 75 процентов батраков приходилось на хозяйства середняков, а 9 процентов нанимались даже в бедняцкие хозяйства.

При этом нечего и говорить, что отношения между батраком и нанимателем были принципиально иными, чем до революции, ибо регулировались рабоче-крестьянским государством и профсоюзом.

В соответствии с принятым в декабре 1928 года ЦИК СССР законом **«Общие начала землепользования и землеустройства»** наемный труд допускался при условии, что трудоспособные члены крестьянской семьи сами принимают участие в работе своего хозяйства, а наемный труд имеет лишь подсобное значение. Это, так сказать, количественные ограничения в применении наемного труда. А качественные? Вместо цифр обратимся к документам и приведем несколько выдержек из постановления ЦИК и СНК СССР «О порядке применения кодекса законов о труде в кулацких хозяйствах»:

«Наниматель обязан при найме заключить с рабочим (работницей) или действующим от его имени профессиональным союзом письменный трудовой договор. В письменных трудовых договорах должны быть указаны: а) основные работы, на которых нанимается работник; б) срок найма; в) размеры, виды и сроки выплаты зарплаты; г) дополнительные условия, устанавливаемые сторонами... «В отдельные периоды напряженных сельскохозяйственных работ (в страдную пору) по соглашению нанимателя с профессиональным союзом допускается удлинение рабочего дня, однако не более чем на два часа сверх нормального рабочего дня (восьмичасового для взрослых рабочих и шестичасового рабочего дня для несовершеннолетних от 16 до 18 лет). При удлинении рабочего дня заработная плата повышается не менее чем на одну треть по сравнению с заработной платой, установленной за нормальный рабочий день...»

За нарушение законодательства о труде и социальном страховании наниматель нес административную или уголовную ответственность. Надзор за соблюдением этого закона вели сельские Советы и Инспекция труда.

И, наконец, еще один штрих к экономическому портрету кулака. В конце 20-х годов, незадолго до «великого перелома», на одно кулацкое хозяйство в среднем приходилось 1,7 коровы, 1,6 головы рабочего скота. По этим показателям кулаки стояли ненамного выше середняков. Например, на одно середняцкое хозяйство приходилось 1,2 головы рабочего скота и столько же коров. Более существенной была разница между этими категориями крестьянских хозяйств по стоимости средств производства. Это объясняется тем, что к кулакам относили сельских жителей, имеющих и арендующих мельницы, маслобойни, просорушки и тому подобные предприятия переработки.

Постепенно менялось и общественное мнение деревни о зажиточных хозяйствах. Конечно, ведущим настроением бедняков по-прежнему было стремление к уравниловке, и в этом смысле крепкие, богатые хозяйства вызывали у них недоверие и зависть, питаемые к тому же ультрареволюционными лозунгами всеобщего равенства. Тем не менее нэп и здесь не прошел бесследно: экономические критерии постепенно завоевывали сознание деревни, особенно середняцких слоев.

Весьма любопытно в этом отношении высказывание А. И. Микояна на VII сессии Всесоюзного совета колхозов (1929 г.): **«В области политики бедняк всегда с нами, и середняк идет с бедняком против кулака. Но когда стоит вопрос о том, как посеять, как вспахать и т. д., то середняк пойдет не к бедняку спрашивать об этом, потому что у бедняка хозяйство хуже, чем у него. Он больше смотрит туда, где хозяйство поставлено хорошо, где кони прекрасные, коровы хорошие и хороший урожай».**

Таков в общих чертах экономический портрет «кулака». Разве соответствует известная всем нам легенда о кулаке-кровопийце реальной действительности?..

Ну а что представлял собой кулак в политическом отношении? Был ли он тем «бешеным врагом» Советской власти, о котором мы читаем в школьных и вузовских учебниках? Разумеется, наивно думать, что все без исключения крестьяне приняли новый политический режим. Но они видели, что он прогнал помещиков, дал крестьянам землю, поощрял развитие хозяйства, строил экономические отношения на началах социальной справедливости — и все это не могло не рождать доверия крестьян к Советской власти. «Советская власть — наша власть»,— говорили они. К тому же многие из них еще совсем недавно отстаивали ее с оружием в руках на фронтах гражданской войны.

Давайте в этой связи внимательно перечитаем монолог Нагульнова из «Поднятой целины» о кулаке Бородине:

«Этот Бородин, по улишному Титок мы его зовем, вместе с нами в восемнадцатом году добровольно ушел в Красную гвардию. Будучи беднацкого рода, сражался стойко... И ты понимаешь, товарищ рабочий, как он нам сердце полоснул? Зубами, как кобель в падлу, вцепился в хозяйство, возвернувшись домой. И начал богатеть, несмотря на наши предупреждения. Работал день и ночь, оброс весь дикой шерстью, в одних холстинных штанах зиму и лето исхаживал. Нажил три пары быков и грызь от тяжелого подъема разных тяжестев, и все ему было мало! Начал нанимать работников, по два, по три. Нажил мельницу-ветрянку, а потом купил пятисильный паровой двигатель и начал ладить маслобойку, скотиной переторговывать... Мы вызывали его неоднократно на ячейку и в Совет, стыдили страшным стыдом, говорили: «Брось, Тит, не становись нашей дорогой Советской власти поперек путя. Ты же за нее страдалец на фронтах против белых был...» — Нагульнов вздохнул и развел руками.— Что можно сделать, раз человек осатанел? Видим, поедает его собственность! Опять его призовем, вспоминаем бои и наши обчие страдания, уговариваем, грозим, что в землю затоптаем его, раз он становится поперек путя, делается буржуем и не хочет дожидаться мировой революции.

...Титок нам отвечает: «Я сполняю приказ Советской власти, увеличиваю посев. А работников имею по закону: у меня баба в женских болезнях. Я был ничем и стал всем, все у меня есть, за это я и воевал. Да и Советская власть не на вас, мол, держится. Я своими руками даю ей что жевать, а вы — портфельщики, я вас в упор не вижу».

Итак, Тит Бородин, вцепившись «зубами в хозяйство», работает, выполняет, как сказали бы мы сейчас, продовольственную программу, тогда как коммунист Нагульнов предпочитает «дожидаться мировой революции». Так что же — враг Тит Бородин? Конечно, нет. А если ему в конце концов и придется взяться за обрез, то только потому, что такие «портфельщики» и ультрареволюционеры, как Нагульнов, подтолкнут его к этому своим головотяпским администрированием и «революционными» репрессиями. Понятно, что Нагульновы проводили в жизнь те установки, которые спускались сверху и по мере приближения «великого перелома» становились все более непонятными для крестьян. Впрочем, они и до этого были весьма противоречивыми. С одной стороны, принимались меры к подъему индивидуального крестьянского хозяйства, звучали призывы к всестороннему его развитию, а с другой — стоило только крестьянскому хозяйству добиться каких-либо успехов, более или менее прочного экономического достатка, как его тут же зачисляли в разряд кулацких. А отсюда запрет на продажу сельхозмашин, ограничение в кредите, непомерно высокие налоговые ставки, общественное презрение и т. д.

Вот что писал в газету «Беднота» крестьянин села Пушкино Калужской губернии Н. И. Козлов: **«Можно ли считать «буржуем» крестьянина, имеющего от 2-х до 4-х коров, 2—3 лошади и приличный дом? Вопрос довольно растяжимый. Если он сам и его семья занимаются в хозяйстве личным трудом, то одно уже это — доказательство, ограждающее его от клички «буржуй». Если у него к настоящему времени такое состояние хозяйства дошло после многолетнего и упорного труда и вылез он из землянки в приличный дом, то разве Советская власть не стремится к тому, чтобы каждый крестьянин имел бы по 2—3 лошади и коровы, исправно, без нытья, платил бы налоги... Но если уж после этого будешь «буржуем», слышать нападки и насмешки, то тогда непонятно, зачем весь этот шум и гвалт, газетный и брошюрный: «поднимайте сельское хозяйство, вводите травосеяние, увеличивайте скотоводство, улучшайте жизнь крестьянина» и тому подобное? Послушаешь,— начнешь улучшать, к новому ведению хозяйство приспосабливать, получил что-нибудь пишнее,— ан, глядь, в «буржуи» попал. Тогда лучше уж сидеть опять на трехполке, на сохе да на кляче, с коровкой на дворе, а с водичкой на столе. На душе будет спокойно, никто не потревожит».**

К сожалению, «тревожили», да еще как! И не случайно уже в конце 20-х годов многие крестьяне, не выдержав налогового и административно-судебного пресса, стали покидать землю, свертывать хозяйство, мотивируя это тем, что они перейдут в разряд бедняков и им будет легче.

Известный ученый-аграрник Н. Д. Кондратьев, который вскоре будет репрессирован сталинской административной машиной, говорил: **«Я считаю, что нужно признать, что богатеющий мужик вовсе не является таким, которого мы берем под надзор, и является творческой фигурой. ...Если под кулаком нужно понимать всякого мужика, который может продавать, то не жалуйтесь, если он не продает, когда может. Ведь это же демагогия, когда говорят, что мы покровительствуем бедноте, в потом жалуются, что деревня ничего не продает. Беднота потому ничего не продает, что у нее нет ничего».**

По мере усиления сталинской группировки в руководстве партией и страной набирали силу «военно-коммунистические» методы, складывалась пресловутая командно-административная система.

Историкам и социологам еще предстоит по-настоящему изучить причины, приведшие к сталинскому перевороту в строительстве социализма. Но мы убеждены: корни их следует искать не в объективном экономическом положении страны, не в трудностях поступательного развития. Главную роль, на наш взгляд, сыграл... страх. Панический страх перед капиталистическим окружением. Отсюда — судорожные потуги на скорейшую (любой ценой) сверхиндустриализацию. Настоящий параноидальный ужас перед возможной и мнимой оппозицией. Отсюда — гигантские репрессии в партии, армии, стране. Синдром страха — вот что лежит в основе сталинщины.

Начиная с 1926 года происходит постепенный демонтаж основных принципов новой экономической политики в деревне: запрещается продажа машин и сельскохозяйственных орудий индивидуальным крестьянским хозяйствам, начинается волевое вмешательство в систему ценообразования, ограничивается организация кооперативов и т. д. Все это вело к свертыванию производственной деятельности крестьян, а стало быть, и к ухудшению экономической обстановки в стране. Нужно было найти виновников создавшегося положения. И они, конечно же, нашлись.

ВОЙНА С НАРОДОМ

Страх перед мелкобуржуазной опасностью всегда был силен в руководстве партии. В общем-то это понятно. Дело не только в том, что мелкая частная собственность теоретически не укладывалась в коммунистическую доктрину, трактуемую как всеобщее царство обобществленного труда. Был еще и практический страх: за укреплением мелких единоличных хозяйств мерещился возврат к капитализму, угроза сложившейся экономической системе, а стало быть, и существующей политической власти. Ленинские слова о том, что «нэп — это всерьез и надолго», мало кем в партии воспринимались всерьез. Гораздо популярнее был взгляд на нэп как на временное отступление перед решающим натиском на мелкобуржуазную стихию. Тень «кулацкой опасности», оставшаяся со времен продразверстки, по-прежнему витала в умах большинства партийцев. Более того, уже в середине 20-х годов ее упорно сгущали. Особенно усердствовали представители так называемой «новой оппозиции». Л. Б. Каменев расценил облегчение аренды земли, льготные условия найма рабочей силы как неоправданную «уступку кулаку», как «кулацкий уклон». Г. Е. Зиновьев выразился еще более энергично: «Кулацкий уклон есть кулацкий уклон, и этому кулацкому уклону нужно показать большевистский кулак». (Спрашивается: велика ли разница между малограмотным кавалеристом-рубакой Нагульновым и «теоретиком» партии Зиновьевым?)

Правда, в партийном и государственном руководстве страны было в то время и другое мнение, представленное в первую очередь взглядами Н. И. Бухарина и А. И. Рыкова. **«На мой взгляд,— говорил А. И. Рыков на XIV партконференции (апрель 1925 г.),— нет никакой надобности ставить административные препоны развитию производительных сил деревни в отношении найма труда в сельском хозяйстве и земельной аренды. Владея главнейшими рычагами нашей экономики, укрепившись на основных командных высотах ее, имея в руках рабочего класса политическую власть, нам не опасно развитие буржуазных отношений в деревне».** По мнению А. И. Рыкова, взаимоотношения между государством и «частником» должны складываться **«на основе экономического соревнования, конкуренции».**

Коренные расхождения между группой Бухарина и окружением Сталина выявились на апрельском и июльском 1928 года Пленумах ЦК, где обсуждались причины хлебозаготовительного кризиса, возникшего зимой 1927/28 года. Сторонники Бухарина усматривали причины «хлебного кризиса» в недостатках хозяйственного механизма, в частности в перекосах ценовой политики. Из этого они и исходили в дискуссии, предлагая обсудить меры экономического характера. Но Сталину все было ясно без дискуссии. Зимой 1928 года он совершил поездку в Сибирь, где «убедился» в том, что трудности порождены кулацкой стачкой, что деревня «растет и богатеет». Сибирская поездка Сталина печально известна тем, что именно там он объявил о применении чрезвычайных (читай: насильственных) мер по отношению к крестьянину, то есть о принудительном изъятии хлеба и уголовных наказаниях за его сокрытие. Правда, многие еще верили в то, что чрезвычайщина — дело временное: вот-де справимся с кризисом в хлебозаготовках, и все войдет в нормальную экономическую колею. Как бы не так!

Нет, не будет уже у крестьянина нормальной колеи. С тех пор им начнут только командовать, его будут объединять, укрупнять, разукрупнять, реорганизовывать, указывать, что и где сеять, когда убирать, кому отдавать... А те деревенские жители, которых не сошлют и которые сами не убегут из села, долгое время будут жить без паспортов, работая за «палочку» (как тогда назывался мифический трудодень). И аббревиатуру «ВКП(б)» деревня расшифрует по-своему: Второе Крепостное Право (большевиков)...

Окончательно судьба крестьянства была решена в апреле 1929 года на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК партии. Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, М. П. Томский еще пытались бороться, но не нашли поддержки у большинства. Сталинское правящее ядро (Ворошилов, Андреев, Жданов, Шкирятов и др.) выступило с резкой критикой взглядов «правых», расценив их «как несовместимые с генеральной линией партии». К лидерам объявленной оппозиции были применены первые, так сказать, «упреждающие», санкции: Н. И. Бухарин снят с поста ответственного редактора «Правды», отозван с работы в Коминтерне, а затем выведен из состава Политбюро ЦК.

И вот он наступил — мрачный год «великого перелома». Перелома русской деревни, нэповских мечтаний, социалистических планов. Перелома крестьянского позвоночника страны, после которого ее сельское хозяйство не может встать на ноги до сих пор.

5 декабря 1929 года была создана комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) под председательством тогдашнего наркома земледелия Я. А. Яковлева. Ей было поручено подготовить проект постановления о темпах коллективизации в различных районах СССР. В состав комиссии вошли секретари партийных организаций: Северо-Кавказского края А. А. Андреев, Средне-Волжского — М. М. Хатаевич, Нижне-Волжского — Б. П. Шеболдаев, Казахстана — Ф. И. Голощекин, Центрально-Черноземной области — И. М. Варейкис, Московской области — К. Я. Бауман, от ЦК КП(б) Украины — С. В. Косиор и др. Прозаседав полмесяца, комиссия обсудила и утвердила подготовленный проект постановления и внесла его на рассмотрение Политбюро ЦК ВКП(б). В проекте говорилось, что с переходом к сплошной коллективизации такая мера борьбы с кулачеством, как недопущение его в колхозы и исключение из колхозов, недостаточна и что якобы сама жизнь поставила вопрос о раскулачивании зажиточных слоев крестьянства. В качестве практических мер по отношению к кулаку комиссией было рекомендовано:

во-первых, проводить в районах сплошной коллективизации экспроприацию всех средств производства раскулачиваемых хозяйств и передавать их в неделимый фонд колхозов;

во-вторых, высылать и выселять по постановлению сельских сходов и сельсоветов тех крестьян, которые будут оказывать активное сопротивление установлению новых порядков.

Проект еще не был утвержден Политбюро, а Сталин на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 года уже спешит лично объявить о повороте **«от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества к политике ликвидации кулачества, как класса»** (Сталин И. В. Соч., т. 12, с. 169).

Дальнейшие события развиваются поистине ударными «сталинскими» темпами.

***4 января 1930 года* — Сталин вместе с Яковлевым редактирует проект постановления, подготовленный комиссией. В тот же день проект рассылается членам Политбюро.**

***5 января.* Политбюро утверждает проект постановления ЦК ВКП(б) «О темпах коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству».**

***15 января* для разработки конкретных форм и методов раскулачивания Политбюро ЦК ВКП(б) образует комиссию во главе с секретарем ЦК ВКП(б) В. М. Молотовым.**

***26 января* комиссия Молотова завершает работу.**

***30 января* Политбюро принимает постановление «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». В этот же день оно рассылается местным партийным организациям. В постановлении признается необходимым отменить аренду земли, запретить применение наемного труда, конфисковать у кулаков средства производства, скот, хозяйственные постройки и т. д.**

Директивы были тут же подкреплены «идеологическим обеспечением». Заголовки газет пестрели крупно набранными призывами: «Уничтожим кулачество как класс»; «Огонь по тормозящим коллективизацию и раскулачивание»; «Беспощадно бить по кулацкой агентуре, обрушить на ее голову тяжелый кулак пролетарской диктатуры»; «Не либеральничать!».

11 января 1930 года «Правда» публикует передовую статью «Ликвидация кулачества как класса становится в порядок дня», призывая **«объявить войну не на жизнь, а на смерть кулаку и в конце концов смести его с лица земли».**

Как гласили инструкции, против крестьянских хозяйств, отнесенных к кулацким, надлежало применять следующие меры:

— контрреволюционный актив, организаторов террористических актов и антисоветских мятежей — арестовать, заключить в исправительно-трудовые лагеря и без колебаний применять высшую меру наказания;

— крупных кулаков, активно выступающих против коллективизации, выселять из мест их проживания в северные и отдаленные районы страны;

— остальную часть кулаков расселять в пределах района на новых, специально отводимых для них за пределами колхозных массивов землях.

Раскулачиванию подверглись не только крепкие крестьянские семьи, но и многие хозяйства середняков и даже бедняков. Вот лишь некоторые цифры на этот счет, взятые из оперативных сводок 1930 года. В ряде районов Нижегородского края число раскулаченных достигло 37 процентов всех крестьянских хозяйств, в Центрально-Черноземной области — 15 процентов. В Хоперском округе Нижне-Волжского края раскулачили каждое десятое крестьянское хозяйство. В ряде районов Уральской области число лишенных избирательных прав по сравнению с 1929 годом увеличилось в 8—10 раз.

Для проведения операций по раскулачиванию в краях, округах, районах и сельских Советах должны были создаваться специальные комиссии, которым вменялось в обязанность устанавливать категории кулацких хозяйств, составлять списки подлежащих раскулачиванию, проводить учет и передачу их имущества. Однако на практике раскулачивание чаще всего проводилось в несудебном порядке, то есть в полном противоречии с Конституцией. В районах создавались «тройки» (в составе первого секретаря райкома партии, председателя райисполкома и начальника местного органа ОГПУ), которые повсеместно подменяли собой судебные органы. В селах, деревнях, на хуторах действовали уполномоченные, возглавлявшие бедняцкий актив. Крестьяне подвергались репрессиям по спискам, составленным уполномоченным или спущенным из района.

Всех крестьян, отнесенных к первой категории кулаков, без суда и следствия по решению «троек» арестовывали, направляли в места заключения или расстреливали. Отнесенные ко второй категории вместе с семьями высылались в отдаленные районы страны, где были обречены на вымирание.

Волна насилия охватила страну. Выезжавшие на места партийные руководители изо всех сил нажимали на низовых работников. Секретарь партколлегии Курского окружкома Соцкий на собрании партячеек в Обоянском районе внушал: **«Запомните, товарищи, что наша установка — лучше перегнуть, чем недогнуть».** И тут же грозно предупреждал: **«Помните, что за перегиб судить не будем, а за недогиб — держитесь».**

Сводки с мест, датированные 1930 годом, рисуют страшную картину вакханалии репрессий и принуждений.

В селе Андреевка Сергиевского района Бугурусланского округа уполномоченный Ильин арестовал 20 крестьян и в сильный мороз и буран отправил их за несколько десятков верст в районный центр. Среди арестованных были женщины и грудные дети. Всю эту группу Ильин охарактеризовал как подпольную кулацкую организацию, которая вела подрывную работу. Проверка показала, что 14 человек арестованных — середняки, а 6 — бедняки, и вся их «контрреволюция» заключалась в отказе от вступления в колхоз.

В том же округе в селе Кивацком на общем собрании крестьян уполномоченный Овсянников заявил: «Если вы не пойдете в колхоз, то мы с обоих концов поставим по пулемету, не выпустив ни одного человека, сожжем все село, а на его месте картошку засеем».

Один из участников проведения сплошной коллективизации и раскулачивания, А. Д. Арефьев, писал в ЦК ВКП(б): **«В Корсунском районе Средне-Волжского края пред. РИК (фам. не помню) и зав. АПО райкома заключили между собой соц. договор на предмет быстрейшей коллективизации. Район был разбит на 2 подрайона, по договору они должны были коллективизировать в 10 дней на все 100%. Чтобы выполнить свои обязательства, зав. АПО Аристов говорил на собраниях: «Кто против коллективизации, тот против советской власти, и я с этих людей шкуру спущу, а кишки размотаю на телефонный столб». При этом он голосовал: «Кто против соввласти?» При таком методе он действительно добился 100%, но результаты оказались плачевные, а это использовало кулачество и возглавило... восстание».**

В стране создалась чрезвычайно острая политическая ситуация. Недовольство крестьян наиболее ощутимо проявилось в массовом забое скота. Зимой 1929/30 года количество сельскохозяйственных животных в стране уменьшилось значительнее, чем за все годы гражданской войны. Возмущение нередко выливалось и в массовые восстания крестьян. К сожалению, мы не располагаем полными сведениями о крестьянских волнениях конца 20-х — начала 30-х годов, поскольку эта статистика сразу же была объявлена сверхсекретной. Но даже отдельные цифры дают представление о той силе, с какой нарастали выступления крестьян против чрезвычайщины.

Если, скажем, в Усманском округе Центрально-Черноземной области в декабре 1929 года произошло одно вооруженное выступление, то в январе 1930 года — уже 29 выступлений с участием 20 тысяч крестьян. В Острогожском округе за январь и 6 дней февраля было 16 выступлений, в которых участвовало 17 тысяч человек. В Козловском округе к началу марта крестьянское восстание охватило 54 села, а число его участников достигло 20 тысяч.

Движение против чрезвычайщины расширялось, захватывая все новые и новые районы. На Северном Кавказе в январе произошло 11 массовых выступлений, в Грузии — 12. В Карачаевской области восставшие осадили областной центр, продержав его в осаде 8 дней. В Московской области движением крестьян было охвачено 5 районов. Это была настоящая война с народом. Боевыми действиями руководили (увы!) комбриги и командармы Красной Армии.

К концу февраля обстановка накалилась до предела. Опасаясь массовой вооруженной борьбы, Сталин решил откреститься от так называемых «перегибов» и возложить ответственность за них на местные партийные организации.

2 марта 1930 года в «Правде» печатается статья Сталина «Головокружение от успехов». В ней делается попытка обуздать разгулявшуюся стихию «раскулачивания». Но было уже поздно. Джинн уже был выпущен из бутылки — армия «политических бойцов в деревне» сформировалась, и переориентировать ее взгляды оказалось совсем непросто.

В этом отношении характерна докладная записка в центр с Кубани, автор которой отмечает, что **«статья Сталина встречена работниками большинства районов Кубани с чувством явного недовольства. Многие из них говорили, что статья испортила нам все дело. Нужно было ее не публиковать, а разослать в секретном порядке».**

Чудаки! Они приняли статью Сталина за чистую монету и, должно быть, и впрямь на какое-то время усомнились: неужто на самом деле трубится отбой чрезвычайщине?

Нагульновы могли бы не волноваться. Статья нужна была Сталину только для того, чтобы отвести подозрение от «верхов». Судьба крестьянства его не трогала.

СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

В феврале — марте 1931 года началась новая волна раскулачивания. Для руководства и контроля за осуществлением «ликвидации кулачества как класса» 11 марта 1931 года была образована специальная комиссия во главе с заместителем председателя СНК СССР А. А. Андреевым. По существу, эта комиссия занималась распределением «раскулаченных» переселенцев по районам страны. Это был своеобразный Госснаб, который удовлетворял заявки хозяйственных организаций на трудовых ресурсах. А если называть вещи своими именами, то комиссия Андреева обеспечивала стройки социализма рабами — вчерашними крестьянами.

Вначале спецпереселенцы (так стали называть крестьянские семьи, выселяемые из районов своего проживания) направлялись в распоряжение тех хозяйственных органов, которые давали на них заявки. Но вскоре комиссия Андреева решила упростить дело и передать все хозяйственные, административные и организационные «заботы» о спецпереселенцах ОГПУ. Отныне у выселенных крестьян появилась «надежная прописка» — концлагеря или северные (уральские, сибирские, дальневосточные) поселки, мало чем отличавшиеся от концлагерей.

В подавляющем большинстве случаев крестьянские семьи выселялись в места, непригодные для жизни. Снабжение спецпереселенцев продуктами питания было ниже самого низкого предела, медобслуживание практически отсутствовало. На тяжелых физических работах (лесоповал, погрузочно-разгрузочные работы и т. д.) повсеместно использовался детский труд. Массовый голод вызвал большую смертность, особенно среди детей.

Сводки о ходе выселения крестьян носили характер военных документов. Вот лишь одна из них — по Башкирской АССР.

«Подготовка к выселению 600 семейств кулаков начата. По состоянию на 11 июля изъято 5292 трудоспособных мужчин-кулаков из 4572 кулацких хозяйств, подлежащих выселению. Изъятие трудоспособных мужчин — глав кулацких хозяйств продолжается. Начато стягивание кулацких семей на сборные пункты. Изъятие кулаков проходит без эксцессов».

Комиссия Андреева работала на полную мощность. Приведем протокол заседания от 30 июля 1931 года.

«СЛУШАЛИ: вопрос о дополнительных заявках на спецпереселенцев и распределении их.

ПОСТАНОВИЛИ: ...Обязать ВСНХ в 3-дневный срок представить ОГПУ свои окончательные заявки на спецпереселенцев:

удовлетворить заявку Востокстали на 14 тысяч кулацких семей, обязав в 2-х дневный срок заключить с ОГПУ соответствующие договора;

— заявки Цветметзолото — на 4600 кулацких семей и Автостроя ВАТО — на 5 тысяч кулацких семей — удовлетворить;

по углю удовлетворить заявки на спецпереселенцев: Востокугля — на 7 тысяч кулацких семей, по Кизеловскому и Челябинскому углю — на 2 тысячи кулацких семей, заявку по Подмосковному углю на 4500 кулацких семей принять условно;

по торфу принять условно заявку на 31 тысячу кулацких семей.

...В соответствии с этими заявками предложить ОГПУ произвести необходимое перераспределение по районам и выселение кулаков...»

Должностные лица проявляли даже своеобразную «служебную» заботу о спецпереселенцах. Нет, их не тревожили жизнь и смерть этих людей, плач матерей над умершими от голода детьми, издевательства над женщинами и стариками. Скорее это была забота хозяйственников о более рациональном использовании рабсилы. Вчитайтесь, например, в докладную тогдашнего наркома юстиции Н. В. Крыленко. Сам факт массовой высылки людей его как юриста нисколько не волнует. Бесхозяйственность, отсутствие надлежащего учета и контроля (ведь социализм — это учет!) — вот что беспокоит наркома в первую очередь:

«Заброска, рассвление и использование труда спецпереселенцев,— докладывает Н. В. Крыленко,— **происходит беспланово и без надлежащего учета. Рассвляются спецпоселенцы в местах, нвпригодных по климатическим и другим природным условиями для ведения свльского хозяйствв, в использование труда спецпереселенцев на производствах и в промышленности происходит беспорядочно.**

Жилищное строительство ведется крайне медленными темпами, и переселенцы сплошь и рядом находятся в зимнее время в летних казармах и зданиях бывших церквей, банях, швлашах, землянках и палатках, абсолютно перегруженных, и антисанитарное состояние жилищ почти общее явление.

Снабжение переселенцев продуктами питания и промтоварами находится в плохом состоянии.

Медобслуживание и культурно-просветительная работв поставлены из рук вон плохо...».

И как бы между прочим.

«В нвкоторых местах до сих пор имеет место едмминистративный произвол со стороны лиц, управляющих спвцпвреселением. Имели место избиения, необоснованные аресты, изнасилования и убийствв...»

И такие условия, заметьте, читатель, были созданы не для осужденных преступников, не для белогвардейцев и басмачей, а для крестьянских семей. Вот, например, данные о переселенцах, присланных под Томск: **«Прибыло всего — 32000 чвлоаек, из них детей до 12-летнего возраста — 15000, женщин, кормящих грудью и имеющих детей до 8-летнего возраста,— 4000; мужчин — 8500 человек, из них нетрудоспособных — 1000...»**

Из докладной записки помощника начальника ГУЛАГа ОГПУ Белоногова начальнику ГУЛАГа ОГПУ Когану:

«Все трудоспособные мужчины и женщины, в также часть с пониженной трудоспособностью — старики, подростки и дети заняты на лесозаготовительных работах. Часть с пониженной трудоспособностью (в основном женщины) заняты нв реботах по раскорчевке земель, и очень незначительный процент не рвботает совсем — это прествреные старики и больные. Норме выработки 4 кубометра.

В связи с отсутствием у хозорганизвции кредитов, зарплата нв выдавалась. Кооперация прекратила выдачу в кредит продуктов, у самих же спецпереселвнцев денег нет и нечего ужв стало продаввть, так как все, что имелось, ими распродано, и они были поставлены в такое положение, что не могли даже покупвть себе хлеба. В поселках, где приходилось быть,— бесконечные вопли: «дайте хлеба». Из-за отсутствия овощей много случаев заболевания цингой в тяжвлой форме, и люди, как рабочая сила, выбывают из строя. Установленная для спецпереселенцев норма продовольствия выдавалась нв полностью. Капуста и картофель не выдавались вообще.

Чрезвычайно плохо обстоит вопрос с довольствием детвй. Дети чрезвычайно истощенные и бледные. Молочных продуктов вообще нет. Ни в одном поселке нет ни одной коровы. В поселках живут дети разного возраста: до 14 лет и меньше — круглые сироты. Работвть они не могут, пайков им бесплатно не дают. В некоторых поселках коменданты добивались у кооперации, чтобы те выдавали паек в кредит, а в некоторых подходят казенно, заявляя, что раз бесплатно не дают, ничего они сделать не могут.

В поселках в некоторых случаях на один, в некоторых на двв и три имеется фельдшерский пункт. Заведуют фельдшерскими пунктами ротные фельдшера из числа самих же спецпереселенцев.

Культурно-воспитательная работа никакая не ведется. Библиотек нет. Школ ни в одном поселке нет...»

Такое положение было характерно для всех мест расселения крестьянских семей.

Оперуполномоченный ОГПУ по Уралу А. С. Кирюхин и начальник областного комендантского отдела Н. Д. Баранов докладывают:

«За отсутствием надлвжащего питания, медицинского контроля и обслуживания большая часть спецпереселенцвв, потерявшая трудоспособность, не могла обеспечить выполнение плана лесозаготовок, вследствие чего лвспромхоз дал распоряженив о привлечении нв лесозаготовки всех без исключения спецпереселенцев, без рвзличия пола и возраста, установив нормы выработки даже для детей 12-летнего возраста и стариков 2—2,5 кубометра в день, тогда как средняя норма выработки для взрослого рабочего уствнавливалась 3 кубометра в день. По этой причине спецпереселвнцы, чтоб выполнить норму выработки, оставались для работы в лесу целыми сутками, где зачастую замерзали, обмораживались, подввргаясь массовым заболеваниям. На складах в это время остались неизрасходоввнными в значительном количестве телогрейки, полушубки и т. д. Не получая медицинской помощи, надлежащвго питания и нормальных жилищных условий, к концу лесозаготовок они окончательно ствли нетрудоспособными и в большинстве своем инввлиды.

В силу указанных выше причин выполнение спвцпереселенцами норм выработки было, естественно, невозможным. Однако мвстные партийные и лесозаготовительные организации стали на путь резких репрессий. Для этой цели зам. секретаря райкома партии Маслов предоствил кврательные функции в отношении спецпереселенцвв даже хозорганам (десятникам и куренным маствpам), квк, например, производство ими арестов, уменьшение продпайка и т. п.

Все это создало обстановку и условия произвола и издевательства над спецпереселенцами со стороны работников низового аппарата леспромхоза и командированных райкомом партии бригедиров, а такжв поселковых комендантов. Повсеместно в каждом спецпоселке были созданы арестные помещения, куда беспричинно, а зачастую из личных корыстных побуждений заключались переселенцы всех возрастов, содержались там в нетопленых помещениях, раздетыми по несколько суток и без пищи, там же системвтически избивались и подвергались всевозможным истязаниям, что приводило к полному упадку физической деятельности спецпереселенцев и смертным случаям...»

Далее следуют жуткие примеры, читать о которых невозможно без содрогания. Но если мы не прочтем о них сегодня, если не захотим узнать, то память о преступлениях чрезвычайщины будет неполной. Потому продолжим:

«Всв эти беспричинные издевательствв в основном сводились к физическому истреблению переселенцев, что, бесспорно, подтвердилось поквзаниями десятников, некоторых комендантов и других лиц. Так, например, старший бригадир Ратушняк, член ВКП(б), избивая переселенцев, кричал: «Вас всех надо убить и уничтожить, в вместо вас скоро новых 80000 пришлют». Поселковый комендант Деев дал установку десятникам — бросвть в воду работвющих на сплаве переселенцев. По установке того же бригадира рвйкома Ратушняка и десятников для спецпереселенцев заранее изготовлялись гробы, стоящие на виду у спецпереселенцев, и были случаи, что в гробы клали для погрвбения живых переселенцев. Такой случай имел место на Самском лесоучасткв, когда в гроб была положена обессилевшая от истощения спецпереселенка. Был случай, когда был брошен в костер переселенец.

Особенными жвстокостями отличались:

Бригадир Ратушняк — избивший всевозможными способами ряд спецпереселенцев, в результате чего переселенец Мартыненко умер в арестном помещении; насиловал женщин и девушек; произвел ряд ограблений пересвленцев по дороге. Был вдохновителем десятников и бригадиров по избиению спецпереселенцев и говорил: «Переселенцев надо всех уничтожить».

Бригадир Калугин Иван, член ВКП(б) — избил ряд переселенцев, в результате чего переселенец Луговой умер. Среди переселенцев слыл за палача под кличкой «Ванька Каин». Вмвсте с десятниками издевался над пересвленцами, а в частности переселенку Харченко избивал ложкой по половым органам.

Бригадир Кугин, член ВКП(б) — участник избиений целого ряда переселенцев, в результате избиения переселенец Горевой умер.

Бригадир Чернов, член ВКП(б) — избил ряд спецпереселенцев, был соучастником преступлений Калугина.

Бригадир Суетнов, член ВКП(б) — избил ряд пересвленцев в соучастии с бригадиром Мерзляковым, в результате чего переселенцы Терпугов и Дудников умерли от избиений.

Мерзляков (бригадир) — член ВКП(б) — соучастник и пособник в преступлениях Суетнова.

Старший десятник Кривощеков, кандидат ВКП(б) с 1931 года — избил целый ряд спецпереселенцев, в результате чего от побоев умерли Самойленко и Диомид Сидоренко...»

В акте комиссии ОГПУ по Уралу приводились данные о том, что на переселенческих участках **«семьи и трудоспособные работники питались трввой, для выпечки хлеба с мукой смешивали траву, древесные опилки, гнилое дерево, мелкие щепки и мох».**

Комиссии Андреева был представлен доклад о положении спецпереселенцев в Алданском районе, для которых в период с июня 1930 года до марта — апреля 1931 года был установлен режим лагерей особого назначения. **«Из 3306 человек, живущих в спецпоселке «Бушуйка», было 1415 детвй до 14 лет. На почве скверного питания (полное отсутствие мясе, жиров, молока, питались одной рыбой и крупой) имела место большая датская смертность. За 8 месяцев одного года умерло 184 человека детей до 5-ти лет. Это составило 55% всвй смертности в поселке. В результате детей до 3-х лет в поселке осталось 289 человек. Поселок перенес эпидемию сыпного и брюшного тифв. Брюшным тифом пвреболвло 91 человек, умерло 25 чвловек, сыпным переболвло 101 чвловвк, умерло 16 человек. Наибольшие месяцы по смертности были июнь и июль (81 и 99 челоаек). Никакой помощи со стороны оргвнов Дальневосточного края во время эпидемии поселок не получил. Жили спецпереселенцы в общих летних бараках с двойными нарами. Так называемый «детдом», в котором жили изолированно от родителей подавляющее большинство детей, также представлял из себя барак с двойными нврами. Обрвщало на себя вниманив большое количество имевшихся в посвлкв спвцпереселвнцвв-стариков и старух свыше 60-ти лвт. Они были нвиболее подвержвны заболвввниям и давали большой процвнт смертности...»**

Такова была участь тех крестьянских семей, наших с вами дедов и прадедов, которые нежданно-негаданно угодили под «Великий перелом». Многие из тех, кто подписывал им приговоры (в том числе и Я. А. Яковлев, и Н. В. Крыленко), через несколько лет разделят их судьбу, попав под молох сталинских репрессий. Не в укоризну им, не для того, чтобы позлорадствовать, но... вспомнил ли кто-нибудь из них в свой смертный час о миллионах мужицких семей, «ликвидированных» по их проектам и инструкциям? Воистину — как аукнулось, так и откликнулось. И это тоже один из уроков для нас: любая, самая светлая и великая цель не может быть достигнута неправедными средствами. Нигде и никогда.

ЭПИЛОГ ЧРЕЗВЫЧАЙЩИНЫ

Ради чего же были эти жертвы? Стоила ли овчинка коллективизации чрезвычайной сталинской выделки? Для ответа приведем табличку. 1928-й — год, предшествующий «Великому перелому», а 1932-й — год, когда «Великий перелом» в деревне уже свершился.

	1928 г.	1932 г.	в % рост (+) снижение (−)
Вся посевная площадь, млн. га	113,0	134,4	+19
Валовой сбор зерновых, млн. т.	73,3	69,9	− 5
Урожайность, ц 1 га	7,9	7,0	−13
Производство мяса, млн. т.	4,9	2,8	−43
Производство молока, млн. т.	31,0	20,6	−33

Особенно сильно пострадало в годы сплошной коллективизации животноводство. Численность лошадей в стране уменьшилась с 32,6 млн. голов в 1929 году до 14,9 млн. голов в 1935 году. Примерно вдвое сократилось поголовье крупного рогатого скота. Обещанное изобилие так и не наступило: валовая продукция сельского хозяйства в 1936—1940 годах, по существу, оставалась на уровне 1924—1928 годов, а средняя урожайность оказалась даже меньше.

Иногда приходится слышать такое возражение: дескать, рост сельскохозяйственного производства в 20-е годы не отражает истинного положения вещей, поскольку отсчет ведется от начала нэпа, когда производство имело чрезвычайно низкий уровень. Возьмем другую точку отсчета — 1913 год. Как известно, к середине 1925 года уровень 1913 года по многим показателям производства сельхозпродукции был не только достигнут, но и превзойден. А что же произошло дальше? **Производство мяса и сала, напримвр, в 1940 году составило 4,7 млн. тонн, в то время как в 1913-м — 5,0 млн. тонн. Примврно равными оквзались уровни производства яиц и других продуктов. Шерсти в 1913 году было произведено 192 тыс. тонн, а в 1940-м — только 161 тыс. тонн.**

И еще данныв. По ряду показатвлвй насильственно созданные колхозы значитвльно отставали от личных подворий крестьян. Нвпримвр, в 1940 году удельный вес колхозов, совхозов и других государственных хозяйств в производствв мяса составлял всего лишь 28 процентов, молока — 23, яиц — 6, картофеля — 35, овощей — 52, зерновых культур — 88 процентов и т. д., хотя в пользовании общественных хозяйств находилось 99,1 процента посевной площади.

Так была ли сплошная коллективизация жизненно необходимой? Конечно, так или иначе со временвм мелкотоварное крестьянсков хозяйство неизбежно пришло бы к крупным формам общественного производства, хотя и не везде. Но сплошная коллективизация означала попытку «обмануть» законы общественного воспроизводства, проигнорировать интересы самих производителей, то есть крестьян. В этом и кроется глубинная причина тех трудностей, которые мы сейчас переживаем.

Но в то время, с точки зрения сталинского руководства, сплошная коллективизация себя оправдала. Вместо 80—100 млн. центнеров товарного хлеба, заготовлявшегося в период преобладания индивидуального крестьянского хозяйства, стало ежегодно заготовляться 200—230 млн. центнеров. До сих пор живет легенда, что экспорт зерна дал возможность успешно провести индустриализацию.

А как на самом деле? Один пример. Проданные в первой пятилетке 12 млн. тонн зерна дали всего 444,5 млн. рублей. (Для сравнения — экспорт пушнины обеспечил за тот период нашей стране выручку валюты на сумму свыше 300 млн. рублей.) Сопоставляя указанную выручку за хлеб с суммой вложений в промышленность, транспорт и строительство — 41,6 млрд. рублей, можно убедиться, что хлебная продажа не сыграла выдающейся роли в индустриализации. Зато в результате изъятия хлеба разразившийся голод унес миллионы человеческих жизней. Тяжкой оказалась плата.

Но суть не только в этом. Раскулачивание и принудительная коллективизация вызвали массовое бегство людей из деревни. Только за 1930—1932 годы в город на постоянное жительство переехало почти 10 млн. человек. Из-за нехватки рабочей силы имелись случаи ликвидации колхозов. Вот почему государство вынуждено было взять под особый контроль перемещение сельского населения в города. В декабре 1932 года постановлением ЦИК и СНК СССР вводится паспортная система. Однако сельские жители, колхозники паспорт не получили; они оказались прикованными к своему постоянному месту жительства.

Принудительный труд никогда и нигде не был производительным. Колхозники сами говорили об этом, и не кому-нибудь, а приближенным Сталина. Украинские крестьяне простодушно признавались Ворошилову: «Эх, если бы мы работали, ну, скажем, половину того, что раньше делали, то завалили бы всех хлебом и не знали бы, куда его девать!»

Сегодня очень сложно установить, сколько миллионов крестьянских семей было репрессировано. Волны чрезвычайщины накатывались как цунами, но высота их в разные годы была неодинаковой. В 1933—1934 годах репрессии стали уже не столь массовыми, в основном шла «очистительная» работа под руководством политотделов МТС. В 1937 году — новая волна, на этот раз «по выявлению кулацких банд». Крупнейшей акцией по раскрестьяниванию деревни стала ликвидация на рубеже 30 — 40-х годов хуторов. Под предлогом того, что их сохранение способствует возрождению кулачества, были ликвидированы 816 тыс. хуторов, жителей которых насильственно переселяли на центральные усадьбы, а многих — и в места более отдаленные.

Так сколько же было репрессировано? За ответом на этот вопрос (хотя бы приблизительным) приходится обращаться к... Сталину. Как известно, «великий вождь» не любил оставлять свидетелей своих преступлений и тем более признаваться в них. Но однажды он проговорился. В речи на Первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников, произнесенной 19 февраля 1933 года, Сталин отметил, что до коллективизации на каждые 100 дворов в деревне можно было насчитать 4—5 кулацких дворов, 8 или 10 дворов зажиточных, 45—50 середняцких, 35 бедняцких. **«Развернув колхозное строительство,—** с гордостью сказал Сталин,— **мы добились того, что уничтожили эту кутврьму и несправедливость, разбили кулацкую кабалу»** (Сталин И. В. Соч., т. 13, с. 246).

Теперь давайте подсчитаем. Итак, на каждые 100 дворов Сталин насчитал от 12 до 16 кулацко-зажиточных. Всего же в начале 30-х годов в нашей стране было около 25 млн. крестьянских хозяйств. Стало быть, более 3 млн. из них Сталин отнес в черную графу. Если учесть, что, по статистике тех лет, в каждой «кулацкой» семье было в среднем 7—8 человек, то в разряд «ликвидированных как класс» попало более 20 млн. человек. Страшная цифра!

Можно с полным основанием утверждать, что неправедное, жестокое, бесчеловечное раскулачивание было преступлением не только против крестьян, но и против всего нашего народа. Произвол остался безнаказанным, и это открыло «зеленую улицу» всем последующим массовым репрессиям. Гуманизм и правда требуют, чтобы крестьяне, попавшие под раскулачивание и иные репрессии, были оправданы и восстановлены в гражданских правах так же, как и всв остальные жертвы необоснованных сталинских репрессий.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

В ЧЕМ НАЗНАЧЕНИЕ ХРАМА?

Сергей ХОРУЖИЙ, доктор физико-математических наук

Отношение к религии в нашем обществе, включая и правительственную политику, сегодня меняется весьма ощутимо, если не сказать радикально. Религию реабилитируют, ее не причисляют уже ни к сонму злостных реакционных сил, ни даже к разряду пережитков отсталости. За ней как будто признали неущемленное право существовать в просвещенном обществе. Нет, правда, пока полной ясности в вопросе о том, для чего она может требоваться в таком обществе, но в целом ей согласны препоручить даже и столь важное дело, как блюстительство народной нравственности.

Как не возрадоваться шагам прогресса! Без всякого подвоха и задней мысли, из лучших либеральнейших побуждений религии оказывают полный решпект, сажают, можно сказать, в красный угол. И, однако же, мне, глядя на зто, упорно думается: а не должна ли религия билет сей почтительно возвратить, по примеру Ивана Карамазова? Потому что не надо придумывать религии дел, хотя бы и самых почетных. В первую голову нужна религия в качестве самой себя и должна она быть собой, блюсти свою суть и назначение. Прежде о её сути и назнвчении полагалось думать по прописям казенного атеизма. Теперь же, в новые времена, они рискуют оказаться пускай уже не оболганы, но позабыты, отодвинуты в сторону за животрепещущими обсуждениями социальных проблем. И потому мне хочется сказать здесь именно не о прикладной стороне религии, а о самом ее ядре.

Как физик и математик, приученный упорядочивать мысль, начну с максимально общего. Религиозность — неотъемлемая сторона нашей природы. В кругу дел человеческого существования у религии имеется свое дело, которое может исполнить только она и никакая другая из сфер духовной деятельности.

В чем же состоит это дело? Скажу так: это бытийная ориентация и фокусировка человека. Все существующее, реальность, куда входит и человек,— это некая структура, включающая различные горизонты (виды, образы) бытия. В этой структуре человек непосредственно принадлежит «здешнему бытию», пространственно-временному миру, главная черта которого — конечность, то есть наличие у всего сущего в этом мире границ, пределов, а у всего живого — рождения и смерти. Но ему присуще и представление об ином образе бытия, не скованном конечностью и смертью,— о Боге. Больше того, у него имеется не просто умозрительное представление об этом ином бытии, но жизненная, активная связь с ним. Суть этой связи предельно проста и ясна: человек стремится к Богу. Собственный род бытия он твердо воспринимает как бытие несовершенное, ущербное, ибо оно подчинено конечности, которая сказывается всюду: и в индивидуальном существовании — смертью, и в социальном — розные, враждой. А человек жаждет избавиться от этого ига — преодолеть собственную природу и достичь преображения, обрести бытие необезображенное, не исчезающее в бездне Ничто.

Претворение в жизнь этого стремления и есть дело религии. Никакая другая область человеческой активности не ставит перед собой подобных задач.

По отношению ко всему прочему в личности религия выступает как начало центрирующее: она собирает воедино все способности человека — его ум, волю, чувства — и направляет, фокусирует их к Богу. И это же она делает по отношению к обществу и человечеству. По своему внутреннему смыслу вся история человечества — это драма отношений человека и Бога, ведущая к их соединению. Как обычно говорят русские философы, история есть богочеловеческий процесс, а цель ее и смысл — преображение и обожение человека и всего здешнего бытия. К подобному взгляду в наши дни начинает приближаться и научная картина мира, где формируется концепция ноогенеза, или духовного освоения здешнего бытия,. которое в своем пределе, на пике одухотворяющего человеческого усилия, приходит и к преодолению смерти.

В этой картине существования человека и общества есть одна черта, которая быстро приводит нас к сегодняшним проблемам. Это — свобода. Связь с Богом не имеет принудительности. Человек сам решает, каким быть его отношениям с Богом, и на это решение влияет не только сущее в его природе стремление к Богу, но и все его обстоятельства — личные, социальные, исторические... Итог бывает самым различным. Не только возможны, но и типичны для человеческой истории срывы. Недаром я употребил выше слово «драма»: стихия религиозной жизни поистине драматична, улучения божией благодати перемежаются в ней с периодами утраты богообщения, с падениями в стихию грехов и страстей и трудными из нее восстаниями с помощью очистительной работы покаяния. И это в равной степени верно и для отдельного человека, и для общества, и для всей истории. Центрирующая роль религии может утрачиваться и утрачивается сплошь и рядом. Но в корне отличны друг от друга две ситуации: когда отход от религии — лишь момент в сложной, подвижной панораме духовной жизни и когда этот отход делается глобальным, тем паче специально поддерживается. В первом случае отход может быть фазою духовных исканий или даже очистительной, оздоравливающей установкой: неудовлетворенность человека наличными религиозными формами на поверку сама может быть проявлением религиозности и послужить обновлению старых форм.

Во втором случае ставится напрямик лозунг изгнания религии и, стало быть, утверждения на ее место, в ее функции чего-то другого. «Другим» может быть либо пустота (атеизм в чистом виде), либо же стремление вместо Бога к некоторой земной цели, которая, чтобы послужить центрирующим, собирающим началом для всего существования человека и общества. должна быть одновременно и идеальной (замена религии утопией). Первый путь заведомо непригоден в сколько-нибудь широком масштабе: он игнорирует характер, «фактуру» человека как сложного и динамичного многообразия, которое имеет прямую нужду в центрирующем начале. Второй же внутренне противоречив: одновременно делать (как это необходимо здесь) усиленный акцент и на земном, и на идеальном характере новой, нерелигиозной, глобальной цели — абсурд и самообман. Но самое-то опасное, что оба пути — экспериментирование над человеком и обществом при недостаточном их знании, антропологический авантюризм и невежественная человекоинженерия.

Плоды мы сегодня видим. Великая человеческая порча разыгралась над нашей Родиной: именно в этом, я убежден, самая глубокая и важная сторона советской истории, ключ к ее пониманию. Исподволь, с усилием, начинается сегодня как будто исцеление, восстановление образа человеческого. И то, что насущно нужно в этом трудном процессе,— это, не мудрствуя лукаво, не измышляя для религии нагрузок и участков работы, попросту вернуть ей ее исконное место в жизни человека и общества.

ПРИЗЫВ '89

В 1919 году Российский Коммунистический Союз Молодежи насчитывал 96 тысяч членов. Сегодня в рядах ВЛКСМ свыше 35 миллионов человек. Несмотря на некоторое уменьшение численности, по сравнению с «эпохой застоя», комсомол все еще напоминает по массовости Вооруженные Силы: каждый год, по достижении определенного возраста, в ряды Союза вливается подавляющее большинство молодежи. И, несмотря на разговоры последних лет о «падении авторитета ВЛКСМ», об «уменьшении влияния на молодежь», Союз продолжает оставаться мощнейшей по численности, бюджету, материальной базе молодежной организацией в мире.

Фото Виктории ИВЛЕВОЙ

Школьники, учащиеся ПТУ и техникумов, прочая «несоюзная молодежь», перевоплощаясь в «союзную», не так уж часто задумываются о характере организации, в которую они вступают. Что означает для миллионов молодых людей присоединение к Всесоюзному Ленинскому комсомолу? Только лишь выражение лояльности к политической структуре государства, соблюдение традиции, либо наличие иного интереса, который реализуется через членство в ВЛКСМ?

ПЕРВЫЙ ВОПРОС, который сразу возникает,— почему и для каких целей был создан комсомол?

Специфика России состояла в том, что революционная молодежь сразу вступала в социал-демократическую партию, группировалась вокруг нее, минуя членство в молодежной организации, как это было в Западной Европе. Причина тому и преобладание молодежного состава в большевистской партии с момента ее возникновения. Немаловажным обстоятельством были и те сложные условия, в которых приходилось работать партии до февральской революции. Однако уже летом 1917 года вопрос о создании союзов рабочей молодежи встал в повестку дня со всей остротой.

Известно, что в основе всякого объединения лежит интерес. В данном случае это был совершенно конкретный политический интерес юношей и девушек — желание участвовать в осуществлявшихся в стране революционных преобразованиях, будучи объединенными в особую возрастную организацию. Создавшиеся молодежные революционные организации, первоначально в рамках отдельных городов, уездов, губерний, вскоре стали тяготеть к объединению своих усилий на общей платформе. Таким образом, создание единой организации было объективной неизбежностью развития молодежного движения в стране.

Заметим, что в это время «в практике Западной Европы встречаются два типа организаций молодежи: подчиненные партии, находящиеся под ее опекой и контролем партийных чиновников, и совсем свободные, имеющие свои газеты, издания и т. п.». Приведенные в кавычках слова — это цитата из Протоколов VI съезда РСДРП [1]. На этом съезде партии развернулась активная дискуссия на тему — какой союз молодежи нам нужен? Высказывались разные мнения. «Разногласия обнаружились при обсуждении вопроса: должны ли эти организации (союзы молодежи.— **А. С.**) быть беспартийными или же с момента своего возникновения они должны стать социалистическими? При этом с самого начала необходимо выяснить цель этой социалистической организации, указать, что она является подготовительной школой для пролетарского движения... Наконец, был высказан и третий взгляд, собравший меньшинство голосов (5 из 40), о подчинении союза молодежи нашей партии».

В принятой на съезде резолюции отмечалось, что «партия должна... стремиться к тому, чтобы рабочая молодежь создала самостоятельные организации, организационно не подчиненные, а только духовно связанные с партией». Однако некоторые из делегатов съезда предприняли попытку скорректировать резолюцию своими поправками. Из поправки делегата Слесарева: «Союзы рабочей молодежи должны быть партийными». Результат голосования — поправка отклонена большинством голосов. Делегат Самойлова предложила строить союзы молодежи при партии. Но и ее поправка была отклонена большинством против 9 «за».

В статье Н. К. Крупской, подготовленной, как отмечают некоторые историки, по просьбе В. И. Ленина и опубликованной в газете «Правда» летом 1917 года, был приведен проект Устава Союза Рабочей Молодежи России, который рекомендовался как примерный для создававшихся молодежных организаций. И вновь здесь подчеркивался самостоятельный характер Союза молодежи. Наконец, настал день 29 октября 1918 года, когда в Москве собрался I съезд Союзов рабочей и крестьянской молодежи. В основу программы Союза, принятой на I съезде РКСМ, были заложены два важнейших принципа:

«1. Союз солидарен с РКП(б). Союз ставит себе целью распространение идей коммунизма и вовлечение рабочей и крестьянской молодежи в активное строительство Советской России.

2. Союз является независимой организацией».

После завершения работы съезда, специально выделенная для этого комиссия доработала текст Программы РКСМ. Обратимся к двум цитатам из этого документа: «Молодежь... строит свои союзы, в основу которых кладутся принципы полной самодеятельности молодежи. В этих союзах молодежь должна проникнуться целями коммунизма, проходить школу революционной борьбы и строить новую пролетарскую культуру.

Для объединения революционной молодежи организуется Российский Коммунистический Союз Молодежи... Союз, являясь в целях проявления самодеятельности молодежи вполне независимой организацией, в своей революционной работе солидарен с Российской коммунистической партией (большевиков)».

И далее:

«Российский Коммунистический Союз Молодежи ставит целью:

1. Широкую пропаганду идей коммунизма среди рабочей и крестьянской молодежи.

2. Активное участие молодежи в революционном строительстве Советской России и творчестве новых форм жизни.

3. Распространение среди рабочей и крестьянской молодежи основ пролетарского миропонимания и культуры и создание из нее стойких, сознательных борцов за идеалы пролетариата.

4. Защита правовых и экономических интересов молодежи...»

Не стоит сомневаться: организаторы комсомола очень хорошо себе представляли, что же они создают, какой именно Союз молодежи рождается на съезде.

[1] VI съезд РСДРП проходил с 26 июля по 3 августа 1917 года.

Говоря современными словами, I съезд РКСМ заложил основы массовой молодежной организации, призванной учить молодое поколение **самостоятельно** участвовать в строительстве новой жизни, защищать его интересы. А если это так, то не стоит и упрекать создателей комсомола, как это делали историки, в неточности формулировки «независимости» РКСМ [1]. Слово «независимый» как раз и означает «самостоятельный, не находящийся в подчинении». А разве не об этом говорилось на VI съезде РСДРП? Дело не в неточности, а в том, что первоначально они видели свой Союз несколько иным, чем тот, каким он стал уже в скором времени.

Что же произошло с Союзом молодежи? Собравшийся через пять месяцев, в марте 1919 года, VIII съезд РКП(б) принял специальную резолюцию «О работе среди молодежи», в которой отмечалось, что съезд партии считает необходимым дальнейшее существование и развитие РКСМ, т. е. по сути одобрялся факт создания именно такого, самостоятельного союза молодежи.

«Коммунистическая работа среди молодежи может пойти успешно только через **самостоятельные организации** (выделено мной.— **А. С.**), идущие под знаменем коммунизма, в которых молодежь могла бы проявить максимум самодеятельности, безусловно необходимой для ее коммунистического воспитания. Такой организацией является Российский Коммунистический Союз Молодежи».

Но уже в этой резолюции указывалось также и следующее:

«Партия должна иметь за собой хорошо подготовленные резервы, из которых она могла бы черпать новых, проникнутых революционным энтузиазмом, честных и сознательных работников».

В этой фразе заключается, на наш взгляд, ключ ко многим серьезным поворотам в истории Союза. Думается, нельзя здесь не заметить того, что партия увидела в создавшейся организации возможную форму подготовки своего резерва.

В августе 1919 года появляется совместное указание ЦК РКП(б) и ЦК РКСМ «О взаимоотношениях РКСМ и РКП(б)». По сути именно с этого документа начинается определенное «перепрофилирование» комсомола. Уже первый пункт вносил существенные коррективы в ранее принятые формулировки. Он гласил:

«РКСМ признает программу и тактику РКП, является организацией автономной, имеет свой Устав и работает под контролем центра и местных коллективов партии». Вместе с тем в документе особо подчеркивалось, что «самодеятельность организации РКСМ является основой его работы, непременным условием его существования. Поэтому контроль партии над союзом не должен носить характера опеки, мелочного вмешательства в организационную, агитационную, культурно-просветительную и прочую работу союза и должен проводиться только в рамках Устава союза и инструкции ЦК РКСМ».

История взаимоотношений партии и комсомола сложна и отнюдь не прямолинейна. Свидетельство тому Устав РКП(б), принятый на VIII Всероссийской конференции РКП(б) (декабрь 1919 г.). В этом документе о существовании РКСМ даже не упоминается, зато отмечается тот факт, что при комитетах партии существуют специальные отделы, где среди прочих назван и отдел по работе среди молодежи. Как считают историки комсомола, это явилось в определенной мере результатом специфического понимания некоторыми партийными работниками сущности и назначения Союза молодежи. Возникали даже призывы ликвидировать комсомол и передать его функции отделам при партийных комитетах. Идеи, отвергнутые еще на VI съезде РСДРП, вновь давали о себе знать. Кстати, они же возникали и в дискуссиях на IX съезде РКП(б) (в марте — апреле), и на IX Всероссийской партийной конференции в сентябре 1920 года.

[1] Упреки по адресу создателей комсомола в «неточности» или «неприемлемости» формулировки независимости РКСМ содержатся во многих трудах по истории ВЛКСМ, в т. ч. и в книге «Славный путь Ленинского комсомола» — М., 1974, с. 123.

Развязка этой дискуссии начинается в конце 1920 года, когда сначала на III съезде РКСМ, а затем в резолюции X съезда РКП(б) утверждается новый подход к взаимоотношениям партии и комсомола.

В Программе, принятой на III съезде РКСМ, читаем: «РКСМ признает программу и тактику РКП и, обсуждая общие вопросы жизни советской республики, подчиняется ее политическим директивам и, работая под ее контролем, является организацией автономной».

Перемены, как видим, весьма заметны: вместо солидарности с РКП(б) — подчинение ее политическим директивам, а вместо независимой организации — автономная, работающая под контролем партии.

Характерны и положения резолюции X съезда РКП(б) «О партийном строительстве»: «Громадное значение для оживления внутрипартийной жизни и **для пополнения рядов партии кадрами новых сознательных коммунистов** имеет фактическое установление тесной связи и совместной работы партии с РКСМ и **вовлечение последнего в партийную работу»** (выделено мной.— **Авт.**).

Далее ставилось условие, по которому все члены партии до 20 лет включительно должны быть фактическими членами РКСМ, а представителям партийных комитетов в комитетах РКСМ необходимо участвовать в идейном руководстве и быть в курсе всей работы Союза. Предполагалось частично **обновить состав активных работников РКСМ путем некоторого обмена работниками между партией и Союзом.** Наконец, в «Положении о приеме членов РКСМ в члены РКП(б)», утвержденном ЦК РКП(б) 22 июня 1922 года, на основе резолюции X съезда партии, подчеркивалось, что и «вся молодежь до 20-летнего возраста включительно может вступить в партию лишь через РКСМ, состоя в числе членов его».

Так был заложен, как нам представляется, краеугольный камень всей последующей истории взаимоотношений партии и комсомола. Суть его в том, что комсомол из массовой молодежной организации, солидарной с коммунистической партией, все более явно становился молодежной организацией партии. Возникла теснейшая жесткая связь: комсомол — партия, которая не могла не сказаться на всей дальнейшей жизни РКСМ.

Почему это произошло?

Причин тут несколько. Сыграло свою роль и отсутствие у РКП(б) своей молодежной организации, каковые были у большинства существующих партий. Потребность в такой организации становилась в новых условиях все более ясной, поскольку это было совершенно необходимо для подготовки резерва членов и руководящего состава партии. К такому итогу вела и сама логика внутриполитических событий, развернувшихся в это время в стране.

Процесс превращения РКСМ в молодежную организацию партии шел постепенно. На первых порах в комсомоле, как это ни странно звучит сегодня, уживались и молодые коммунисты, и бывшие молодые меньшевики, эсеры, представители других партий. Вот лишь несколько фактов. На первом съезде РКСМ присутствовало: коммунистов — 88, им сочувствующих — 38, левых эсеров — 1, анархистов-индивидуалистов — 1, социал-демократов-интернационалистов — 3. По данным мандатной комиссии III съезда РКСМ, из делегатов, участвовавших в его работе, 21 входили раньше в состав меньшевистских организаций, 2 — в эсеровские, 1 — в анархистские, 5 — в другие политические организации.

Фото Владимира ФЕДОСЕЕВА

Параллельно с процессом превращения РКСМ в молодежную организацию партии шел и другой процесс — превращения РКСМ в единственную молодежную организацию страны. Вначале РКСМ поглощает Союз учащихся-коммунистов, затем активно препятствует созданию скаутских организаций. В дальнейшем распадаются и молодежные союзы, действовавшие под влиянием меньшевиков, эсеров и других партий [1].

[1] Среди таких организаций можно назвать: Российский социал-демократический союз рабочей молодежи (РСДСРМ); «Союз учащихся средних учебных заведений при партии эсеров»; «Украинский коммунистический юношеский союз»; «Меньшевистский союз учащихся марксистов Закавказья»; «Югенд-Паолей-Цион» и др.

Произошедшие перемены во взаимоотношениях с РКП(б) вряд ли были замечены массами рядовых комсомольцев. Важно также и то, что новые отношения строились на добровольной основе и в условиях чрезвычайно высокого авторитета партии способствовали расширению влияния комсомола. Еще не сформировалась жесткая партийная регламентация деятельности Союза. Более того, РКП(б) и комсомолу удавалось успешно совмещать функции молодежной организации партии и функции массовой организации молодежи. Свидетельство тому и Программа комсомола, принятая на IV съезде РКСМ, и собственно практическая деятельность Союза в начале 20-х годов.

Однако политика централизации государственной власти, в структуру которой был уже включен и комсомол, брала свое. В речи И. В. Сталина на совещании по вопросам работы среди молодежи при ЦК РКП(б), состоявшемся 3 апреля 1924 года, проблема отношений партии и комсомола разрешалась весьма прямолинейно:

«Что такое союз — резерв или инструмент? И то, и другое. Это ясно... Коммунистический союз молодежи — резерв, резерв из крестьян и рабочих, откуда черпаются партией пополнения. Но он вместе с тем и инструмент, инструмент в руках партии, подчиняющий своему влиянию массы молодежи. Можно было бы более конкретно сказать, что союз есть инструмент партии, подсобное орудие партии в том смысле, что активный состав комсомола есть инструмент партии для воздействия на молодежь, находящуюся вне союза».

Понимание комсомола как «инструмента» постепенно утверждалось и в рядах партии, и в рядах Союза молодежи. Он хотя и назывался еще какое-то время самоуправляющейся общественно-политической организацией, на деле же самостоятельность комсомола таяла. Союз становился одним из приводных ремней известной нам тоталитарной системы.

Не менее печальной страницей в истории ВЛКСМ стало и выступление в дни 10-летия ВЛКСМ Л. М. Кагановича, подчеркнувшего, что политическое и организационное руководство комсомолом со стороны партии разделять нельзя. Так была утрачена и видимость организационной самостоятельности «независимого» Союза молодежи.

Справедливости ради надо сказать, что формула «инструмент» партии применительно к комсомолу все же была смягчена, и в Программе ВЛКСМ, принятой на X съезде комсомола (1936 г.), мы встречаем термин «помощник». Характерна и еще одна деталь: И. В. Сталин, видимо, опасаясь все же возникновения возможной «молодежной» политической альтернативы, довольно настойчиво подчеркивал беспартийный, т. е. не политический характер комсомола. В результате родилась следующая формулировка, нашедшая свое место в Уставе ВЛКСМ, принятом на X съезде комсомола: «ВЛКСМ примыкает к ВКП(б), является ее резервом и помощником: под руководством большевистской партии ВЛКСМ воспитывает молодежь в духе коммунизма, сплачивает ее вокруг Советской власти. ВЛКСМ является массовой беспартийной организацией».

Превращение ВЛКСМ в молодежную организацию партии сопровождалось существенными изменениями и в комсомольском строительстве. Устав ВЛКСМ, принятый на VII съезде комсомола, вводил обязательный партстаж для секретарей областных, краевых, губернских, окружных и уездных комитетов. Так, для секретарей укома (райкома) ВЛКСМ устанавливался партийный стаж: из интеллигентов — 2 года, из рабочих и крестьян — 1 год. Таким образом, складывалась парадоксальная, но совершенно обычная сегодня ситуация: члены Союза молодежи не могли стать даже секретарями его районной организации, не будучи при этом членами партии.

В новый Устав ВЛКСМ, принятый на X съезде комсомола, были внесены изменения. Для того чтобы стать секретарем РК ВЛКСМ, независимо от социального положения, был необходим партстаж уже не меньше двух лет.

Вполне понятно, что с этих пор комсомол все более копировал партию практически во всем: в порядке приема и учета членов, в оргстроении, в формах и методах работы и даже в поведении руководящих кадров и актива. В духе времени «врагов народа» искали и комсомольцы, и среди комсомольцев. Достаточно вспомнить многодневные заседания пленума ЦК ВЛКСМ в августе 1937 года, на котором был обсужден вопрос «О работе врагов народа внутри комсомола». И не случайно то, что все первые руководители Союза молодежи, работавшие в нем до 1938 года, были репрессированы. Лишь А. Мильчаков вышел живым из лагерей ГУЛАГа, а Е. Цетлин, О. Рывкин, Л. Шацкин, Н. Чаплин, П. Смородин, А. Косарев погибли. Погибли и сотни других секретарей ЦК, крайкомов, обкомов и райкомов комсомола.

В итоге произошло то, что и должно было произойти: какая-никакая, но собственная Программа ВЛКСМ, принятая X съездом комсомола, через несколько лет была забыта. И хотя формально ее никто и никогда не отменял, о ней и не вспоминали. Пока, наконец, на XV съезде ВЛКСМ (1966 г.) в Уставе комсомола не было заявлено:

«Весь смысл своей деятельности комсомол видит в осуществлении великой Программы построения коммунистического общества, принятой на XXII съезде КПСС». Так комсомол лишился и своей Программы. Ее существование совершенно не вписывалось в понимание характера Союза молодежи. Зачем комсомолу Программа, если таковая есть у партии?!

Нельзя сказать, что комсомол в 50-х — начала 80-х годов был обойден вниманием. По инициативам ВЛКСМ (непременно в русле тех или иных партийных установок) принимались постановления ЦК КПСС, добрые слова и отеческая критика в адрес Союза произносились руководителями КПСС с трибун партийных и комсомольских съездов. Не менялась только суть понимания места и роли организации. Надо сказать, что и сами комсомольские кадры, готовясь твердо подниматься вверх по служебной лестнице, были настроены активно копировать партийные формы и методы работы. Комсомольский аппарат все более ориентировался на оценку «сверху», т. е. со стороны партийных органов, ведь для него будущая работа в аппарате партии стала естественным служебным ростом... И правда, колоссальный процент партийных и хозяйственных функционеров составляли и составляют ныне вошедшие в партийную номенклатуру работники комсомольского аппарата. О том, насколько надежным становился этот резерв, можно судить, лишь учитывая то, что множество функционеров перемещались на «партийный этаж», уже переняв далеко не самые лучшие традиции «руководящего звена».

Значение ВЛКСМ как собственно молодежной организации (вспомните, как говорилось об этом в первой Программе комсомола) давно отошло на второй план. Это, а свою очередь, не могло не вызывать у молодежи соответствующего отношения к почти принудительному Союзу.

ПРЕЖДЕ чем мы начнем анализировать современное состояние Союза молодежи, зададимся вопросом: имелись ли альтернативные пути развития комсомола? Могла ли по-иному сложиться его история, а следовательно, быть иным современный образ? Безусловно, да. Конечно, у него не было реальной возможности стать самостоятельной молодежной партией, к чему призывали некоторые лидеры комсомола. В тех конкретных условиях, надо прямо сказать, малозависящих от самого Союза молодежи, думается, у комсомола не было и иной альтернативы, чем еще больше сблизиться с партией и, по сути, стать ее молодежной организацией. Такой результат, как представляется, был, наверное, все же закономерен. Но вспомним: к 1920—1921 году комсомол фактически совместил две функции: массовой общественной молодежной организации и молодежной организации партии. На первых порах это соединение осуществлялось довольно успешно. Способствовала этому и гибкая политика партии, установление правильных взаимоотношений с Союзом молодежи. Не стоит сомневаться: комсомол мог развиваться и в этом направлении. И именно потому, что победила иная альтернатива, ВЛКСМ и пришел к сегодняшнему своему положению.

Александр СТРОКАНОВ,
кандидат исторических наук

«ЗОЛОТАЯ» СВАЛКА

Владивостоку нельзя не поразиться. В этом городе все — от моря. Он сам — продолжение моря. Бухта Золотой Рог с ее торговым и рыбным портами, морскими вокзалами принимает и провожает ежесуточно десятки судов. Тесно.

Грязно в бухте. Щепки, бочки, бутылки — чего только не плавает в этой бурой, покрытой слоем мазута воде. И после символических рейдов мусоросборщиков купаться здесь никому в голову не придет.

«Здесь не пляж! — говорили всегда.— Мы добываем рыбу, причем больше всех в стране!» Сегодня же становится известно, что эти действительно грандиозные объемы добычи и перевозок гробили, отравляли бухту,— до сих пор с ее акватории собирают тысячи тонн нефтепродуктов, на которых потом работают котельные.

Бухта сообщается с Амурским заливом. На его берегах — пляж, зона отдыха горожан, десятки курортов и пионерлагерей, оздоровительные комплексы. Залив сегодня тоже загажен до предела. 136 тысяч кубометров канализационных вод сбрасывается в него ежесуточно (четыре пятых из них — без очистки). Десятки заводов, совхозов губят уникальный залив с дельфинарием, недалеко от которого находится первый в стране морской заповедник. Даже речка Объяснения несет в себе нечистоты...

На встрече в Приморском Доме журналистов недавно отмечалось: за последние годы крайисполком принял десятки решений по вопросам рационального природопользования. Бюро крайкома КПСС не раз вынуждено было обращаться к вопросам охраны вод Амурского залива, но перемен, увы, нет.

Сергей АВДЕЕВ
Фото Валерия АРУТЮНОВА

1043

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

НОВГОРОД И БУХАРА: СИМВОЛЫ ВЕРЫ

Тимур ПУЛАТОВ, писатель

Признаться, я не думал, что мне, выросшему в лоне традиционной мусульманской культуры Бухары, придется воздавать должное славянской культуре в Новгороде — на земле, которая олицетворяет собой русский дух, величавый и терпеливый, русскую веру, остро осознавшую себя в год Крещения Руси, тысячу лет назад. Впрочем, в акте моего паломничества сюда нет ничего необычного. Я не знаю другой религии, которая была бы по своей сути интернациональна как ислам и чей символ веры был бы общечеловечен, ибо мусульманство, как религия объединения, в равной мере признает ахль-аль-китаб — «людьми Писания» и христиан, и иудеев, считает, что они, как и мусульмане, имеют общего для всех Создателя. В пантеоне пророков человечества ислам одинаково почитает и Моисея (Мусу) и Иисуса (Ису), утверждая, что не вера виновата, а люди, извратившие ее, и что Мухаммед призван вновь направить заблудших на путь истины, по которому прошел до него Иисус Христос. Это ощущение всечеловечности лежит в основе и нашей восточной культуры, замешенной на множестве культур, но мудро и ненавязчиво сотворившей свою самобытность, подобно великой культуре Руси.

Но вот один из многих парадоксов ислама: несущий вовне идею веротерпимости и объединения, он вечно раздираем внутри себя, как мы видели это на примере народов одной веры, еще недавно воевавших друг против друга,— Ирана и Ирака.

Перед лицом грядущего атомного апокалипсиса христианство кажется более стойким, ибо символ его веры — сострадание. Символ веры ислама — справедливость, и чтобы поколебать эту веру, надобно глумиться над законом и традицией предков и общественными институтами современности. Но Иисус сказал: «Блаженны жаждущие справедливости, ибо их желания исполнятся».

Сострадание — это чувство мудрости, окрашенное меланхолией. Это патриаршеское чувство. И если подсчитать возраст каждой веры — двадцать веков христианства и четырнадцать веков ислама, то мусульманство вполне можно уподобить человеку, достигшему среднего возраста, еще не потерявшему чувство справедливости и готовому биться за него не на жизнь, а на смерть. И разве по этому летосчислению возраст в одну тысячу лет — не юношеский возраст, исполненный благородных надежд и устремлений, мечтающий о бескорыстном служении долгу, отечеству и страждущему народу?

Однако время и обстоятельства так подступили в нашем веке к русскому христианству, равно как и к мусульманству, в таких адских жерновах перемалывали веру, что начисто лишили ее той юношеской устремленности, той чистоты и целомудренности и сделали ее лик угрюмым, как у младенца, который, не успев ощутить естественную протяженность детства и отрочества, сразу же сделался старым. Церковь, отделенная от государства, подверглась такому ужасающему гонению сталинского государства, как от разбойника, вторгшегося в чужие владения.

Ислам в этом смысле оказался более жизнестоек, ибо по сути своей является государственной религией. Пронизывая все общественные связи, все юридические нормы и правила, строго регламентируя каждый шаг, каждый поступок индивидуума, начиная с его рождения и до последнего вздоха, ислам выявляет еще один парадокс: стесняя человека, он вместе с тем создает ему чувство защищенности. Он внушает человеку ощущение слитости, единения с обществом и государством. В исламе нет такого понятия, как отчуждение. Чтобы уничтожить ислам, надобно уничтожить и государственное, и общественное устройство, рожденное им.

Можно отделить любую другую церковь от государства, но только не ислам, ибо в нем нет церкви в том понимании, в каком она существует в христианстве. Это обстоятельство, по-видимому, не было учтено теми, кто приказал отправить наших солдат в исламскую страну Афганистан.

Культуру, созданную на основе ислама, можно назвать «государственной культурой», но отнюдь не официальной, не создаваемой по указке власти худосочной культурой, которая держится на полуправде, номенклатурной мифологии, на намеках и кивках. Культура ислама, хотя и имеет черты монументальности, эпичности, глубоко замешена на народной мифологической культуре и в мире, требующем многомерного взгляда, может служить хорошим дополнением к культуре славянской, христианской, где сострадание к «падшим и заблудшим» — высшее нравственное кредо, нашедшее свое воплощение в творчестве Достоевского.

Известно, что тема Суда — суда божьего и человеческого, суда нравственного и суда поведенческого — одна из главных у Достоевского. В этом смысле его можно назвать не только христианским, но и «исламским» писателем. Он помогает приблизиться к разгадке трагического противоречия, заложенного в исламской этике, где, с одной стороны, говорится о «предопределенности» человеческой судьбы, которую Аллах для каждого начертил заранее, а с другой — толкуется о том, что человек после смерти должен будет держать ответ за поступки, которые он совершил не по своей воле. Возникает мучительный вопрос: можно ли вершить человеческий суд на этом свете, прежде чем свершится божеский «на том свете»? И, устраивая суд над человеком, не судим ли мы тем самым божеские деяния?

В христианстве этот труднейший вопрос бытия разрешается идеей боговдохновенности человека, тем, что грехи верующего уже заранее откупил своим мученичеством Сын Божий.

От боговдохновленного до человека-бога один шаг. Но этот шаг — роковой.

Не от человека-бога ли, преступившего черту, исходит самая большая ересь нашего века? И не его ли тяжелую поступь услышали почти одновременно еще столетия назад отец Сергий Радонежский и Бахаад-дин Накшбанди — мусульманский вероучитель из Бухары,— призвавшие к смирению и надежде?

200 лет

Контрреволюционный переворот в ночь с 9-е на 10-е термидора II года Французской республики. Гравюра.

Натан ЭЙДЕЛЬМАН

СТРАХ

1792 год. Союзные армии вступают во Францию; практически прерываются все отношения Петербурга с Парижем: возвращаются русские путешественники; приняты чрезвычайные меры...

Пришел сильнейший из врагов. Страх! Он усиливался с каждым днем. Царица велела дать ей карту Франции с тем, чтобы видеть, как продвигаются в глубь страны армии союзных монархов. Она сначала считала, что «достаточно захватить во Франции две или три халупы, чтобы все остальное рухнуло бы само собой».

Сохранилось несколько писем 1792 года, где русские аристократы обменивались мнениями насчет исхода начавшейся войны. Вот лишь некоторые строки:

«Одно воззрение на прусские и цесарские штыки заставит трепетать парижских сумасбродов».

«Французы будут побиты, ибо армия их без всякой дисциплины, не имеет офицеров и ничего нужного к ведению войны». «Каждый день ждем сообщений первейшей важности, когда союзные войска будут наконец в Париже».

Впрочем, чтобы не было «лишних толков», газетам приказано как можно меньше писать о ходе событий: «сокращенно сообщать о смутах, во Франции ныне царствующих, и не упускать прибавлять известия или примечания, насколько их колобродство им самим вредно».

В Петербурге, Москве и провинции в результате таких распоряжений стали распространяться самые невероятные слухи — от немедленного вступления немцев в Париж до полного их разгрома...

Последнее оказалось более достоверным. К величайшему удивлению и потрясению знатоков, осенью 1792 года союзные армии разгромлены под Вальми и Жемаппом; санкюлоты вступают на территорию Бельгии и Германии!

Нам сейчас нелегко понять, какое невероятное впечатление произвели эти известия: ведь обученная армия, сначала рыцарская, потом наемная, всегда была во много раз сильнее неорганизованной толпы; этот факт как будто

Окончание. Начало см. № 7.

Арест командира Национальной гвардии Тюильри Лашне представителями восставших санкюлотов в ходе революции 10 августа 1792 года.

подтвержден множеством примеров, опытом всех династий. И вдруг... **«Кто бы мог подумать или предвидеть,— писал один из князей Голицыных,— чтобы славный и искусный в Европе полководец (герцог Брауншвейгский), предводительствующий храбрыми и в дисциплине испытанными многочисленными войсками, принужден был отступать перед войсками, составленными из бродяг и сволочей, без повиновения командующим неизвестным генералам?»**

То, что заметил великий Гете после битвы при Вальми — «Здесь начинается новая глава мировой истории»,— Екатерина II и другие противники революции скорее почувствовали, чем поняли.

Были даже попытки объяснить неожиданный поворот событий вмешательством «высших сил»; императрица, пытаясь уразуметь, в чем тут секрет, однажды призвала дворцовых музыкантов и велела им сыграть марш Рейнской армии, «Марсельезу», ноты которой были только что получены из Парижа. Когда оробевшие музыканты и певцы грянули: «Вперед, сыны отчизны милой»,— царица сначала слушала, потом ей стало не по себе, и она быстро вышла.

Было хорошо известно, что Екатерина вообще не очень чувствительна к музыке; во всяком случае, ни одно сочинение, исполнявшееся во дворце в течение многих десятилетий, такого впечатления не произвело.

В эту же пору юный кадет, будущий декабрист Федор Глинка, услышав прославленный мотив и слова, отнюдь не задрожал — перевел на русский то, чего особенно страшились во дворце.

Страх...

Кроме грозного марша Рейнской армии, устрашали неслыханные формулы, гремящие лозунги, быстро перелетавшие через Европу до самых отдаленных краев; слова тем более впечатляющие, что французский язык ведь по существу родной для правящей России, — ей не нужно дожидаться перевода, чтобы вздрогнуть и оторопеть. И вот многократным эхом разносится:

«мир хижинам, война дворцам»;
«аристократов на фонарь»;
«гражданин! что сделал ты для того, чтобы быть расстрелянным в случае прихода неприятели?»

В эту пору некоторые здравомыслящие русские дворяне начинают учиться ткацкому, сапожному или (как офицер, будущий знаменитый генерал Раевский) переплетному делу, чтобы не пропасть от голода, когда придут якобинцы; в том, что они придут, сомнений почти не было... Где было предвидеть даже умнейшим аристократам, что якобинцы действительно явятся, но... из их собственной среды; что через треть века дочь генерала Раевского добровольно поедет в Сибирь, чтобы разделить заключение своего мужа Сергея Волконского, князя, генерала, добровольно превратившегося в «русского якобинца». Но это потом — много позже... А пока что —

Страх...

Боялись реальных вещей и призраков. 1 марта 1792 года скоропостижно умирает австрийский император Леопольд II; две недели спустя на балу в Стокгольме дворцовый заговорщик убивает шведского короля Густава III. Позднейшие историки решительно не находят в двух этих эпизодах «французской интриги»; однако в Петербурге тут же распространился слух, будто якобинцы рассылают специальных людей для истребления всех европейских монархов. Сразу нашлись «осведомленные люди», утверждавшие, что на очереди стоит Екатерина II и что мэр революционного Парижа Петион держал пари: к 1 июня императрицы уже не будет в живых. Дальше — больше: царица, вообще женщина нетрусливая, пишет, что «боится сойти с ума от этих событий, которые потрясают нервы». Из Берлина даже пришло секретное сообщение, называвшее имя предполагаемого убийцы — «француз Бассевиль».

По этому поводу Екатерина пишет распоряжение начальнику петербургской полиции: «Если найдете Бассевиля, то если сыщутся при нем склянки или порошки оные, стараться как бы нечаянно не разбить и не рассыпать... И особенно, чтобы никто не открывал, ибо может быть вредно». Повсюду обыскивали французов, удвоили наблюдение за французским посольством и вскоре окончательно выставят из России поверенного в делах Женэ.

Великий страх нарастает, и мы, конечно, точно знаем главные календарные даты этого нарастания...

10 АВГУСТА, 22 СЕНТЯБРЯ...

Свержение монархии, провозглашение республики...

Екатерина — Храповицкому: «Нечто вроде Карла I (в Англии)... Это чудовищно!»

Сегодня, разглядывая карту Европы и мира, мы находим лишь остатки монархических режимов. Кажется, только в Саудовской Аравии можно говорить о строе, близком к абсолютизму. Рассказывают, будто свергнутый в 1952 году египетский король Фарук горько пошутил: «Скоро в мире останется только пять королей: четыре карточных и также никому не мешающий король английский». Действительно, за несколько поколений короли, императоры, султаны почти совершенно выбыли из игры; меж тем еще в 1870 году, то есть сто с лишним лет назад, единственной европейской республикой была Швейцария. Из крупных же государств мира — только Соединенные Штаты, которые, впрочем, не в счет, ибо образовались, так сказать, на чистом месте.

Для жителей XVIII века «республика» было понятие, знакомое преимущественно из учебников древней истории: республика Афинская, Римская, впрочем, в конце концов не устоявшие перед монархическим напором.

И вот рушатся тысячелетние понятия, возвращаются древние времена. Это ощущение неслыханной новизны, очевидно, и привело к тому, что с помощью гражданина Ромма даже старая эра отменяется и первая Французская республика выходит на историческую сцену «1 вандемьера 1 года» (любопытно, что ни до, ни после самые могучие революции все же не отменяли привычного летосчисления!).

А затем — республиканский Конвент, суд над Людовиком XVI; 21 января 1793 года монарх обезглавлен. Через три недели, 9 февраля (29 января), известие достигает России.

В тот же день русскому двору предписан шестинедельный траур; издан специальный указ о высылке французов из России, «исключая тех, которые под присягою отрекутся от революционных правил». Парижу посланы проклятия в самых сильных выражениях; газеты не сообщали почти ничего, и лишь в одном русском журнале на тридцати страницах были подробно описаны суд над Людовиком и казнь.

Казнь Людовика — некий рубеж: до того, как уже говорилось, очень многие просвещенные русские, даже весьма знатного происхождения, видели немало хороших сторон во французских событиях; любопытство было в немалой степени замешено на симпатии. Теперь же общество вздрогнуло; не все, конечно, но многие...

Слово «якобинец» именно с этих дней займет свое место в русском языке. Из разных городов идут доносы, например, на одного зрителя, который аплодировал в театре тираде «без равенства нет дружбы»: «Только якобинец,— жаловался доносчик,— может приветствовать столь дерзкие слова»; когда один помещик пожалел своих крестьян и не взял с них принесенных денег, тут же прослыл якобинцем. Гаврила Романович Державин — не только знаменитый поэт, но и крупный чиновник, занимавший министерские должности,— еще прежде этих событий блестяще переложил стихами 81-й псалом — о царях, кото-

рые падут так же, как «последние рабы». Теперь же его вызывают на допрос — «для чего и с какими намерениями пишет он такие стихи?».

Державина спасло лишь заступничество фаворита императрицы Платона Зубова.

1793 год. Там и сям начинается сожжение французских книг и одновременно выходят брошюры, о содержании и стиле которых можно судить уже по одним их заглавиям. В Москве — книжонка под названием «Ах, как вы глупы, господа французы!»; некий генерал Волков сочиняет целую поэму «Дух гражданина и верного подданного, в стихотворчестве никогда не упражнявшегося, на старости злодеяниями французских бунтовщиков возмущенный». В 1793 году в Петербурге вышла книга «Дифирамб, изображение ужасных деяний французской необузданности, или Плачевная кончина царственного мученика Людовика XVI».

Паника доходит до того, что власти и вельможи уже порою не различают, кто враг и кто друг. Так, схвачен и упрятан в тюрьму купеческий сын Попов, который распространял письма в том духе, что во Франции события ужасные, кровавые и не дай бог России узнать что-либо подобное; однако необходимо торопиться, «не терять времени, пока писатели-иностранцы не догадались сделать наших воинов, их отцов и братьев фуриями»: Попов больше всего боится крестьянского восстания, когда мужики узнают, что нигде людей не продают так, как в России; он предостерегает, уговаривает пойти на уступки, ослабить или отменить крепостное право, тем самым «погасив малую искру, пока не возгорелось великое пламя».

Впрочем, дух ломки, революции вообще сродни России; разве сокрушительную перестройку старого мира, учиненную в начале XVIII века русским царем Петром, Герцен позже не сравнит с деятельностью французского Конвента?

Вот какие страсти закипали в разных местах огромной страны; одно из самых горячих мест — дворец.

ПРОСВЕТИТЕЛИ ПРОТИВ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Несколько десятилетий, пусть непоследовательно и лукаво, императорская власть России делала ставку на просвещение. Монтескье, Вольтер, Дидро, Руссо — многолетние «союзники» Екатерины II. Задача простая и ясная: просветить страну без «дурных последствий» этого самого просвещения.

Еще в первые месяцы французской революции царица умно одергивает нелюбимого сына и наследника Павла: тот, узнав о трудном положении, в которое попал Людовик XVI, говорит, что он на месте французского короля разметал бы чернь пушками; мать резко возражает сыну, что «только чудовище может так думать», ибо пушками ничего нельзя исправить.

Вполне разумный, просвещенный взгляд. До поры до времени...

И — страх, уже проявившийся в осуждении Радищева и других мерах против «пагубной заразы».

На старости лет царица в определенном смысле начинает войну против... самой себя! То, что разрешалось, поощрялось, одобрялось в течение десятилетий, теперь заподозрено и осуждено; решается вопрос — какая из двух цариц сильнее: молодая или нынешняя? Кто кого одолеет — прежние книги, журналы, переводы, переписка с философами или страх перед якобинцами?

Николай Иванович Новиков не был революционером наподобие Радищева и вовсе не мечтал о коренном перевороте и свержении существующего строя; однако он незыблемо верил в пользу просвещения и к тому же был привержен, с годами все более, масонским, религиозно-мистическим взглядам; не сомневался, что просвещать ближних требует религиозный, нравственный долг. Сначала он издавал несколько журналов, где остро, талантливо потешался над невеждами, жестокими и отсталыми помещиками, над поверхностными подражателями французской моде. Может быть, именно оттого, что он не имел «задней мысли» — опрокинуть трон Екатерины II,— Новиков был особенно смел, выискивая и высмеивая противников повсюду. Однажды он обрушился на журнал «Всякая всячина»: это было довольно опасно хотя бы потому, что все знали о личном участии императрицы в подготовке материалов этого издания.

Но пришли 1790-е годы. К этому времени Николай Новиков уже успел внести огромный вклад в культуру: одна треть всех русских книг, изданных в царствование Екатерины II, была выпущена в свет именно его типографией и издательством: переводные романы, стихи, огромное число документов по отечественной истории, книги по науке, путешествия...

И вот наступает злой час для Новикова. Вполне возможно, что Екатерина вспомнила старые обиды; с другой стороны, ее пугали тайные масонские связи просветителя, по тогдашним настроениям — «у страха глаза велики» — очень легко было приравнять их к якобинским. Несколько раз царица намекала московскому генерал-губернатору Прозоровскому о необходимости заняться Новиковым; губернатор отвечал, что готов исполнить любой приказ, императрица же сердилась и сетовала на нерадивых подданных, которые «без приказу ничего сделать не могут»: все еще хотелось сохранить старинную просвещенную репутацию и ликвидировать знаменитого издателя как бы чужими руками.

Однако ровно через четыре дня после того, как в Петербурге панически начали искать мифического отравителя Бассевиля, Екатерина II все же решилась и подписала приказ об аресте Новикова и его друзей. Он обвинялся в «тайных сборищах» и изданиях «непозволительных книг». Доказательств, строго говоря, не было никаких, потому что Новиков ничего не скрывал; и все тот же Прозоровский, арестовав просветителя, вскоре пожаловался: «Один с Новиковым не слажу; человек он натуры острой, догадливый, характера смелого и дерзкого». Тогда арестованного перевели в Петербург и с пристрастием допрашивали еще несколько месяцев. За издание тех книг, которые сама Екатерина спокойно читала несколько лет назад, за «тайные собрания», которые никто не запрещал, а на самом деле только потому, что в Париже революция и Петербург трепещет,— за все это Николая Новикова, снова повторим, отнюдь не революционера, а честного просветителя (кстати, не нажившего никаких капиталов в результате своей бескорыстной деятельности), приговаривают к заточению в крепости на 15 лет.

Одновременно разыгрывалась другая шумная история.

Популярный драматург Яков Княжнин еще в 1789 году, накануне Французской революции, написал трагедию «Вадим Новгородский». Действие ее происходит в середине IX века в древнем Новгороде. Город не хочет терять своей вольности, и князю Рюрику пытается дать отпор пламенный республиканец Вадим. В конце концов благородный, просвещенный монарх Рюрик берет верх и уничтожает Вадима; но прежде чем погибнуть, Вадим и его сторонники произносят (согласно желанию Княжнина) несколько острых монологов против деспотизма и самовластия; вопрошают — «какой герой в венце с пути не совратится? Кто не был из царей в порфире развращен?»

По понятиям прежнего, сравнительно мягкого екатерининского правления в пьесе не было ничего особенно крамольного: побеждает все же просвещенный монарх (такой, как Екатерина II), а республиканец, хоть и благороден, но повержен. Случалось, в прежние годы полиция несколько раз спрашивала царицу, не запретить ли то или иное издание, где обличается деспотизм; царица, тогда общавшаяся с Дидро и Вольтером, отвечала, что не принимает подобных упреков на свой счет, ибо деспотом не является («вы называете меня матерью отечества!»), а раз так — никакие запреты не нужны.

Именно подобными соображениями, вероятно, руководствовался Княжнин, когда представил свою пьесу в печать. Сам драматург не дожил до ее публикации — умер в начале 1791 года; но рукопись была напечатана в 1793-м с разрешения княгини Дашковой, которая за это получила строгий выговор от царицы и покинула Петербург; пьесу же Княжнина торжественно сожгли на площади у Александро-Невской лавры.

Выходило, что царица и двор сражались не только с революцией, но и с просвещением: ни Дашкова, ни Новиков к якобинцам не близки.

Тут-то наступил час «призвать к ответу» и прежних великих французских друзей, корреспондентов, собеседников Екатерины.

Для начала царица приказывает вынести из своего кабинета бюст Вольтера. Начинаются длительные приключения замечательной работы Гудона, которую почти каждый очередной царь велит запрятать так, чтобы «не попадался на пути»; и как назло, странствуя по своему дворцу, цари регулярно натыкаются на зловеще улыбающееся знаменитое лицо.

«Великая армия» бывшего принца Конде. Карикатура.

Жозеф де Местр, непримиримый враг революции, также встретившись вдруг с ненавистным Вольтером в Эрмитажной библиотеке, записал примерно то, что, наверное, хотели бы выразить Екатерина и ее потомки: «Париж увенчал Вольтера, Содом изгнал бы его. Колеблясь между восторгом и отвращением, я хотел бы воздвигнуть ему статую — рукою палача! Не говорите мне об этом человеке. Я не выношу его!»

Как быстро и легко — куда легче, чем во Франции,— печатался Вольтер по-русски в 1770—1780-х годах; и вот опытный редактор и переводчик Рахманинов начинает готовить полное собрание сочинений великого насмешника в своих переводах. Первые три тома напечатаны еще в 1791 году, в 1793-м дошла очередь до тома четвертого. Вольтер в 1793-м! Тут же, конечно, следует строжайший запрет: типография опечатана, Рахманинов забран в полицию. 5205 экземпляров изъято, раздаются восклицания, зафиксированные одним современником, что «Омары, Нероны, Аттилы и все злодеи вместе не могли произвести столько зла, сколько произвел один Вольтер».

Прах Вольтера пока еще в парижском Пантеоне, но через два десятилетия начнутся его странствия с кладбища на кладбище; в России же изгнание уже началось. Впрочем, так легко с Вольтером не справиться: это лишь начало его удивительных посмертных российских приключений.

К счастию, библиотеку Вольтера, некогда с таким трудом доставленную к Неве, цари не тронули; только велели крепче запирать и никого не пускать... Дидро не удостоился и такой милости. Его огромное собрание, некогда столь эффектно приобретенное, царица мстительно рассеяла посреди десятков тысяч эрмитажных книг...

Старые споры просвещенной царицы с умнейшими людьми XVIII столетия продолжаются.

Целый приключенческий роман можно было бы написать о необыкновенной судьбе не только печатных, но и рукописных страничек, которые Дидро специально для царицы навсегда оставил в Петербурге...

Точно известно, что философ преподнес царице небольшую тетрадь, переплетенную в красный сафьян, подшитый снизу голубым сатином с позолотой по краям. По обычаю XVIII века тетрадь запиралась в специальный сафьяновый ящичек; на первом листке было заглавие: «Заметки философские, исторические и др. 1773 год».

Екатерина II эту тетрадь запрятала глубоко, никому не показывала, не сообщила даже самым доверенным корреспондентам; после же начала революции секретный документ сделался, естественно, «сверхсекретным».

А позже он, можно сказать, чудом спасся от уничтожения: Екатерина II легко могла так же распорядиться о тетрадке, как и о книгах Дидро.

Кто-то попросту выкрал тетрадь из потаенных бумаг Екатерины — и на несколько десятилетий она исчезает в доме неведомого спасителя...

Исчезает, но существует: примерно в середине XIX столетия А. С. Норов, известный коллекционер, некоторое время являвшийся министром просвещения, добывает рукопись Дидро для собственного собрания. Потом, однако, долг царедворца взял верх над собирательской страстью — и тетрадь возвращена правнуку Екатерины, царю Александру II. Возвращена и снова упрятана, так как за прошедшие десятилетия ее смелый, откровенный, разрушительный смысл нисколько не потускнел. О том, где находится рукопись, знали очень немногие и точнее всех царский библиотекарь Александр Гримм.

Наступил 1881 год. Александр II убит революционерами-террористами, на престоле его сын Александр III. И в этом-то году, разумеется, без всякого высочайшего разрешения, сильно рискуя, но еще сильнее опасаясь, что рукопись снова канет в Лету, Гримм «шепнул» о ней французскому исследователю Морису Турне; более того, француз сумел снять копию.

Пока был жив Гримм, опубликовать в Париже новообретенный текст было бы предательством; но вот проходит еще 18 лет, XIX век на исходе, ни Александра III, ни Гримма уже нет на свете, и тогда-то Турне решился и впервые напечатал интереснейшие заметки Дидро.

О том, сколь это было важно и своевременно, можно судить по двум весьма впечатляющим фактам.

Во-первых, когда русские историки попытались в начале XX столетия сообщить своим читателям хотя бы перевод того, что было напечатано Турне, то оказалось, что около двух третей текста для русской публики еще опасны и «непроходимы»: вот на сколько лет вперед Дидро нажил врагов...

Второй же факт,— что с тех пор никто больше не видел подлинную рукопись в сафьяновом переплете: она опять исчезла и до сих пор не найдена...

В поисках неизвестных книг и рукописей Дидро лишь советским исследователям во главе с В. С. Люблинским и американскому ученому А. Вильсону, специально прибывшему в Ленинград для розысков, удалось извлечь из книжной пучины несколько старинных книжек с интересными карандашными пометами Дидро.

Трудно жилось Дидро и при жизни, и после смерти. Но и недоброжелателям досталось...

Вспомним его предсказание, сделанное царице за 20 лет до того: **«Если, читан только что написанные мною строки, она обратится к своей совести, если сердце ее затрепещет от радости, значит, она не пожелает больше править рабами. Если же она содрогнется, если кровь отхлынет от лица ее и она побледнеет, признаем же, что она почитает себя лучшей, чем она есть на самом деле».**

Царица отреклась от того, чьей дружбой столь дорожила, с кем вела долгие беседы двадцатью годами прежде.

КТО ВИНОВАТ?

В 1790-х годах для тонкого мыслящего слоя российских людей (грамотных в стране не более 3%) уже существовали оба главных российских вопроса: Кто виноват? Что делать?

Радищев отвечал по-своему, Новиков по-своему.

«Кто виноват во Французской революции?» Этот вопрос позже будут задавать иначе, без употребления слова «виноват»: «В чем причина, кто разжег Французскую революцию?» Но это позже.

Теперь же очень серьезно задумались многие, преимущественно молодые люди, которые еще два-три года назад видели в 14 июля весну, благоуханное обновление истории — прекрасное и почти бескровное...

Преследования, запреты, ссылки, сожжение книг были совсем не так страшны, как собственное глубочайшее сомнение.

Если бы они, русские люди 1790-х годов, твердо верили в якобинскую истину, их не поколебали бы ни преследования, ни ужасы. Однако не было твердой уверенности. Слишком силен и ужасен французский гром; газеты не очень-то балуют читателя подробностями, но по западноевропейской печати, по рассказам надежных очевидцев являлась картина, которую и вообразить не могли несколько лет назад поклонники Руссо, радовавшиеся крушению Бастилии.

Собор Парижской богоматери — теперь «храм разума». Париж — торжественно сжигает «дерево феодализма». «Лион боролся против свободы — нет больше Лиона!»

«Что сделал ты для того, чтобы быть расстрелянным в случае прихода неприятеля?»

Пройдет много десятилетий, пока дети и внуки не поймут, не скажут, что именно во время якобинской диктатуры, в безжалостной мясорубке гильотины было довершено то огромное, чем вошла в историю Французская революция: уничтожен, добит старый мир!

Но что же нам, знающим, что через реки крови Франция и вся Европа поднялись на новую, прогрессивную ступень развития, нам сегодня посмеяться, что ли, над теми наивными людьми, кто в 1793—1794-м никак не мог взглянуть столь далеко, не мог смириться с тысячами невинно казненных только оттого, что таков закон прогресса; не мог не задуматься о страшной цене нового и даже отказывался от такой платы?

Нет, все много сложнее; и, надо думать, если бы не нашлось мыслящих людей, которые в ту пору и позже соразмеряли цели и средства, даже говорили много глупостей и вздыхали, глядя, как шествует колесница истории, если бы не нашлось таких людей, то на первый взгляд прогрессу было бы легче пробиться; но более глубокие размышления откроют нам, что человечество, не думающее о средствах, о нравственных вопросах, немногого бы стоило.

Оно не смогло бы в конце концов воспринять тот самый прогресс...

Осенью и зимой 1792—1793 года современники отмечали невиданное число самоубийств среди русской дворянской молодежи: повесился молодой писатель Сушков, застрелились два брата, молодые офицеры Вырубовы, зарезался гвардейский офицер Протасов. Молодой ярославский помещик Опочинин в январе 1793-го роздал хлеб своим крестьянам, поручил наследникам сжечь «любезные книги французские» и покончил с собою. Эти люди увлеклись вихрем революции, затем отшатнулись, но назад, к прежнему бездумному дворянскому житью вернуться уже не могли. И тогда жизнь стала столь немила, что от нее поспешили избавиться.

В ту же пору начинает приближаться к подобному кризису и первый революционер Радищев, давно уж отбывающий ссылку в Восточной Сибири. Там, среди лесов и снегов, он, казалось бы, ведет спокойную жизнь философа в духе Руссо: путешествует по округе, лечит крестьян. Но, хоть и с опозданием почти на полгода, он все же регулярно получает от друзей разные печатные и письменные сведения о том, что происходит в столице мира — Париже.

Мы уже говорили, что уверенность Радищева в необходимости русской революции основывалась, между прочим, на первых его наблюдениях за французской: взятие Бастилии и последующие события вдохновляли. Мало крови — много результатов!

1793-й был еще неразличим в ту пору, когда Радищева везли за восемь тысяч верст на Восток. Вот гром грянул — и вздрогнул сам Радищев. Он набрасывает стихи, разоблачающие кровавого древнеримского диктатора Суллу, и сравнивает его с «тираном новым» Робеспьером.

В глухом сибирском остроге, более далеком тогда от Парижа, чем ныне труднодоступные районы Антарктиды, в этом краю Радищев больно уязвлен французскими событиями: он так верил в революцию, но не может принять ее с таким кровопролитием...

Радищеву тяжко в тюрьме — другим душно на воле.

Совсем недавно веселый, полный впечатлений «русский путешественник» Николай Карамзин наблюдал революционный Париж 1790 года; многого не понял, не принял, но уехал с надеждою, что просвещение возьмет верх без большой крови. Уехал воодушевленный пламенными речами народных депутатов и симпатизируя вдохновенному и бескорыстному идеалисту Максимилиану Робеспьеру...

А затем террор 1793-го: «национальная бритва» работает не переставая; заграничные газеты сообщают подробности, как террор поглощает и тех, кто его провозгласил; приводят последние слова Робеспьера в Конвенте: «Республика погибла, разбойники победили».

Мы вчитываемся в старинные письма, которые 27-летний, но уже довольно известный писатель Карамзин посылает летом 1793 года своему родственнику и другу, тоже писателю Ивану Ивановичу Дмитриеву: **«Поверишь ли, что ужасные происшествия Европы волнуют всю душу мою? Бегу в густую мрачность лесов,— но мысль о разрушаемых городах и погибели людей везде теснит мое сердце. Назови менн Дон-Кишотом; но сей славный рыцарь не мог любить Дульцинею свою так страстно, как н люблю — человечество».**

Для Карамзина, и, конечно, не для него одного, важнейший, главнейший вопрос — тот самый, который в ту пору записал один из современников: **«Вольтер, Руссо, Рейналь, Дидро... Вразумите меня постигнуть, как могли сии, столь знаменитые разумом люди, возбуждая народы к своевольству, не предвидеть пагубные следствия для народа? Как могли они не предузнать, что человек может быть премудр, но человеки буйны суть?»**

Иначе говоря, кто виноват в терроре, гильотине: неужели Вольтер, Руссо, Дидро? И если так, то стоит ли верить просвещению? А если не так, то как же иначе?

Нам сегодня, в конце двадцатого века, задающего свои «проклятые вопросы», как не понять подобных людей, которые мечтали, разочаровывались, не знали, как жить, но понимали, что жить надо — в самом конце XVIII столетия?

ТЕРМИДОР

16 (27) июля 1794 года, воскресенье: Камер-фурьер Андрей Волкодав записал в официальный Дневник главных придворных происшествий, камер-фурьерский журнал, сведения о том, чем занимались в этот день обитатели Царскосельского дворца (на лето покинувшие Петербург).

Изысканным, почти живописным слогом сообщается, что «ее императорское величество изволили иметь обеденное кушание на колоннаде на 23-х кувертах, во время стола... играла духовая музыка».

В Париже пламя и гильотина; в Царском Селе после обеда — «прогулка мимо киоска, где играла инструментальная музыка с хором певчих, за киоском — духовая музыка, а на бугорку у пруда — роговая».

Следующий день, понедельник 17 (28) июля, был рабочим; с утра царица собирала Совет. К завтраку же приглашен 71-летний адмирал Петр Пущин — тот самый, который 17 лет спустя определит в Царскосельский лицей своего внука Ивана Ивановича...

Вечером царица с внуками смотрела «Русскую комедию с малым балетом».

Июль 1794-го... 40-летний наследник Павел Петрович давно замкнулся в своей Гатчине. Его отец загублен, мать узурпировала власть: принц Гамлет! Австрийский император щедро наградил директора своего театра, догадавшегося, что не следует Павлу смотреть эту шекспировскую трагедию — «ибо тогда в зале будут два Гамлета!».

27-летний фаворит Платон Александрович Зубов находится в такой силе, что генерал-губернаторы только после третьего его приказания садятся на кончик стула, а сенаторы смеются, когда с них срывает парик любимая обезьянка фаворита.

«Санкт-Петербургские ведомости» извещают о продаже у Кистермана в Ново-Исаакиевской улице «портрета его светлости князя Платона Александровича Зубова», но никаких сообщений о продаже прежнего товара — портретов Потемкина, Орлова...

220 солдат и 78 пушек охраняют в Шлиссельбургской крепости двух фальшивомонетчиков, одного дезертира и богохульника, одного буяна (у которого от частых земных поклонов на лбу знак «в меру крупного яйца»), одного поручика, «за продажу чужих людей, сочинение печатей и пашпортов заключенного до окончания шведской войны» (война четыре года как окончилась, про него забыли), а также вольнодумца Федора Кречетова. В сырой камере без права гулять и брить бороду помещаются Николай Новиков и добровольно разделяющий с ним заключение доктор Багрянский...

Заключенный Илимского острога Александр Радищев вскоре запишет: **«Если бы в то времн, когда Ньютон полагал основание своих бессмертных изобретений, препят был в своем образовании и переселен иа острова Южного Океана, возмог ли бы он быть то, что был? Конечно, нет. Ты скажешь, он лучшую бы изобрел ладию... и в Новой Зеландии он был бы Ньютон. Пройди сферу мыслей Ньютона сего острова и сравни их с поннвшим и начертавшим путь телам небесным... И вещай!»**

27 и 28 (16 и 17) июля 1794 года — это 9-е и 10-е термидора II года Французской республики: конец революции.

В этот день в Париже «болото» берет верх над революционной «горой»: Робеспьер и Сен-Жюст идут на гильотину...

Революция на убыль, но все же не прекращается, никогда не возвратится к предыстории 1789 года.

9-е термидора. По мнению очень многих русских, в Париже вообще почти ничего не изменилось: нет короля, дворянская и церковная земля поделена между крестьянами, революционная республика...

Но все же якобинцы позади. Впереди маячат призраки директории, консульства, империи. Мир становится другим, но необходимо время, чтобы в этом разобраться...

ПРИЗРАК ТЕРМИДОРА

Тамара КОНДРАТЬЕВА (Франция)

Вопрос о том, можно ли проводить исторические аналогии, сложен и до сих пор определенно не решен. Особенно когда речь идет о сравнении буржуазной и социалистической революций, совершавшихся в разные эпохи. Но ассоциации возникают и в политическом, и в экономическом плане. Об этом размышляет историк Тамара Кондратьева, автор книги «Большевики и якобинцы. Путь аналогии», вышедшей в этом году в Париже. Статья «Призрак Термидора» подготовлена специально для нашего журнала. Она достаточно гипотетична, многие утверждения автора спорны. Не претендуя на то, чтобы расставить все акценты, исследование Тамары Кондратьевой приглашает к раздумьям о судьбах двух великих революций.

Символическое изображение отмены дворянских титулов и привилегий. Гравюра.

ДОКУМЕНТЫ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Из декрете Национального Конвента от 10 марта 1793 г. об учреждении революционного Трибунала

1. В Парижв учреждается Чрвзвычайный Уголовный Трибунвл, который будет ведать контрреволюционными делами, всеми преступлениями против свободы, раввнства, единства и нвраздельности Республики, внвшней и внутренней безопасности государствв; всвми заговорами, имеющими целью восстановление королевской власти или жв установленив всякой другой власти; покушающимися на свободу, равенство и суверенитет народа, безотносительно к тому, будут ли обвиняемыв гражданскив или военныв чиновники или жв простые граждане.

Из декрета Национального Конвента от 5 сентября 1793 г. о создании революционной армии

В Париже будет создана армия... предназначенная для подавления контрреволюционеров, для приведения в исполнвние всюду, где это понадобится, революционных законов и мер обществвнного спасения, двкретированных Национальным Конвентом, и для помощи в деле снабжения продовольствием...

Из декрета Национального Конвента о подозрительных от 17 сентября 1793 г.

1. Немедленно по опубликовании настоящего декрвта всв подозритвльныв люди, находящиеся на твррритории Республики и пользующиеся еще свободой, должны быть арестованы.

2. Объявляются подозрительными те, кто своим поведением или связями, речами или сочинениями проявили себя как сторонники тирании, феодализма и враги свободы... тв, которым отказано в выдаче свидетельства в благонадежности...

Из декрета Национального Конвента от 3 марта 1794 г. о способах помощи неимущим за счет имуществе врагов революции

1. Всв коммуны Республики составляют список проживающих в них неимущих патриотов с указанивм их имени, возраста, профессии, количества и возраста детей. Директории дистрикта (управлвние областей.— Ред.) в кратчайший срок направляют зти списки в Комитет общвственного спасения.

2. По получении зтих списков Комитет общественного спасения делает доклад о способвх улучшить положение всех нвимущих за счет имущих врагов революции, указанных в списке, составленном и опубликованном Комитетом общественной безопасности.

Из декрета Национального Конаента от 7 мая 1794 г. о культе Верховного существа

1. Фрвнцузский народ признает Верховное существо и бессмертие души.

2. Он признает, что культом, достойным Вврховного существа, являвтся исполнвние человвком своих гражданских обязанностей.

6. Республика будет ежегодно праздновать дни 14 июля 1769 г., 10 августа 1792 г., 21 января 1793 г. (казнь короля Людовикв XVI.— Рвд.) и 31 мая 1793 г. (установление якобинской диктатуры.— Ред.).

7. В дни декад она будет устраивать слвдующие празднества, посвященные: Верховному существу и природв.— Всему человвческому роду.— Мученикам свободы.— Свободе и равенству.— Республикв.— Свободе всвго мира.— Любви к родине.— Ненависти к тиранам и предателям.— Истинв.— Справедливости.— Скромности.— Славв и бессмертию.— Дружбе.— Простоте нравов.— Чистосердвчию.— Героизму.— Бескорыстию.— Стоицизму.— Любви.— Супружеской верности.— Отцовской любви.— Материнской нежности.— Сыновней почтительности.— Детству.— Юности.— Мужественному возрвсту.— Старости.— Нвсчастью.— Земледелию.— Промышленности.— Предкам.— Потомству.— Счастью.

С того самого момента, как в феврале 1917 года грянула русская революция, ее сравнивают с французской революцией. Множество наблюдателей, особенно русский репатриант, впоследствии известный, близкий к троцкизму мемуарист Виктор Серж, обнаруживают поразительные аналогии. Даже в самих датах им чудятся впечатляющие совпадения, а деятели русской революции часто кажутся двойниками французских предшественников: большевики — якобинцы, Ленин — Робеспьер, Троцкий — Бонапарт, Дзержинский — Фукье-Тенвиль.

Сходство бросается в глаза, и напоминания о французской революции встречаются повсюду и в самой разной форме: большевики проектируют памятники Робеспьеру, Марату и Дантону; большими тиражами выходят биографии Робеспьера, Мирабо, Сен-Жюста, Жака Ру; появляются горы популярных брошюр по истории французской революции, переиздаются труды историков и публикуются документы, к опыту прошлого обращаются и на заводах при обсуждении рационализации труда, и в Советах, когда спорят о положении женщин, и на театральных подмостках. Воспоминание так живо и так подогревается всеми средствами, что можно сказать: начиная с февраля 1917 года и на протяжении всех двадцатых годов Россия, охваченная своей собственной революцией, как бы заново переживает и французскую революцию.

РЕШИТЕЛЬНОЕ ОТРИЦАНИЕ

9 Термидора по республиканскому календарю (27 июля 1794 года) Робеспьер и его ближайшие соратники были арестованы и вскоре казнены. Эти события знаменуют конец якобинской диктатуры. Более чем через столетие большевики, взяв власть, сталкиваются с проблемой окончания революции. Их начинает преследовать образ Термидора. Уже в 1918 году это уловил Ю. Мартов, лидер меньшевиков-интернационалистов. В сепаратном мире с Германией он увидел предвестье краха большевиков и предсказал наступление «термидорианской контрреволюции».

За пределами Советской России Термидор возвестил К. Каутский, а русская эмиграция после подписания мира в Брест-Литовске ожидала, что «по логике вещей за этим последует экономический Брест-Литовск».

Перед лицом аналогии «Брест-Литовский мир — это русский Термидор» большевики решительно отвергали какое бы то ни было сходство между Французской и Октябрьской революциями. Это категорическое отрицание имеет двоякое объяснение. Первое довольно просто: большевики считают, что их приход к власти является неоспоримым доказательством социалистического характера революции, каковая, следовательно, не может походить на буржуазную.

Второе объяснение сложнее. Большевики утверждают, что две революции, различные по классовому содержанию, не могут иметь один и тот же исход; однако, когда речь идет об удержании власти, всякое напоминание о трагическом конце якобинской диктатуры недопустимо. Неприемлема любая аналогия. Другое умалчиваемое обстоятельство связано с тем, что большевики вплотную столкнулись с проблемой ограниченности своих собственных преобразований (террор, отношения с другими социалистическими партиями, зашедшая в тупик политика военного коммунизма); допустить здесь какую бы то ни было параллель с французским экспериментом значило бы согласиться с концом и советского эксперимента.

В 1921 году введение нэпа вызывает новое и устойчивое сравнение с Термидором. На сей раз никто из политических деятелей не остается в стороне: кадеты, меньшевики, сменовеховцы, руководство Коммунистической партии и различные оппозиционные фракции, а также немецкие социалисты и французская пресса — все прибегают к аналогии «Нэп — Термидор».

РУССКИЙ ТЕРМИДОР?

Большевики вынуждены как-то реагировать на шквал этих сравнений, которые они считают для себя оскорбительными. В истории их ответных действий можно различить три периода: 1921—1924, 1925, 1926—1927.

На первом этапе образ Термидора воспринимается как предостережение. Оно ставит перед необходимостью практических выводов. Действительно, после Кронштадтского мятежа нарком иностранных дел Г. Чичерин дает нэповскому повороту многозначительное определение «пролетарского Термидора». Сам Ленин в беседе с французским коммунистом Жаком Садулем объяснял ознаменованное нэпом отступление термином «самотермидоризация». Вслед за руководителями и некоторые рядовые партийцы рассматривали нэп как «самотермидоризацию» и готовились сами «осуществить свое 18 брюмера», то есть положить революции конец.

Несмотря на это, большевики были не согласны, что нэп означает русский Термидор. По их мнению, между нэпом и Термидором та же разница, что между отступлением и крахом. В этом их отличие от эмигрантов-сменовеховцев: для последних нэп — это перерождение революции, которое рано или поздно приведет к буржуазному режиму, для большевиков — тактический прием. А если так, то эволюция, или «перерождение»,— лишь пережиток прошлого, явление буржуазного происхождения, порожденное нэпом, или угроза, идущая извне. Таким образом, отбрасывая проблему эволюции власти, большевики исключали опасность, угрожавшую партии изнутри. В то же время они тщательно избегали слова «Термидор» даже в тех случаях, когда оно напрашивалось само собой. Примером может служить речь Ленина на XI съезде партии, где он ссылается на идеолога сменовеховцев Н. Устрялова, ни разу не произнося слово «Термидор», которое было у того ключевым понятием.

1924 год знаменует изменение в отношении к нэпу. После смерти Ленина руководство партии начинает сомневаться в правильности этого тактического шага. Начиная со следующего года историческая параллель «Нэп — Термидор» перестает быть прерогативой эмиграции и захватывает оппозиционные круги в партии. Первотолчок последовал от Устрялова, незадолго до XVI съезда опубликовавшего в Харбине сборник статей «Под знаком революции», в котором поднят вопрос о русском Термидоре. В партийных кругах на фоне общего недовольства, рожденного нэпом, эта книга вызвала большой интерес. Она стала объектом критики со стороны не только ленинградской оппозиции, но и большинства партийцев. По сути дела, критика книги Устрялова представляет собой внутрипартийную полемику.

Оппозиция атаковала Устрялова с целью разоблачить «устряловщину» правящего большинства — веру в зажиточного крестьянина-кулака, выраженную в бухаринском лозунге «Обогащайтесь!», стремление выдать нэп за социализм — в общем, все то, что оппозиция считала уступкой капитализму. Под видом критики, направленной на первый взгляд только против Устрялова, оппозиция предостерегает партию, особенно ЦК, от опасности перерождения.

В свою очередь, большинство также атакует Устрялова, но, в сущности, лишь для того, чтобы вести полемику с ленинградской оппозицией, подозреваемой в увлечении ложной аналогией с Термидором.

ПУТЬ АНАЛОГИИ

Важно отметить, что вопросы, поднятые оппозицией, выражают растущее беспокойство: термидорианская альтернатива становится все более реальной. Если это беспокойство не проявилось еще в полную силу, то лишь потому, что главный термин — «Термидор» — был впервые произнесен устами классового врага.

Сами оппозиционеры изгнали из своей лексики это слово, считая его «ересью и заговором». Вследствие этого произошел трагикомический случай с секретарем Ленинградского горкома партии Петром Залуцким. Проклятое слово вырвалось у него в частном разговоре, но собеседник изобличил его, и Залуцкий, смещенный со своего поста именно за «обвинение ЦК в термидорианстве», вынужден был покаяться с трибуны XIV съезда. Впутать всю партийную организацию Ленинграда в дело Залуцкого как нельзя более соответствовало интересам Сталина. Он стремился скомпрометировать эту организацию, традиционно бывшую воплощением пролетарского авангарда. Однако вопреки логике политической интриги ответственность за параллель «нэп — Термидор» была возложена на одного Залуцкого. Такое странное с политической точки зрения решение можно объяснить только так: конечно, не один Залуцкий сравнивал «устранение эбертистов» с отношением ЦК к ленинградской организации, но поскольку мысль о термидорианском перерождении получала хождение, руководство партии, так же как и руководство оппозиции, не желало, чтобы она распространялась. В интересах и тех

и других было остановить распространение каверзной для революционного сознания аналогии.

В 1926 году происходит новый поворот. Аналогию «нэп — Термидор» начинают широко использовать различные оппозиционные группы. Группа Демократического централизма (Смирнов, Сапронов и др.) **на словах** утверждала: «Термидор — свершившийся факт». «Большевики-ленинцы», сторонники Троцкого, категорически отвергали это утверждение, считая, что существует только угроза Термидора. Зато **на бумаге**, излагая свои платформы, и те и другие избегали термина «Термидор». Колебания оппозиционеров свидетельствуют о том, как трудно было сделать шаг, который поставил бы их вне партии.

КАК ОТ НЕЕ ИЗБАВИТЬСЯ?

И оппозиция, и большинство видят в вопросе об аналогии с Термидором самую суть своих разногласий. Даже события исключительной важности для всех коммунистов — всеобщая стачка 1926 года в Англии и революция 1925 года в Китае — отодвигаются на второй план. (Именно так представил дело А. Рыков на собрании партактива Москвы 11 августа 1927 г.) Правящую партию большевиков тяготят упорные обвинения в «термидорианстве» как внутри страны, со стороны оппозиционеров («Долой Термидор!» — кричат они в ноябре 1927 года на ленинградских улицах), так и за ее пределами (Суварин во Франции, Каутский и Корш в Германии).

Против аналогии «Нэп — Термидор» разворачивается гигантская кампания, масштабы которой явно не соответствуют силе оппозиционного натиска (отдельные высказывания, редко в письменной форме). Конечно, эмиграция пишет об этом гораздо больше, но поскольку она далеко и стоит вне партии, большевиков это не страшит.

Зато внутри страны призрак Термидора порождает атмосферу неуверенности и страха. Упоминания о «преступной» аналогии все чаще мелькают в речах прежде всего Бухарина и Рыкова, о ней все больше говорят в Интернационале, в ЦК, на заседаниях ответственных партработников Москвы и Ленинграда. Партийные журналисты А. Слепков, Д. Марецкий, А. Зайцев из так называемой «бухаринской школы», борются с Термидором методом заклинаний. Историки разрабатывают систему «научных» доказательств несостоятельности каких бы то ни было аналогий между Французской и Октябрьской революциями. В 1928 году Коммунистическая академия, где историки обсуждали проблемы французского Термидора, была окружена конной милицией, разгонявшей толпу тех, кто не сумел проникнуть в переполненный зал. Известно, что XV съезд партии (декабрь 1927 года) осудил оппозицию. Менее известно, что почти все выступавшие, за редким исключением, сочли нужным подчеркнуть, что оппозиция осмелилась бросить партии «неслыханное» обвинение в «термидорианстве».

ИСХОД: САМОТЕРМИДОРИЗАЦИЯ

В 1927 году сходство нэпа с Термидором настолько захватывает умы современников, что Советская власть предпринимает ряд мер, направленных непосредственно против исторической аналогии. Большевики снова пытаются избежать термидорианского исхода, который настойчиво предсказывают как сторонние наблюдатели, так и сами деятели революции. С окончанием нэпа и развертыванием с 1928 года антинэповской политики приходит конец уступкам капитализму, которые и питали идею о сходстве с Термидором. Это не что иное, как новая попытка сохранить диктатуру. Большевики стремятся избежать краха, о котором твердят все со ссылкой на французский прецедент. Тем самым они повторяют маневр, который Ленин назвал «самотермидоризацией».

Можно ли после этого отрицать историческую роль коллективного воображения, своего рода «магии слов»? Отмена нэпа или его продолжение — две возможности, вокруг которых разыгралась в 20-х годах судьба Советской России. Выбор между этими альтернативными историческими путями оказался глубоко зависимым от образов, которые неотвратимо задавал исторический прецедент. Немаловажно, что ссылками на опыт французской революции пестрит советская пресса и сегодня. Присутствие аналогий в языке, допущение их или страх перед ними — все это сказывается на действиях людей. Коллективное воображение продолжает «работать» в истории.

Николай БУХАРИН

Систематически применяет г. Устрялов свой метод запугивания, на все лады оперируя жупелом «термидора». Во время гражданской войны нас все время пытались запугать *свержением* советской власти. Эта бедная советская власть «летела» (в распаленном воображении белых) буквально каждую секунду. А вместе с тем, когда выяснилась победа Красной армии, стали говорить о «кульминационном пункте» революции, о «неизбежном» *термидоре*. И меньшевики, и эсеры, и кадеты, и монархисты — все вдруг прониклись исторической премудростью и, вооруженные не то чтобы уж очень тяжелым багажом исторических аналогий, с важностью настоящих «социологов» стали заниматься глубокомысленными прорицаниями на предмет «термидора» для ободрения пасомых белых стад, уже жалобно мычавших на тощих лугах российской эмиграции.

...Г-н Устрялов усиленно настаивает на «термидоре», приурочивая его... к началу новой экономической политики и возводя в сан обер-термидорианца товарища Ленина. Г-н Устрялов **сражался** вместе с Колчаком против нас. Теперь, когда он **кается**, он сражается тоже против нас, но в другой форме: он хочет, оперевшись на «служилую интеллигенцию», переделать нас по образу и подобию буржуазии...

«Термидор,— пишет г. Устрялов,— был поворотным пунктом французской революции... *путь термидора есть путь эволюции* умов и сердец (курсив автора.— **Н. Б.**), сопровождавшийся, так сказать, легким «дворцовым переворотом», да и то прошедшим формально в рамках революционного права. При этом необходимо подчеркнуть, что основным, определяющим моментом термидора явилось именно изменение общего стиля революционной Франции и **обусловленная им** эволюция якобизма в его «толпе». Кровавый же эпизод 9 числа (падение Робеспьера) есть не более как деталь или случайность...

Детали, конкретные очертания революции у нас радикально и несоизмеримо иные. В частности, судя по всему, в теперешней Москве нет почвы для казуса в стиле 9 термидора. Но... он и не существенен **сам по себе...** Путь термидора — в перерождении тканей революции, в преображении душ и сердец ее агентов».

И, покойный за «судьбу революции», г-н Устрялов ставит все точки над i:

«В современной России как будто уже чувствуется (автор писал все сие **в июне 1921 г.— Н. Б.**) веяние этой новой фазы. *Революция уже не та* (авторский курсив.— **Н. Б.**), хотя во главе ее — все те же знакомые лица, которых ВЦИК отнюдь не собирается отправлять на эшафот. Но они сами вынужденно вступили на путь термидора, неожиданно подсказанный им Кронштадтской Горой,— не удастся ли им поэтому избежать драмы 9 числа?»...

Сперва насчет Франции. Мы, правда, мало осведомлены о глубине исторических познаний профессора Устрялова. Все же, однако, мы не думаем, чтобы г. Устрялов не понимал всей бедности своего анализа. Какой приглаженной, какой ровной выступает перед ним бурная история французской контрреволюции! Каким гладким, почти идиллическим, оказывается «путь термидора»! Казнь Робеспьера — маленькая деталь, случайность, почти «ошибка» истории. Дело, видите ли, в изменении «душ и сердец» — только и всего. Как просто и мило! Что — *«мило»!* нужно сказать *«умилительно»!* Беда только в том, что устряловская «история» совсем не соответствует действительной истории...

Г-н Устрялов не видит *основного:* передвижки *классов*. Он не понимает (или не хочет понимать), что термидор был совсем не «органическим», а весьма катастрофическим (хотя и «подготовленным» всем предшествующим развитием) падением *мелкобуржуазной диктатуры* и переходом власти в руки буржуазной контрреволюции...

Великая французская революция объективно открывала дальнейшую дорогу капиталистическому строю; а субъективной классовой силой, двигавшей эту революцию, была мелкая буржуазия. Ниспровержение мелкобуржуазной революционной диктатуры лежало, таким образом, в логике самой революции, ибо налицо было несоответствие между объективными задачами революции и ее основным субъективно-классовым фактором. Ничего подобного нет в нашей революции. Наоборот, здесь налицо строгое соответствие между объективно-историческим «смыслом» революции и основной классовой ее пружиной: пролетарская революция — пролетариат — пролетарская диктатура.

Из статьи «Цезаризм под маской революции»
1925 год

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

РЕЛИГИЯ — ИСТОЧНИК И ГАРАНТ НРАВСТВЕННОСТИ?

Иосиф КРЫВЕЛЕВ, доктор философских наук

Актуальность этого вопроса усиливается тем, что с некоторого времени в нашей литературе и публицистике все громче звучат голоса, утверждающие неразрывную связь нравственности с религией и даже выводящие первую из второй. Вот пример довольно типичного в этом роде высказывания: «Человечество... выработало элементарную мораль, 10 заповедей, самый древний кодекс этой морали, по которому мы живем и до сих пор. Христианство выработало свои ценности, гуманисты внесли свой вклад. Кант со своим категорическим императивом все определил» (В. Быков. «Книжное обозрение», 1986, № 25). В основе морали, по которой «мы и до сих пор живем», лежит, стало быть, иудейский Ветхий Завет, до появления соответствующих текстов которого в начале первого тысячелетия до н. э. никакой морали не было...

Признавая столь великое позитивное значение религии в истории человечества, выгодно оставлять по возможности в тени другие стороны религии, которые выглядят совсем не благообразно.

Есть ли смысл вообще сводить религию к морали? Пользуется этим приемом среди других и философ А. Гулыга, причем делает это со ссылкой на Ленина. Оказывается, «рукой Ленина написаны» слова: «Христианство **из морали** сделало бога» («Новый мир», 1987, № 10, с. 246). Верно, что написано это рукой Ленина, но пишет здесь Ленин не от себя, он цитирует Фейербаха, причем ссылается на страницы цитируемой книги. Трудно воздержаться от комментария: А. Гулыга выступает в нашей печати как апостол морали, он возводит мораль **в абсолют** бытия и сознания, причем не прочь даже именовать этот абсолют богом, но свои собственные действия он не связывает его повелениями...

Он отнюдь не одинок в своем стремлении очистить религию, и прежде всего христианство, от ее действительного содержания, оставив в нем только мораль. Активно подвизается на этом поприще и В. Шердаков. «Само существо,— пишет он,— дух христианства» составляют «заповеди любви, смирения, всепрощения». Куда подевалась, среди прочего, вся мифология — трехслойная картина мира с небом, землей и преисподней, бог, ангелы и черти, ад и рай, перспектива светопреставления и Страшного суда?! Такая трактовка устраивает автора хотя бы потому, что «этическое истолкование христианской религии сохраняет и возвышает то, что составляет как раз самую суть христианского учения». Да и не только христианского: все три мировые религии являются, как он считает, по существу, «этическими учениями о спасении».

История повторяется. Еще в свое время В. И. Ленин сталкивался с аналогичными приемами религиозной апологетики и дал им убийственно точную характеристику: «Из идеи бога убирается прочь то, что исторически и житейски в ней есть (нечисть, предрассудки, освящение темноты и забитости, с одной стороны, крепостничества и монархии, с другой), причем вместо исторической житейской реальности в идею бога вкладывается добренькая мещанская фраза» (ПСС, т. 48, с. 231).

Современные рыцари «добренькой мещанской фразы» стараются изобразить религию в розовом свете, замазывая «белые пятна» истории религий и церквей. Римский папа Иоанн-Павел II не прочь, например, изобразить католическую церковь поборником веротерпимости, он даже объявил один из восьмидесятых годов «годом терпимости», причем, конечно, не вспомнил о том, что в прошлом его церковь за малейшее расхождение с ней даже в толковании того или иного догмата сжигала людей на кострах. Поучительно в этом отношении было ознаменование тысячелетнего юбилея христианизации Руси. В потоке устного и литературного славословия по адресу православной церкви, сопровождавшего празднование, начисто исчезла историческая правда, связанная с тем, что в течение столетий церковь была идеологической и политической опорой самодержавия и крепостничества, что сама она владела колоссальными земельными массивами и до ликвидации крепостного права многими сотнями тысяч крепостных душ. Да и по части истребления непокорных православная церковь немногим уступала католической — вспомним хотя бы судьбу протопопа Аввакума и многих других приверженцев старообрядчества.

Есть и другое направление «обеления» религии, приверженцы которого признают наличие в ее истории некрасивых страниц, но заверяют, что в настоящее время она стала другой.

Именно такие взгляды проповедуются сейчас на страницах многих наших изданий. В росте атеизма кое-кто пытается находить причины тех негативных явлений, которые на протяжении ряда десятилетий проявляются в наших общественных нравах. Вольно или невольно из такой точки зрения вытекает призыв вернуться вспять к религиозной морали, к ее нормам и заповедям.

Наиболее крайние сторонники этой позиции, в частности писатель В. Астафьев, даже призывают нас к покаянию в том, что «мы посеяли безверие». Он выражает горестную озабоченность по поводу того, что не знает, кому молиться, чтобы получить отпущение грехов наших, он пугает атеистов геенной огненной, призывает на головы еще живых атеистов «последний карающий огонь с неба» («Ловля пескарей в Грузии»). Это какой же — не ядерный ли?

Призывая распространять в советском народе религиозную мораль, ее апологеты упорно стараются не замечать того очевидного факта, что в свете исторической практики она полностью скомпрометировала себя. На протяжении тысячелетий религия господствовала в сознании широких народных масс и диктовала людям линию поведения. Были периоды, когда это господство было фактически безраздельным. Возьмем, например, западноевропейское средневековье. Действительно ли люди возлюбили тогда друг друга, перестали убивать, красть, насиловать? Наступил ли золотой век всеобщей нравственности? Достаточно поставить этот вопрос, чтобы стал ясен отрицательный ответ на него.

Источником нравственности являются не религия, не небеса, а земля, общество. В каждом обществе, на каждой стадии его развития, в ходе его жизни, в перипетиях взаимоотношений людей, классов, племен и народностей создаются взгляды и мнения о том, что хорошо и что плохо, что достойно и недостойно. На этой основе формулируются нравственные нормы, совокупность которых и означает систему нравственности, характерную для данной эпохи.

Белеет парус неодинокий

НА ПРИЗ ЖУРНАЛА «РОДИНА»

6 сентября 1989 года во Владивостоке стартует Всесоюзная парусная регата на «Кубок залива Петра Великого». В соревнованиях крейсерских яхт впервые будут разыграны призы, учрежденные журналом «Родина».

Местные жители говорят о природе своего края: широта крымская да долгота колымская. Стопроцентную влажность и туманы сменяют ураганные ветры, приносимые частым гостем — тайфуном.

Уникальная природа Японского моря обещает участникам гонок захватывающую борьбу на дистанции. Многочисленные скалистые острова, переменчивая погода, когда штиль сменяет штормовой ветер, завесы тумана с видимостью до полусотни метров, высокая волна — вот далеко не полный список навигационных трудностей, ожидающих здесь капитанов яхт.

Если Петр Первый прорубил окно в Европу, то яхтсмены залива Петра Великого пробивают дорогу в парусный мир.

Парусный спорт — удовольствие чрезвычайно дорогое, вот почему наш яхтовый «парк» очень и очень малочислен. Теперь, как это делается повсюду в мире, мы надеемся получать средства от заинтересованных спонсоров.

Один из них — совместное (с ФРГ) предприятие «Микрокомпьютерсистема». Оно помогает советским яхтсменам готовиться к участию в самой престижной гонке на Кубок Америки.

Наш парусный спорт выходит из тени. Первые походы по следам Беринга, советско-японская регата «Белый парус мира», участие в гонке Сидней — Хобарт экипажа яхты «Ветер» — тому свидетельство.

Теперь, спустя век, появилась возможность делом ответить на приглашение секретаря нью-йоркского яхт-клуба от 10 октября 1857 года Императорскому Санкт-Петербургскому яхт-клубу:

«Милостивый Государь!

Мне поручено уведомить членов Вашего общества, что Кубок, оцененный в сто гиней, выигранный яхтою «Америка» при Каусе в Англии на гонке, бывшей 22 августа 1851 года, представлен в нью-йоркский яхт-клуб. Этот приз предлагается всем нациям...».

«Я почувствовал великую озабоченность вашего народа состоянием нашей планеты, ее морей и океанов в том числе. Думаю, что совместные советско-французские экипажи станут для многих примером сотрудничества в области спорта, символом сохранения мирными и чистыми вод нашей общей планеты!»

Ивон ФОКОНЬЕ

Познакомьтесь: человека на снимке зовут Ивон Фоконье. Он профессиональный яхтсмен, один из самых известных во Франции, победитель множества гонок и международных соревнований. Ему принадлежит идея, поддержанная Федерацией парусного спорта СССР: создать совместную советско-французскую команду для плавания на яхтах-тримаранах и построить для этого самые современные суда на одной из французских верфей. Проектирование и строительство яхт планируется начать еще в этом году, а в будущем году они, как надеется Фоконье, будут спущены на воду.

Яхты стоят больших денег? Да, говорит Фоконье, но давно существующая в мире система спортивного спонсорства дает возможность найти крупные фирмы, которые ради будущей телевизионной и газетно-журнальной рекламы вложат в проект необходимые миллионы франков. Кто? Например, шведский авиационный и автомобильный концерн «СААБ», французские «Кредит агриколь», «Флери Мишон» и многие другие.

Ивон держит в уме десятки цифр и дат, связанных с проектом, у него уже наготове отпечатанная документация, графики тренировок, первые соревнования, в которых предстоит принять участие советскому и французскому экипажам.

Двенадцать лет назад Фоконье в одиночку на трехмачтовой яхте «ИТТ-Океаник» пересекал Атлантику. Тяжелые штормы следовали один за другим. Однажды Фоконье был серьезно ранен ручкой лебедки и подал сигнал «SOS».

На помощь пришел буксир-спасатель «Бесстрашный» Мурманского рыбного порта, доставивший Фоконье и его яхту на Ньюфаундленд. И — редкий случай — одновременно с Фоконье вышел в эфир с просьбой о спасении его соотечественник Жан-Ив Терлен, шедший на тримаране «Крит-III» милях в 250 за «Океаником». Фоконье спасли первым, за ним Терлена. С того дня и зародилась у Фоконье мысль о совместном интернациональном экипаже.

И еще. Ивон Фоконье — друг Жана-Лу Кретьена, французского космонавта, дважды побывавшего с советскими экипажами в космосе на борту космических кораблей, и яхтсмена-любителя. Идея создания совместных экипажей и строительства однотипных тримаранов для них на французских верфях отчасти принадлежит и ему.

Коммерческая сторона проекта ясна: крупные фирмы финансируют строительство флота, тренировки и соревнования, получая взамен возможность рекламировать свои товары и услуги во время популярных парусных соревнований.

Публикацию подготовил
Михаил ПЕТРИГА,
яхтенный капитан

Елена СКВОРЦОВА

Беседы на годекане

Вечером, когда солнце припекает уже не так сильно и время дневных дел прошло, старики и мужчины собираются в центре аула. Такая площадь — годекан — есть в каждом селе. Самое почетное, самое живописное место в ауле. Раньше ни одно дело не начиналось без одобрения старейшин на годекане. Сейчас на площади собираются послушать рассказы заезжего путника, неторопливо обсудить новости. На годекане сегодняшний день оценивают с точки зрения тысячелетней мудрости народа, спрессованной в притчи, легенды, были, песни и предания.

Старики говорят, что три сокровища есть у Дагестана — горы, море и все остальное.

Есть и еще одно — самое заветное. Оно ценится превыше всего. Это честь горца, его чувство собственного достоинства.

Старики степенно закуривают, досадливо покачивают головами и в который уже раз заводят печальный разговор о том, что слишком многое сегодня унижает горца.

РАБОТА ДЛЯ АЛИ

Старики рассказывают, как однажды орел со всего лета ударился о скалу. К счастью, он не разбился. Уцелел его острый клюв и железные когти, билось смелое сердце. Начал орел взбираться вверх — на ту скалу, где любил сидеть, когда был здоровым. Трудно ему пришлось — надо было приспосабливаться по-новому добывать пищу, карабкаться на скалы, цепляясь за них поломанными крыльями... Все-таки взобрался орел и построил гнездо на вершине. Но оказалось, что, пока он трудился, многое изменилось: гнездо стало саклей, а сам орел превратился в горца. Только сердце осталось у него орлиное. С тех пор и повелось — строят горцы сакли высоко в горах и трудятся на своей скудной земле день и ночь. Иначе горы сурово накажут людей, лишат их хлеба и мяса.

Горцы — народ трудолюбивый. И для многих дагестанцев настоящим горем стала безработица в республике. Они привыкли все время что-то делать — издавна сами себя прокармливали. Поэтому собственная незанятость и ненужность кажутся им особенно унизительными.

Безработицей болеют в основном села. Для средней полосы это явление невероятное. Ведь мы, наоборот, постоянно слышим жалобы руководителей колхозов и совхозов, что не хватает рабочих, что люди уезжают... В Дагестане все иначе — люди из городов тянутся в села, но в горном селе работа сезонная, и большую часть года человеку негде работать. Женщины иногда находят надомную работу — вяжут платки или джурабы. Мужчинам сложнее. Им приходится уезжать из дома, искать временную работу, трудиться вдалеке от дома, жить во времянках и переполненных общежитиях...

Только тех, кто официально временно выписался в связи с отъездом на заработки, в республике зафиксировано 110 тысяч человек. Может быть, это сто десять тысяч несостоявшихся скотоводов, земледельцев, златокузнецов?

Как им помочь? В Дагестане видят такой выход: строить филиалы промышленных предприятий. Уже удалось организовать несколько таких филиалов, где шьют детские шубки, из ненужных пластмассовых деталей старых телевизоров делают расчески... Но это дало не больше 150—200 рабочих мест — капля в море. Да и не везде удается затея. В Акушинском районе несколько лет не могут «пробить» филиал. А в районе 4 тысячи безработных.

Ездят люди по Дагестану в поисках удачи. Встретишь такого, спросишь:

—Нашел работу, Али?

Молчит Али. Нет у него работы.

Г. М. Магомедов, народный депутат СССР, член Совета Национальностей Верховного Совета СССР:

— Для нас это очень серьезная, больная и почти неразрешимая проблема. И я уверен, что никаких серьезных результатов и улучшений не появится до тех пор, пока Госплан СССР не начнет комплексно решать вопросы строительства и дальнейшего развития промышленного потенциала тех регионов, где сегодня существует избыток рабочей силы.

ИСКУССТВО НА ПОТОКЕ

Старики рассказывают: в какой аул, бывало, ни заглянешь, везде живут мастера. Ювелиры, оружейники, гончары, мастерицы по коврам... В одном ауле выкуют кинжал (а сталь не хуже дамасской получалась у мастеров из не существующего теперь селения Амузги), в другом — нанесут на ножны узорочье — насечку золотом на железо (во всем Дагестане только один мастер сегодня умеет это), в третьем — газыри отольют (умер уже этот промысел), в четвертом — бурку сваляют.

Старики вспоминают, сколько золотых медалей привозили дагестанские мастера с брюссельских, парижских и других выставок. Весь мир тогда знал, где находятся Кубачи и Унцукуль.

Взволновались на годекане — разговор задел больную струну. Еще бы! Народ, где каждый славился каким-то особенным умением или искусством, теперь обычно говорит: «Вот мой отец (или дед) — тот мастер. А я не умею (или умею немного)».

Уходят мастера — некем их заменить. Уходят традиции — их вытесняет план. Уходит искусство — его убивают штамп, ГОСТ, поток.

Промыслы Дагестана сегодня можно пересчитать по пальцам. По-прежнему делают бурки в Рахате и ткут ковры в Табасаране (на дербентском базаре в хороший торговый день стены древней Нарын-калы сплошь укутаны халичами и сумахами). «Золото или серебро сами по себе ничего не значат. Нужно, чтобы у мастера были золотые руки»,— утверждают, как и прежде, кубачинцы. К счастью для промысла, здесь еще осталось несколько таких мастеров. Гораздо сложнее ситуация в Гоцатле. «Тайну унцукульского искусства не ищите в нитках мельхиора,— советуют в этом ауле приезжему.— Носят тайну этого искусства в сердце унцукульцы-мастера». И это правда. Но мастеров художественной обработки дерева, хранящих секреты, осталось очень мало. «Самые красивые кувшины делаются из обычной глины»,— балхарки напевают эту строчку Расула Гамзатова, превращая грязно-светлый кусок глины в стройный красно-черный кувшин, расписанный белыми линиями.

Когда-то артели кустарей процветали. В системе промкооперации они не зависели от плана, были тесно связаны с рынком, хорошо знали вкусы населения, мастера неплохо зарабатывали. Потом, в 1960 году, вместо промкооперации создали Министерство местной промышленности. Начался процесс слияния кустарного промысла с индустриальным производством.

Парадокс состоит в том, что чем лучше работает промышленное предприятие, тем быстрее умирает промысел. Конвейер убил мастерство, сделав его безликим и нищим. Теперь все делается пооперационно (это, правда, не касается балхарских гончаров). А самых лучших мастеров, как птиц редкой породы, посадили в золотые клетки экспериментальных цехов, где они выполняют только заказы музеев.

Кризис, возвестивший об окончательном упадке промыслов, разразился в 1984 году. Во всемирно известном центре Кубачи оказалось залежей нереализованного товара на 4 миллиона рублей! Гоцатлинский комбинат можно было и вовсе закрывать — рабочие не получали зарплату по нескольку месяцев. В Унцукуле сложилась неразрешимая ситуация с поставкой древесины... Положение удалось выправить с большим трудом.

Но судьба народных промыслов, так и не отделенных от промышленного производства, представляется безрадостной — достаточно взглянуть на ряды медных кумганов в Гоцатле, карандашниц и подсвечников в Унцукуле, пудрениц в Кубачах... Во всех этих изделиях есть только видимость народного искусства, они очень похожи на прежние произведения искусства — по технологии исполнения. Но это лишь оболочка. Душа промыслов уже раздавлена потоком.

Может быть, еще не поздно спасти остатки? Специалисты ставят народные промыслы на один уровень с языком и историей народа. Это один из самых значительных элементов самобытности народа, национальной культуры Дагестана.

Исчезает значительный пласт национальной культуры, духовное богатство дагестанцев, их уникальный вклад в мировую культуру. Это боль не только стариков на годекане, но и всех нас. Ведь уровень цивилизованности общества зависит не столько от степени развития его индустрии, сколько от отношения этого общества к своей культуре.

М. К. Джамалутдинов, заслуженный художник РСФСР, директор Гоцатлинского комбината художественных изделий (его собственные работы хранятся в Русском музее в Ленинграде):

— Промыслы всегда работали на рынок. Экономическую основу для их возрождения надо искать в возвращении к артели — только она еще может спасти народное искусство. Где взять фонды? Отколоть от местной промышленности. Словами объяснить чиновнику состояние упадка сложно. Надо создать характерные, в духе аварского или кубачинского серебра, образцы и показать их одновременно с поточной продукцией комбинатов и работами старых мастеров. Все сразу увидят степень деградации. Еще надо поднять престиж мастера. До революции работы наших отцов попадали на внешний рынок, на всевозможные аукционы, имели именные клейма... Рынок, правда, диктовал свои критерии. Но там шла конкуренция и, следовательно, развитие. Теперь мы, мастера, изолированы друг от друга, от общества, от искусства других народов. Поэтому того роста, что был у старых мастеров, у нас не может быть.

О САДАХ И ЗМЕЯХ

Старики рассказывают: деревья стояли, словно приговоренные к расстрелу люди на краю могилы. Ощущение тоскливой безысходности добавляла и какая-то странная — шелестящая — тишина. Шуршали... змеи, которые выползли из своих нор, и оказалось, что они действительно «кишат». Птицы улетели задолго до появления змей: сады были обречены. Еще немного, и водохранилище самой крупной на Северном Кавказе Чиркейской ГЭС навсегда скроет их в своих волнах вместе со змеями.

Почему не вырубили сады? Местные жители уверяют, что не разрешили. Странно. В горах почти нет деревьев, дома отапливают кизяком — сушеным навозом. Не одну саклю можно было согреть зимой бывшими садами. Или отправить древесину в Унцукуль, который задыхается без сырья. Из абрикосового дерева там делают трубки с инкрустациями.

Деревья будут гнить под водой.

«Зачем ты строишь дома на камнях и скалах? — спросил сам себя за весь Дагестан Расул Гамзатов. И ответил: — Жалко мягкую землю. Там я выращиваю немного хлеба. Даже на плоских крышах я выращиваю свой хлеб. Таскаю землю на скалы и там выращиваю свой хлеб. Такой уж у меня хлеб».

Проект Сулакского каскада ГЭС существует уже около тридцати лет. Раньше люди молчали. «Хорошо это или плохо?» — спрашивают теперь газеты, местное телевидение, жители.

«Это хорошо,— утверждают одни.— Строительство дает людям работу, появляются новые благоустроенные поселки и города энергетиков...»

«Но,— тут же вмешиваются другие,— строится Ирганайская ГЭС. Она затопит фруктовые сады, лучшие в стране, которые приносят республике валюту. Потом будет построено еще несколько ГЭС, водохранилища которых займут самые плодородные — долинные земли».

У Дагестана уже есть несколько ГЭС, и они вырабатывают электроэнергии больше, чем республика ее потребляет. Совершенно ясно, что предполагаемое строительство — «для соседа». Ведь энергия горных рек — самая дешевая.

Никто не призывает людей жить при лучине. Но и уничтожать все без оглядки ради энергетической дешевизны тоже не стоит. Давайте, пока еще не построен весь каскад ГЭС, искать компромисс. Его надо найти.

С вводом в действие Чиркейской ГЭС климат в Дагестане резко изменился. Появились обильные туманы, зимы стали значительно мягче. Перестал вызревать виноград, абрикосы покрываются ржавыми пятнами. Республика значительно снизила поставки фруктов. Например, в 1988 году план по поставкам косточковых и семечковых плодов ДАССР выполнила всего лишь на 37%, по поставкам винограда — на 45%. С затоплением долины уникальный уголок земли, именуемый сегодня высокогорным Дагестаном, исчезнет совсем.

Стоит ли такой ценой платить за дешевизну энергии? Старики на годекане по этому поводу говорят так: «Не открывай дверь, которую не сумеешь потом закрыть».

ВАВИЛОН НАХОДИТСЯ В ГОРАХ

Как-то на годекане рассказывали, что однажды в горах появился всадник. Он вез народам мира различные языки. Споткнулся его усталый конь, а мешок зацепился за острую скалу. Вниз по каменным уступам посыпались языки. С тех пор жители Дагестана стали многоязычными. На крошечной территории (50,3 тысячи квадратных километров) живет более 30 различных национальностей. Все они очень похожи по обычаям, жизненному укладу. Но аварец может не понять язык даргинца, табасаранец — лезгина...

Печальный ашуг Махмуд пел, что народы Дагестана похожи на горные ручьи, которые все время стремятся слиться в один поток, но не могут и текут каждый сам по себе...

Между собой аулы, конечно, ссорились — из-за пастбищ, границ между полями... Но это были незначительные конфликты. Перед внешним врагом Дагестан объединялся всегда — ни один из народов не оставался в стороне. Но и в этом тихом уголке есть национальные проблемы. Разговор о них почти всегда начинается словами: «Не пытайтесь кормить орла сеном, а осла мясом». Всегда ли мы осознаем, насколько расточительно обходимся с национальными культурами и самобытностью народов, устанавливая жесткий диктат в образовании, культуре, в насаждении единого экономического режима по всей стране? Этот диктат распространен практически на все сферы жизни. Возьмем, к примеру, радио и телепрограммы — то, что наиболее доступно сельским жителям (их в Дагестане большинство). Местные передачи выходят в эфир ненадолго, хотя и пользуются большой популярностью (особенно телепрограмма «Пятый угол»).

Сознание здешнего жителя специфично. Оно основано на многовековом укладе, тысячелетиями вырабатываемой морали и традициях народа, на обычаях горцев. К ним нельзя не прислушаться, их нельзя не уважать. Может быть, учитывая национальные и культурные особенности регионов, увеличивать количество эфирных часов местных программ, оставив для ЦТ всего один канал (чтобы у людей все-таки был свободный выбор)? Политические же, публицистические и официальные передачи можно было бы передавать в том же объеме, что и раньше.

Г. А. Сергеева, кандидат исторических наук, Институт этнографии АН СССР:

— Безусловно, необходимо уменьшить давление «западной» части нашей культуры, если можно так выразиться, на «восточную». Но в конце XX века нельзя, конечно, всерьез говорить и о консервации сознания какого-либо народа, о его изоляции. Поэтому конкретные рекомендации тут дать сложно — решение этого деликатного вопроса требует длительных социальных исследований.

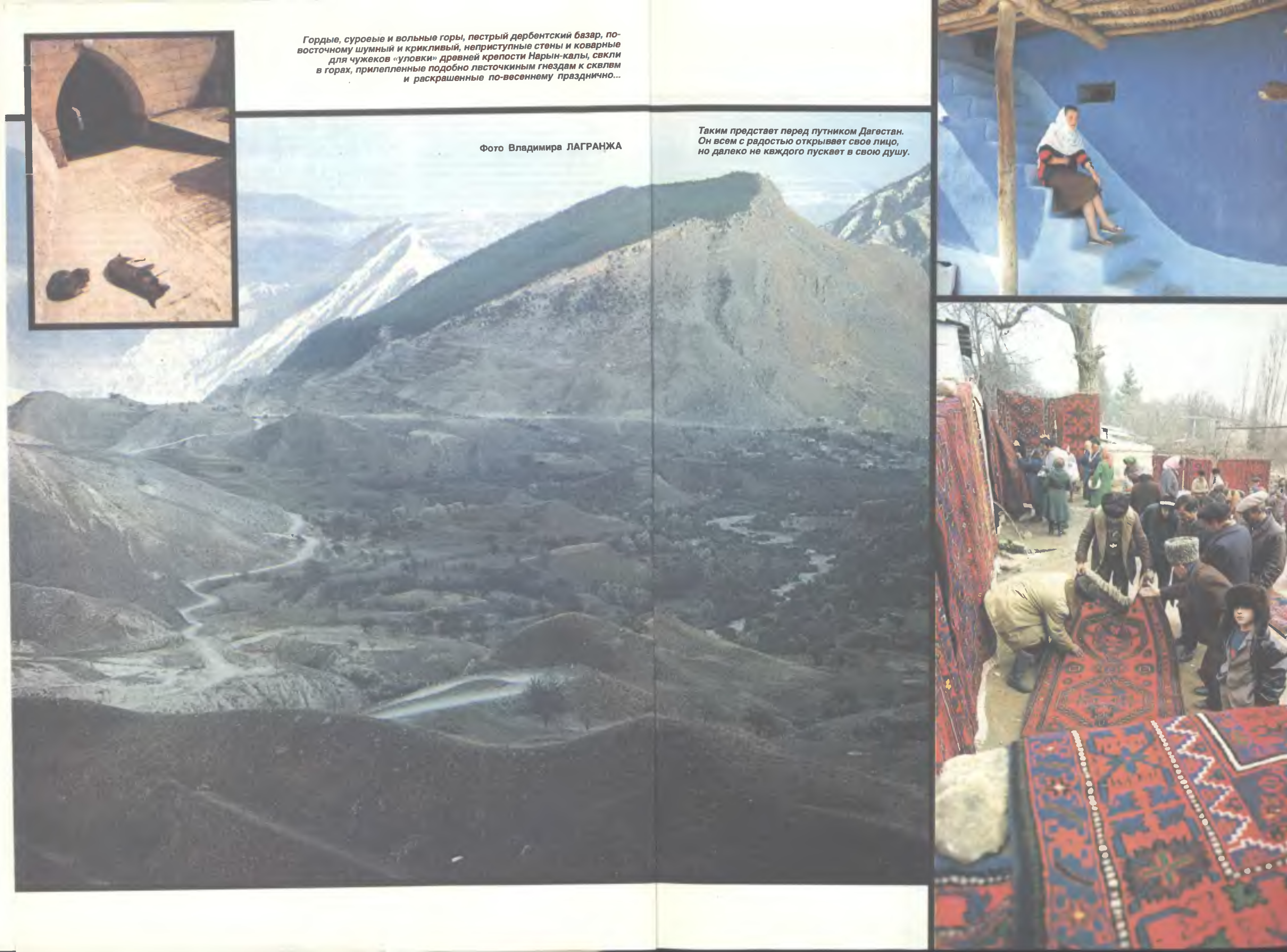
Горцы — очень терпеливый народ. Старики рассказывают: когда ссорятся двое мужчин, долго слышится в ауле перебранка. На обидные слова отвечают обидными словами, и каждый старается подобрать проклятие позабористее. Пока оскорбления касаются только самих враждующих сторон, можно быть спокойным — драки не будет. Но жди беды, если один из них неосторожно сорвавшимся словом сгоряча задевает честь матери или сестры противника. Ни один горец этого не потерпит.

Понятие родины для любого жителя республики значит не меньше, чем мать. Честь и достоинство Дагестана горец будет защищать не менее яростно, чем честь и достоинство матери.

Единого подхода ко всем народам быть не должно. Уничтожается культура, затапливаются поля, изменяется климат... Разве можно от этих «дел» ждать чего-либо другого, кроме недовольства, возмущения, конфликтов?

И важно уже сегодня научиться бережно и внимательно относиться к чувству собственного достоинства каждого народа, научиться не оскорблять его неосторожным словом, не унижать необдуманным действием.

...Вечером, когда солнце припекает уже не так сильно и время дневных дел прошло, старики и мужчины собираются на годекане. Степенно закуривают, досадливо покачивают головами и в который уже раз заводят печальный разговор о том, что слишком многое сегодня унижает горца.



Гордые, суровые и вольные горы, пестрый дербентский базар, по-восточному шумный и крикливый, неприступные стены и коварные для чужеков «уловки» древней крепости Нарын-калы, сакли в горах, прилепленные подобно ласточкиным гнездам к скалам и раскрашенные по-весеннему празднично...

Фото Владимира ЛАГРАНЖА

Таким предстает перед путником Дагестан. Он всем с радостью открывает свое лицо, но далеко не каждого пускает в свою душу.

Пятилетняя Карина — «прима» фольклорного ансамбля «Балхар». Свадебный наряд невесты нисколько не стесняет девочку — ей очень нравится вызывать восхищение публики.

Улочки горных селений напоминают нам причудливые декорации к фильму о средневековье. А для местных детишек эта обстеновка так же естественнв, кек сама жизнь. Просто короткая дорога к школе.

Кладбище — последнее пристанище мертвых, вечная боль живых. Но двгестнские надгробья еще и неисчерпвемый учебник народного искусства — не одно поколение мастеров приходит сюда искать редкие старинные орнаменты, сохранившиеся на каменных плитвх.

Служба в мечети.

Бабушка ходила в гости к родственникам: «Тут недалеко». Недалеко — это семь километров туда и столько же обратно, пешком, по крутым горным дорогам...

Цех Гоцатлинского комбината художественных изделий. Одно из звеньев однообразного потока.

Урок физкультуры у девочек в селении Кубачи, как видите, проходит не совсем обычно. В этой же школе работает и единственный в Дагестане народный учитель СССР Кара-Караев (среди детей).

В школе-интернате для девочек в поселке Дагестанские Огни — богатый музей. Ему присвоен статус народного. Всю эту роскошь собрали и привезли сюда дети. «Душой» доброго дела — заслуженный учитель РСФСР Г. А. Малкин

Фото Виктории ИВЛЕВОЙ

ОТДЕЛИТЬ АТЕИЗМ ОТ ГОСУДАРСТВА

Арсений ГУЛЫГА, доктор философских наук

Полагаю, что поощряемое государством насильственное насаждение безбожия, практикоааашееся у нас вплоть до последнего аремени, премного способствовало моральному одичанию, которое стало бичом наших дней, и преодолеть его призвана перестройка. Предлагаю сделать атеизм таким же частным делом, каким является у нас аера а Бога.

Я аырос в семье, индифферентной к религии. В церковь меня не водили, молитвам не учили. Порог храма Божьего я переступил уже азрослым — из чистого любопытстаа. В школе мне привиаали неприязнь к религии; погром церкаи в подмоскоаном селе Хорошове, где я жил, напугал меня, но не страхом Божьим, а «обострением классовой борьбы», которое грозило раздавить и меня.

Первая серьезная встреча с религией произошла вскоре после войны. Наша часть стояла в маленьком аосточнопрусском городе, который был покинут жителями — за исключением пастора. Устав от безделья и бесконечного преферанса, я шел к нему, и он просвещал меня в делах духоаных. Из его уст я впервые услышал, что сущестаует не классовая, а общечелоаеческая мораль. Из его рук я апервые получил Библию — на немецком языке.

Русской Библией я обзавелся много позднее — когда стал серьезно заниматься историей и философией. И там и там она была необходима. Я начал понимать, что религия не аыдумка, не обман, не «сивуха», она не унижает, а аозаышает человека, дает ему аеликий подъем духа, скрепляет нацию, воодушевляет писателей и мыслителей. Без праворлааия нельзя понять ни Пушкина, ни Достоевского. В церковь я входил теперь, испытыааая благоговение к святыням моего народа, чувстао сопричастности его судьбе. В Бога я так и не поаерил, но проникся почтением к религии.

Этому способствовал и мой учитель Алексей Федорович Лосев. Я пошел к нему в ученики, уже будучи доктором наук. О религии мы говорили редко, но я знал, что в его тяжелой жизни страстотерпца и мудреца это была великая опора.

Я привел эти примеры, чтобы показать, что интеллигентность не мешает религиозности. Правда, религиозность не служит гарантией интеллигентности и даже злементарной порядочности. Как-то один мой знакомый астретил литератора, кичащегося своим праворлааием. Двадцать лет назад он позаимствоаал у моего друга некоторую сумму денег. Он помнит этот долг, при встрече первый заговорил о нем, но... не отдал (хотя живет аполне благополучно). А тут еще разразился серией русофобских статей. Нет, религия и мораль совпадают не асегда. Религиозность может быть напускной, внешней.

И все же религия — наиболее действенное средство массоаого аоспитания морали. Только она дает общедоступное представление о сверхрациональном абсолюте, без которого мораль не сущестаует. В библейского Бога поверить не могу, но считаю величайшим достижением христианства создание единой для всех нормы поаедения. До Христа существовали различные формы корпоративной (групповой) нравственности, отныне возникла абсолютная мораль. Я принимаю ее, опуская ритуальное и мифологическое обрамление. Для тех, кто иначе нв может, пусть будет и обрамление. Сам же я — сторонник внерелигиозной христианской этики. Мораль едина для всех. Плюрализм здесь недопустим.

Беда наших «научных» атеистов в том, что они не желают видеть ничего положительного в христианстве. Отвергают не только догму и ритуал, но и нравственное содержание религии. Берутся рассуждать о религии и нравстаенности, подчас не понимая, что это такое. Сводят христианскую этику к аетхозаветным заповедям, которые хороши, но явно недостаточны. Христианство совершило подлинный переворот в нравственном сознании, дополнив систему запретоа императивом творить добро, выдвинуа на передний план акт свободной воли. Это было ясно и ааторам Еаангелия, и митрополиту Илариону («Слово о законе и благодати»), и Канту («Религия в пределах только разума»), не ясно только нашим «научным» атеистам. Что это: недостаточная начитанность или элементарная недобросовестность? Боюсь, аторое. Когда в одной из брошюр довелось мне прочитать, что православная церковь мешала освобождению русского народа от татарского ига, сотрудничая с завоевателями, мне стало ясно, что спор с автором невозможен: его аргументы за пределами допустимого.

Перестройку наши атеисты подчас понимают как право обрушить на религию новую хулу, на этот раз прибегнув к зарубежным авторитетам (при застое нежелательным). Издали Ницше и Фрейда. Пераый предает проклятию христианское милосердие, призывает истреблять слабых и уродливых, называет Канта идиотом; аторой подает аеру во Всевышнего как нааязчивый невроз. Государство у нас на глазах умнеет, «научные» атеисты — нет (разве что станоаятся образоааннее). Вот почему я призыааю отделить атеизм от государства. Пусть на рааных соперничает с церкоаью.

Поругание и разрушение святынь, разграбление церкоаных ценностей, преследования саященнослужителей и верующих — все зто не средство воспитания, а совсем наоборот. Какая корысть от того, что миллионы потеряли аеру ао что бы то ни было? «Раз Бога нет, то все дозволено». Теперь мы пожинаем плоды.

Со аременем религия исчезнет, я уверен. Но произойдет это не скоро. А насильстаенные меры аедут только к обратному результату. Русская праворлааная церковь, пройдя по мукам государственного террора, который можно сравнить разве что с преследоаанием христианства в первые века его существования, обрела терноаый аенец и особую притягательную силу.

Здесь перед нами астает ноаая ипостась религии — национальная, не менее важная, чем моральная. Атеизм безлик, он всюду одинакоа, у веры — лицо народа. Из истории русского народа прааославие не аычеркнешь; зто то, что сохранил он неизменным на протяжении десяти аеков своей истории. Пастыри благословили народ на ратный подаиг Куликова поля, на Полтавскую победу, на борьбу с Наполеоном. И ныне православная церковь выступает как симаол национального возрождения, потребность в котором давно назрела.

Русская религиозная философия взрастила одну категорию, неаедомую на Западе. Термин заимствоаан из церковного обихода — соборность. И содержание понятия взято оттуда же. Да позволено будет мне включиться в русскую соборность на правах неаерующего члена общины!

ОДОЛЕЕТ ЛИ МАФИЯ ПЕРЕСТРОЙКУ?

Сегодня существование в СССР оргвнизоввнной преступности не оспаривается. При избрании Съездом народных депутвтов СССР на пост Генерального прокурора СССР А. Я. Сухарев не только признал, отвечая на вопросы депутатов, существование в стране организованной преступности, но и подчеркнул тенденцию к увеличению ее удельного веса. Однако среди ученых и практических работников праеоохранительных органов до сих пор нат единства во взглядах на феномен организоеанной преступности. Это заметно и из предлагаемых читвтелю мвтеривлов «круглого стола», проведенного в журнвле «Родина». Для обсуждения проблемы в редакцию были приглашены: стершие следователи по особо важным делам при прокуроре РСФСР Б. И. Уваров и Е. П. Ильченко, научный сотрудник ВНИИ Прокуратуры СССР, квндидат юридических неук О. В. Пристанская, группв научных сотрудников ВНИИ МВД СССР А. С. Крылов, А. Н. Волобуее и Е. Б. Гвлкин.

Вел заседание «круглого стола» кандидат юридических наук Леонид НИКИТИНСКИЙ

МЫ ВСЕ — «СОУЧАСТНИКИ» МАФИИ?

О. ПРИСТАНСКАЯ. Преступность — в значительной мере продукт экономических отношений. Недавно в интервью с одним итальянским кинорежиссером прозвучала такая мысль: сицилийская мафия рядом с вашей просто детский сад. Тут нечему удиаляться, если исходить из сложиашихся зкономических предпосылок: у нас для организоанной преступности создалась чрезвычайно плодородная почва.

А. КРЫЛОВ. На Западе явление организованной зкономической преступности, не всегда точно обозначаемое термином «мафия», проникает прежде всего в те сферы, где сущестаующий общественный спрос не удоалетворяется легальным предложением: наркобизнес, азартные игры, проституция и т. д. Преступность очень мобильна и мгновенно находит любую щель, забытую легальной экономикой. У нас же кругом, куда ни сунься, даже не щели, а сплошные дыры. И если в США в 20-х годах группировка Лаки Лучано использовала свой шанс на бутлегерстве во времена «сухого закона», то у нас такие «шансы» возникают каждый день. Сегодня можно сделать бизнес даже на мыле, стиральном порошке, не говоря уже о мебели, запчастях к автомобилю, модной одежде.

Е. ГАЛКИН. Для оценки масштабов и возможностей организоанной преступности можно сослаться на оценки экономистов. Так, по расчетам доктора экономических наук Т. И. Корягиной, в теневой экономике обращается от 70 до 90 миллиардов рублей. Заведующий сектором ВНИИ прокуратуры В. В. Панкратоа также приходит к выводу, что каждый третий рубль бюджетных ассигнований, инвестируемый государстаом в зкономику, оказывается включенным в теневой оборот. Конечно, не ася экономика, охватывающая несанкционированные государством связи произаодства и сбыта, тождественна преступной экономике, однако значительная часть сумм оказывается в руках организованной преступности. А деньги, как известно, дают власть.

О. ПРИСТАНСКАЯ. Такие сверхприбыли от эксплуатации легальной экономики, какие извлекает организованная преступность у нас, американским гангстерам даже не снились. Кроме того, тамошним гангстерам приходится работать в поте лица. И ни в одной стране мира, я думаю, нет возможности делать деньги в таком количестве непосредственно из «аоздуха», как у нас. Миллиарды, расхищенные путем приписок,— абсолютно дармоаые, за ними не стоит никакой труд, никакая реальная продукция, будь это хоть бы смертоубийственные наркотики.

Б. УВАРОВ. Мне трудно согласиться с тем, что «у них» можно заработать в преступном бизнесе только трудом. Там тоже есть и банальные хищения, и изощренное надувательство партнеров и покупателей. Другое дело, что проаодить там подобные махинации гораздо сложнее. Ведь каждый бдительно следит за своей собственностью, не жалеет средств на ее охрану. Небывалый размах воровства у нас — это обратная сторона так называемой «общенародной» государственной собственности, превратившейся аничью.

И вот что парадоксально. Хищения основываются, с одной стороны, на расхлябанности, бесконтрольности в государственной легальной экономике, а с другой стороны, на строжайшем учете и дисциплине в тенеаой экономике. Мне пришлось расследовать большое и сложное дело о хищениях и азяточничестве на предприятиях местной промышленности. Возглаалял подпольное производство некто Якобашаили — опытный цеховик, наладиаший производство леаого трикотажа на предприятиях Чечено-Ингушетии. Вы бы видели, как у него были постаалены учет, дисциплина, насколько четко и умело он манипулироаал нормативами. Здесь экономия и бережливость не были пустыми лозунгами.

Л. НИКИТИНСКИЙ. Вы так ярко об этом рассказываете, Борис Иванович, что просто хочется крикнуть цеховикам «браво!».

Е. ИЛЬЧЕНКО. В определенном смысле они, конечно, молодцы. В теневой экономике, где люди работают на себя, элементарно достигается то, за что мы 70 лет безуспешно боремся

в госсекторе. Лентяй и ротозей из легального цеха, перемещаясь «в подполье», неузнаваемо прввбражается. Тут нет нужды принимать многословные постановления и разеивать «социалистическое сореанование», здесь действуют эффективные экономические стимулы высокопроизводительного труда».

Е. ГАЛКИН. И аыпускается, кстати, продукция, пользующаяся спросом, а полной мере учитыаается конъюнктура.

О. ПРИСТАНСКАЯ. На первый азгляд нам, вышедшим на рынок в поисках необходимого товара, действительно в таких случаях остается только радоааться. Например, по печально изаестным «трегубовскому» и «ростовскому» делам усматривается, что на торговых предприятиях, «курируемых» дельцами, а несколько раз возрос объем товарооборота, обеспечивался широкий ассортимент товароа, достигалась фантастическая экономия естественной убыли. Вот почему иные бывшие хозяйственники, осужденные по такого рода делам, порой предстааляют себя чуть ли не провозвестниками перестройки, закрыаавшими собственными телами зияющие дыры нашей зкономики. Однако это иллюзия.

Дельцы не брезгуют никакими способами увеличения прибыли, а возможности выкидывать на рынок неполноценный, недоброкачественный товар а условиях катастрофического дефицита многократно возрастают.

А. КРЫЛОВ. Кроме того, вся эта экономическая деятельность абсолютно неаозможна без сопутстаующих преступлений: хищений сырья, азяток за выделение фондов...

А. ВОЛОБУЕВ. ...Рэкета, убийств, когда они что-то между собой не поделили, и тому подобных «приятных» неожиданностей.

Б. УВАРОВ. Даже если бы не существовало сопутстаующей уголовщины, а выпускаемая цеховиками продукция асегда отличалась отличным качеством, все раено аплодировать было бы нечему. Всякий труд, как известно, создает прибавочную стоимость, но вопрос а том, кто ее присваиаает. Из легального цеха прибааочная стоимость идет в бюджет, распределяется затем в интересах общества. В подпольном же цехе ее присваиаают преступники, общество ничуть не богатеет и не прогрессирует в экономическом отношении.

Е. ИЛЬЧЕНКО. Действия работников, собственными руками создающих прибавочную стоимость, не асегда преступны, это зааисит от того, понимают ли они, во что воалечены.

Например, директор магазина принимает левый тоаар и реализует его, а продавец не знает, чем торгует: картошка ася одинаковая, откуда бы она ни поступила. Но такие ситуации в следстаенной практике встречаются все реже, потому что все научились хорошо считать. Непосредственные исполнители могут не знать деталей операции, но они кое о чем догадываются, следовательно, за молчание надо платить. Возможен и своеобразный расчет: продаацы не лезут в операции «шефа», а он прикрыаает их мелкую коммерческую деятельность, строящуюся на обсчете и обвесе покупателей.

Аналогичная ситуация на промышленных предприятиях, в строительстве, сельском хозяйстае, на транспорте. Все всё видят. Но трудность борьбы с приписками, с хищениями путем приписок в том и состоит, что они, хотя и разорительны для страны, сиюминутно аыгодны свмим исполнителям. Приписки дают возможность, работая вполсилы, жить безбедно, получать незаслуженные премии, которые быстро развращают коллективы трудящихся, приучают к дармоащине. С бунтами изнутри против приписок, как а фильме «Премия», я в саоей следстаенной практике что-то не встречался.

Вот еще одна проблема — «несуны». Начальство ворует по-крупному, рядовые работники — по мелочам, тех и других устраиеает экономический разаал, между ними заключается как бы молчаливый сговор: не закрывайте нам лазейки, и мы вас не выдадим. Я расследовал, например, дела по хищениям и взяточничестау на предприятиях пищеаой промышленности Волгограда, в частности на Волгоградском ликеро-водочном заводе. Там воровали все — от мала до велика. Директор «законно» имел 2—3 ящика водки ежедневно, рабочие — 2—3 бутылки, которые легко проносились за проходную.

Когда мы произносим слово «преступность», перед нами астает образ каких-то отпетых негодяеа. Так, недавно а «Советской России» было опубликовано сообщение о том, что на Волгоградском ликеро-водочном, «деятельность» которого была а свое аремя исследована в полном объеме, с выяснением причин и условий, способстаующих преступлению, с частными определениями суда, с передачей по Центральному телеаидению, опять все пошло по-старому: «несуны», хищения... Люди пришли новые, а порядки остались прежние. Значит, за словом «преступность» надо видеть не столько исполнителей, сколько социальное яаление.

Л. НИКИТИНСКИЙ. Мне понятно, почему молчали члены коллектива, рабочие: молчание аыгодно. Но ведь преступная деятельность такого размаха не может оставаться незамеченной контролирующими органами.

Е. ИЛЬЧЕНКО. Чего там — контролирующие органы! Весь город знал, любой мальчишка. Но водочные ручьи текли и а милицию, во внеаедомственную охрану, само собой, и а советские, и в партийные органы, да и населению, не имеющему к заводу прямого отношения, тоже кое-что перепадало. Купить бутылку со скидкой а неурочный час — плохо ли? Вот все и молчали, как, простите за каламбур, водки в рот набрали. А аы бы, если б случилась нужда купить такую левую бутылку, пошли бы рассказывать об этом в прокуратуру?

Е. ГАЛКИН. Сказать, что вся страна ворует, это было бы слишком, но уж, во всяком случае, думаю, многие, очень многие не побрезгуют аоспользоваться ворованным. Такоао состояние потребительского рынка, с течением лет обусловиашее и соответстаующую психологию народа. И в этом смысле мы все так или иначе подыгрываем мафии...

Л. НИКИТИНСКИЙ. Что ж получается: пора всю страну огородить колючей проволокой?

Е. ИЛЬЧЕНКО. Если поступать буквально по закону, то по иному хозяйственному делу на скамью подсудимых надо сажать человек по пятьсот. Но это же нонсенс! Значит, тут что-то не так либо в законе, либо а самой нашей действительности. Мы и впрямь огорожены, но не колючей проволокой, а ложными постулатами, извращающими нормальное развитие экономических отношений.

О. ПРИСТАНСКАЯ. И вот на этой-то клумбе и расцветает пышным цветом организованная преступность.

«ТРУДЯГИ» И «БЮРОКРАТЫ» ПРЕСТУПНОСТИ

А. КРЫЛОВ. Журналисты порой отождесталяют организованную преступность с хозяйственной, включая сюда зоны поаышенной криминогенности, возникающие вокруг крупных хозяйственных афер, пахнущих деньгами. Однако, на наш взгляд, понятие «организоаанная преступность» не должно ассоциироваться исключительно с «громкими делами». Скажем, квартирные кражи, раньше большей частью стихийные, также имеют тенденцию складываться в организованные формы.

Доверительно беседуя а колониях с квартирными ворами, от многих мы слышали, что жить людям этой «профессии» стало легче и удобнее. Раньше «домушник», работааший е одиночку или с соучастником, сам присматривал объект, изучал подходы и отходы, распорядок жизни хозяеа, сам вскрывал, воровал, увозил, предаарительно договорившись с транспортом, сам сбывал краденое, подвергая себя риску на каждой из этих операций. Теперь произошло разделение труда, в результате которого за ним осталась одна функция: аскрыть и обчистить квартиру — об остальном позаботятся другие.

Вот как описывал свой способ действий один из моих собеседникоа в колонии: мне звонят из другого города, билет на самолет уже заказан, в азропорту прибытия ждет машина, меня подводят к квартире, на адрес я дажа не гляжу, безопасность гарантируатся, мое дело взять что нужно и сдать барахло тому, кто за рулем. Если второго объекта нет, я тут же уезжаю на азродром прямо к трапу с деньгами — вот и все. Я не знаю, говорит он, кто проводит подготовительную работу, кому сбывается товар, единственно, что меня заботит,— это полное доверие лицу, аышедшему со мной на связь...

Л. НИКИТИНСКИЙ. Естественно, при такой постаноаке дела гораздо ниже шансы на раскрытие кражи, Не этим ли объясняется рост этого вида преступности?

А. ВОЛОБУЕВ. И не только этого. По такой же схеме могут исполняться специально выписанными из другого города людьми «заказные» убийства, ограбления, рэкетирские налеты...

Но и это еще не все, если говорить о разделении функций. Ведь у того же самого вора есть свои челоаеческие потребности, как у нас с аами, только повыше. Например, он хочет купить жене шубу, устроить ребенка в престижный вуз, получить в отеле «Ялта» номер люкс... Для этого существует теневая сфера обслуживания, работающая исключительно на преступность, своего рода профсоюз. «Профсоюз» обеспечивает занятость и отдых, в случае провала нанимает лучших адвока-

тов, выплачивает пенсию семье за время пребывания в местах лишения свободы и единовременное пособие по возвращении. Возникла группа лиц, которые за приемлемые отчисления взяли на себя околокриминальные и некриминальные заботы преступника-профессионала. Это чрезвычайно опасно, потому что высвобождает исполнителю больше времени для совершения преступлений, увеличивает коэффициент его «полезного» действия.

Е. ГАЛКИН. Согласно нашей теории, разработанной авторским коллективом ВНИИ МВД, этот преступный профсоюз имеет тенденцию постепенно отрываться от тех, кого он обслуживает, обюрокрачиваться, из полезного конкретным преступникам органа превращаться в их паразита... Тем самым в преступном мире происходит расслоение на «трудяг» и «бюрократов», а основном без особого напряжения и риска для снимающих пенки. Теперь сравните: сколько краж, скажем, совершит квартирный вор, если ему надо прокормить только себя, и сколько — чтобы прокормить растущий «профсоюз»...

А. ВОЛОБУЕВ. Тут важно, на мой взгляд, понять главное: принимая на себя выполнение околокриминальных функций, люди из «профсоюза» сами оказываются вне пределов досягаемости уголовного права. В их поведении нет почти ничего, что подпадало бы под действующие статьи уголовного кодекса. В силу своей недосягаемости они становятся особенно опасны. Вылавливая исполнителей, правоохранительные органы стригут вершки, оставляя в земле корешки, а недосягаемые лидеры продолжают вербовку новых солдат для преступной армии...

А. КРЫЛОВ. Да, сеть уголовной ответственности эластична, но не беспредельна, она никак не покрывает эту вершину организованной преступности. Мы в своем коллективе ввели даже особый термин для обозначения такого рода явлений, не укладывающихся в привычные рамки криминологического мышления — «паракриминология».

Б. УВАРОВ. Теоретики, одно слово. Не знаю, я расследовал десятки уголовных дел, а причастен был к расследованию сотен, и ни разу ни с чем таким «паракриминальным» не встречался. Всяческих прилипал вокруг преступности полным-полно — от официантов в ресторане до милицейских чинов. Не так давно за помощь преступникам был приговорен к расстрелу начальник следственного отдела прокуратуры одной из республик. Но чтобы они брали какую-то мистическую власть над преступностью, да еще приобретали какой-то иммунитет...

Е. ИЛЬЧЕНКО. Иммунитет-то как раз существует, но не потому, что нет состава в уголовном кодексе, а потому, что определенные силы мешают расследовать дела на всю глубину, рубят концы. Вот это, я считаю, и есть мафия. Как доходишь до определенной точки, так начинается противодействие. В принципе же при надлежащем обеспечении и отсутствии противодействия можно разобраться с любым делом и привлечь к ответственности всех, кто причастен к преступлению. Не напрямую — так за соучастие. Осудили же Чурбанова, как, впрочем, и других влиятельных чиновников...

А. ВОЛОБУЕВ. Вы нас не поняли. В нашей концепции лица, подобные Чурбанову,— всего лишь винтики (хотя и немаловажные) в действующем механизме организованной преступности, но это не его сердце. Такие люди, по нашей концепции, осуществляют не мозговую разработку операций, а всего лишь функции прикрытия, безопасности для деятельности системы в целом, и прежде всего для ее верхних эшелонов.

Л. НИКИТИНСКИЙ. Но кто же тогда представляет мозговой центр? Вы видели этих таинственных деятелей? Можете назвать конкретные фамилии?

Е. ГАЛКИН. Да в том-то и штука, что мы не можем положить на стол такой же том уголовного дела, какой я вижу в руках Бориса Ивановича Уварова. Нет таких дел, потому что деятельность элиты уголовного мира надкриминальна, здесь порочный круг.

А. ВОЛОБУЕВ. Отчего же, некоторых можем и назвать, только это опять же ничего не даст. Например, ныне покойный В. Кучулория, «вор в законе», известный в своем мире как «Песо», которого недавно с присущими его статусу почестями похоронили на Ваганьковском кладбище столицы. Последние годы он проживал в Москве, несмотря на отсутствие прописки и многочисленные судимости. Московская милиция знала об этом и в определенной мере контролировала жизнедеятельность «авторитета». Сам он каких-либо преступных действий не совершал, но имел громадные доходы именно от преступности. По имеющимся сведениям, он выполнял в системе определенные управленческие функции, представлял в столице интересы «воровских» кланов южных регионов страны, являясь их «куратором». Выполнял он и «арбитражные» функции, разрешая споры между конкурирующими группировками. Вот он — типичный бюрократ организованной преступности, хотя, по-видимому, далеко не самый главный. По сей день в Москве живут и «работают» подобные ему лица. Однако о них, по понятным соображениям, говорить пока рано.

А. КРЫЛОВ. В места лишения свободы время от времени попадают не только исполнители конкретных преступлений, то есть низший эшелон, не только коррумпированные представители групп обеспечения и безопасности, но и отдельные «крестные отцы» организованной преступности. И все же это скорее исключение, чем правило, да и исключение весьма сомнительного плана. Ведь инкриминируется им отнюдь не организационная деятельность и даже не террор в отношении других преступных элементов. С этой точки зрения они формально чисты, они попадаются чаще всего на какой-нибудь мелочевке.

Например, Сергей Васильев, «теневой губернатор» Ленинграда, организатор огромной сети преступного бизнеса, был осужден за мошеннические действия при купле-продаже машин. Многие грузинские «воры в законе», чья деятельность сродни «работе» героев кинобоевика с аналогичным названием, были арестованы за хранение наркотиков и оружия, ведение паразитического образа жизни, нарушение правил административного надзора. Ничего более существенного в отношении их доказать не удалось. Следствие было бессильно.

Е. ГАЛКИН. Мы понимаем скептическое отношение к нашей теории, которая пока не может быть в достаточной мере подкреплена конкретными фактами. Но мы не следователи, а исследователи. Нам не обязательно видеть все без исключения элементы объекта, чтобы конструировать гипотезу о его существовании, строении и динамике. Астрономы сходным образом определяют местонахождение и параметры планет еще до того, как их удается разглядеть с помощью телескопов. Вот такой «техники» мы пока еще не имеем, чтобы разглядеть лидеров организованной преступности в толпе других денежных людей, а может, и скромников. Вместе с тем мы уверены в существовании и консолидации таких сил, на это указывают существующие тенденции.

О. ПРИСТАНСКАЯ. Соображения группы научных сотрудников ВНИИ МВД о появлении своеобразной бюрократии от преступности не лишены логики, но «профсоюз» был бы беспомощен без нормальной нашей советской бюрократии. Во многих случаях, возможно, это даже одни и те же лица. Вот фронт, в сторону которого надо в первую очередь повернуть наше оружие.

«МАФИЯ» И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ

Е. ИЛЬЧЕНКО. Как практический работник, я полагаю, что никаких особых «крестных отцов» нашей доморощенной мафии не существует. Тем более недосягаемых для закона. А вот мысль о выделении организованной преступностью собственной бюрократической прослойки чрезвычайно интересна. В то же время мне кажется, что понятия «бюрократы от преступности» и «преступники от бюрократии» тождественны: это одни и те же наши хорошие знакомые — коррумпированные бюрократы.

А. КРЫЛОВ. Если уж определять взаимоположение этих групп, то они не тождественны, а скорее имеют вид пересекающихся окружностей. Конечно, было бы нелепостью утверждать, что все чиновничество коррумпировано, но коррумпирована его определенная часть, это факт. С другой стороны, часть лидеров преступности занимает ответственные посты в государственном управлении. Однако в рядах преступной «бюрократии» есть и лица, вроде упомянутого Песо, которые лично никаких служебных постов не занимают, но играют в структурах организованной преступности чрезвычайно важную, ключевую роль.

Е. ГАЛКИН. Конечно, по отношению к массе бюрократии говорить о ее «преступности» допустимо лишь фигурально. Но даже там, где легальная бюрократия и бюрократия от преступности не имеют непосредственных и откровенных контактов, они имеют общие интересы, например, в пролонгации экономической неразберихи, которые четко осознаются. Преступность, если иметь в виду ее хозяйственную сферу, эффективно использует командно-административную систему в экономике, но она же служит опорой и легальной бюрократии. Зачем представлять себе так примитивно, будто они собрались на какое-то совещание и обо всем договорились? Согласованные действия возникают из факта наличия общих интересов. Я не думаю, например, что все, кто шикал на академика Сахарова на Съезде народных депутатов, предварительно договорились или получили команду свыше. Это на уровне инстинкта, который безошибочно указывает наиболее целесообразное (в конечном итоге) поведение.

О. ПРИСТАНСКАЯ. Разделяя мысль о существовании в преступности так называемой бюрократической прослойки, я считаю, что сам термин «бюрократ» по отношению к лидерам организованной преступности неудачен. «Бюрократ» — это карикатурно, а мне рисуется, напротив, тип энергичного, знающего, подтянутого, преуспевающего преступника, который наряду со своей теневой преступной деятельностью отлично справляется и с официальными должностными обязанностями. Вернее будет назвать его менеджером преступности.

Наиболее опасный наш враг — это человек, отлично интегрированный в две параллельные структуры: государственной власти и организованной преступности. Это актер, успешно совмещающий две несовместимые на первый взгляд роли. В одном кармане у него партбилет, а в другом — взятка?

Б. УВАРОВ. К сожалению, в последнее время и партбилет не служит гарантией честности, а тем более бескорыстия, и зачастую на вершинах пирамид мафии восседают партийные «бонзы» соответствующих регионов. Дела в Узбекистане являют тому наглядный пример.

Впрочем, я считаю, что даже высокоорганизованная преступность, в том числе связанная через коррупцию с органами власти, еще не дает возможности говорить о мафии. Например, подпольный цех, ворочающий миллионами, за взятки выбивающий сырье и еще прикармливающий местную милицию,— это еще не мафия. Мафия же начинается там, где преступность не просто связывается, соприкасается с легальными структурами власти, но начинает активно проникать в них, приспосабливать их для своих нужд, а то и переделывать в своих интересах. Преступность, приобретающая право голоса в решении вопросов государственной политики,— вот это и есть мафия. По моей оценке, мы ее имеем и в этом смысле не отстаем от Запада.

Л. НИКИТИНСКИЙ. Мы подошли к вопросу, который я считаю центральным для нашей беседы. Если организованная преступность приобретает реальный голос в вопросах государственной политики, то как она этим голосом воспользуется? Каково отношение организованной преступности к перестройке?

О. ПРИСТАНСКАЯ. Однозначного ответа тут быть не может. Ведь и преступность далеко не однородна. На высоком уровне организации обостряется социальная стратификация в ее рядах. Возьмем, например, взаимоотношения между «цеховиками» и теми должностными лицами в легальных структурах власти, которые занимаются за взятки их обеспечением. По терминологии моих коллег первые скорее относятся к «работягам», а вторые к «бюрократам» — отсюда и разница в их отношении к новым веяниям в экономической политике.

«Работяги», по моей оценке, готовы с известными оговорками проголосовать за перестройку. Многие так называемые цеховики это уже сделали, легализовавшись и перейдя на официальное положение кооператоров. В кооперативах они «отмыли» нажитые преступным путем деньги, но, по-моему, это не самое страшное, и с этим мы должны согласиться как со свершившимся фактом. Тем более что иным путем мы бы этих денег все равно не увидели, а теперь они при должной организации финансовой службы должны попасть в поле зрения государственного финансового контроля. Легализуясь, бывшие цеховики уже не могут, как правило, рассчитывать на прежние сверхдоходы, да и налоги платить придется, но они рассматривают это как приемлемую плату. Зато теперь не надо ощущать себя каждую минуту под дамокловым мечом уголовного кодекса.

Б. УВАРОВ. Позвольте конкретный пример. Я уже немного рассказывал о Якобашвили — «великом» трикотажнике из Чечено-Ингушетии. К сожалению, он умер, не дожив до закона о кооперации, а это была его голубая мечта. Мы с ним, кстати, нашли отличный контакт, интереснейший был собеседник. Он мне признавался не раз: «Я не люблю воровать, а что делать?» Брался наладить любое государственное производство за оклад в 10 тысяч рублей в месяц, так он себя оценивал, и я вас уверяю, он бы это сделал. Вот он не только пошел бы в кооперацию, но и был бы здесь очень полезен, и перестройка, как ни парадоксально это звучит, могла бы получить мощного союзника в лице этого человека, считавшегося преступником по тем временам.

О. ПРИСТАНСКАЯ. Спасибо, Борис Иванович, я продолжу. Итак, преступникам-«работягам» перестройка выгодна, если они не страдают чрезмерными аппетитами, а они, будучи людьми реалистичными, такими аппетитами, как правило, не страдают. Но совсем иначе относятся к хозяйственной реформе коррумпированные бюрократы, у них она буквально выбивает почву из-под ног. Создание в перспективе рынка оптовой торговли орудиями и средствами производства для них просто смертельно: в отсутствие лимитов и фондирования не за что и взятку взять.

Е. ИЛЬЧЕНКО. Рано вы их хороните, Ольга Валентиновна. Бюрократия недолго паниковала, а затем осуществила свою собственную перестройку. Когда вопрос касается личных доходов бюрократа, куда только девается его карикатурная неповоротливость! Коррумпированная часть бюрократии быстро переориентировалась на кооперативы, которые сейчас вынуждены давать взятки за все: за регистрацию, помещение, санитарное удостоверение, чуть ли не за право дышать воздухом. К тому же у «бюрократов» преступности в руках больше реальной власти, чем у «работяг», пользуясь терминологией Евгения Борисовича Галкина. «Работягам», чтобы реализовать свои интересы, созвучные перестройке, потребуется подкупить новых бюрократов, чтобы противопоставить их старым.

Да и оптовая торговля у нас не завтра открывается, думаю, что и не послезавтра. До тех пор — дефицит и карточная система, как бы это ни называлось, и бюрократия здесь сохраняет свои приоритеты. Но в дальней перспективе перестройка в экономике коррупционеров, конечно, страшит, поэтому я согласен: это враги перестройки и, наверное, самые ярые.

Л. НИКИТИНСКИЙ. Способен ли этот враг наносить скоординированные удары по перестройке, способна ли организованная преступность выработать и осуществлять цельную программу борьбы с теми силами в политическом руководстве страны и регионов, чьими усилиями осуществляется перестройка?

А. КРЫЛОВ. Что касается потенциальных возможностей организованной преступности наносить весьма ощутимые удары по перестройке, то они несомненны. Но для чего это ей нужно? Я не совсем согласен с выступавшими здесь товарищами. Коррумпированной бюрократии перестройка действительно поперек горла, и она ее всячески тормозит, это очевидно. Но ведь по нашей концепции не коррумпированная легальная бюрократия играет в организованной преступности первую скрипку. Высшие ее эшелоны, по-моему, пока присматриваются, ищут возможности приспособить для преступных целей новые политические и экономические структуры и уже находят такие возможности, в частности применительно к кооперации.

А. ВОЛОБУЕВ. Вряд ли правильно говорить, что система организованной преступности в СССР к сегодняшнему дню сложилась окончательно и представляет собой своеобразное теневое министерство с четко унифицированной структурой, единым руководящим центром, хотя и отрицать саму возможность существования подобного мозгового ядра, по-видимому, неверно. Вместе с тем разделять это явление непроходимыми перегородками на региональные («узбекскую», «московскую», «ленинградскую») или отраслевые («рыбную», «торговую», «хлопковую») «мафии» столь же неразумно, как пытаться составить представление о целостном организме по отдельным его органам вне их взаимосвязей и взаимозависимости. На мой взгляд, организованная преступность — явление целостное, более того, имеющее тенденцию к монополизации и контролю за всеми сферами, приносящими доходы от того или иного бизнеса. О структурном единстве этого организма свидетельствуют многочисленные данные о разделе сфер влияния, о все большем распространении института «третейского суда», о сходках, вырабатывающих общую стратегию поведения преступного мира. Например, в интервью с первым заместителем министра внутренних дел Узбекистана Э. Дидоренко, опубликованном в феврале этого года в газете «Ташкентская правда», сообщалось, что в последнее время на территории республики зафиксировано до десяти межрегиональных сходок «воров в законе» с участием общесоюзных «авторитетов», где решались стратегические вопросы преступной деятельности. Правоохранительные органы располагают и данными о других сходках.

В развитии организованной преступности четко прослеживается тенденция

к консолидации, к принятию форм законченной пирамиды. Гипотетически все это может привести к ситуации, когда все нити организованной преступности окажутся стянутыми в один узел в руках достаточно узкой группы лидеров. Чисто теоретически нельзя отрицать и перспективы захвата ими государственной власти, хотя я сомневаюсь, чтобы они захотели взвалить на себя такое бремя. Ведь располагая отлаженным механизмом, включающим в себя коррумпированных руководителей из высших эшелонов власти и управления, можно эффективно влиять на принятие политических, экономических и социальных решений, оставаясь в то же время в тени. Думаю, что только в этом смысле можно говорить о политизации организованной преступности.

«ЛИФТ» МЕЖДУ ЭТАЖАМИ ПРЕСТУПНОСТИ

Л. НИКИТИНСКИЙ. Вспоминаю моих друзей, несколько лет проживших в Нью-Йорке. По их рассказам, что называется, из первых рук я знаю, что криминогенность этого государства — не выдумка советской пропаганды: по некоторым районам действительно ходить пешком может только сумасшедший. Но моим друзьям повезло: они жили в доме, примыкающем к парку, где расположены виллы заправил мафии.

Да-да, именно так, вполне официально. Все знают, что здесь живут мафиози, но демократическая юстиция ничем не может их зацепить. Думаю, что мы тоже однажды можем дожить до того дня, когда любой школьник сумеет вам сообщить имена и адреса городских мафиози — это один из парадоксов и издержек правового государства. Но суть не в этом, а в том, что этот парк — единственное место в Нью-Йорке, где можно безбоязненно гулять и днем, и ночью. Потому что мафиози поставили условия «стихийным» американским громилам: грабьте, ребята, где хотите, а нам около дома неприятности не нужны...

Можно ли делать вывод о том, что крупная организованная преступность вытесняет и подавляет слабую неорганизованную? Ведь рядовому гражданину последняя кажется наиболее страшной. Крупному воротиле мой тощий кошелек неинтересен, а мелкий «неорганизованный» хулиган меня за него прирежет...

А. КРЫЛОВ. Абсолютно неправильная, ложная точка зрения. Мафия не вытесняет «слабую неорганизованную преступность», как вы выразились, а организует ее, делая мощной и эффективной. Когда пресса приводит факты расправ над кооператорами, перестрелок между конкурирующими группировками и интерпретирует их как апофеоз организованной преступности, здесь проявляется незнание предмета. Если еще вспыхивают перестрелки, если еще видны на поверхности конфликты внутри преступной среды в регионе — значит, она еще не так сильна, идет борьба за лидерство. Вот когда наступит тишина, как в нью-йоркском парке... Тогда писать и говорить об организованной преступности будет поздно.

А. ВОЛОБУЕВ. В рамках какого-то более или менее ограниченного региона организованная преступность, если она имеет каналы воздействия на традиционную, может на какое-то время поставить последнюю в определенные рамки, создать даже видимость порядка. Например, когда в исправительно-трудовую колонию приходит «вор в законе», здесь, как правило, прекращаются стихийные драки и членовредительство, кражи — то, что на их языке называется «беспредел». Однако этот вор, контролирующий ситуацию, может в любой момент, когда ему выгодно, инспирировать беспорядки, да такие, какие сами по себе, стихийно, не возникают.

Е. ГАЛКИН. У нас есть данные о растущем влиянии организованной преступности на стихийную. Начавшись со смычки «цеховиков» с наиболее организованными бандами, «работающими» в сфере насильственной преступности, ныне «профсоюз» стремится распространить свое влияние на всю преступную и околопреступную деятельность вообще, во всех ее проявлениях.

В Грузии мы столкнулись с таким явлением, как регулярный сбор денег со школьников в так называемый «общак» — тайную преступную кассу взаимопомощи и подкупа. Когда стали разбираться, установили, что в каждом классе и в каждой школе был назначен старший за сбор «общака» из школьников или даже из учителей. Наряду с этим он выполнял руководящие, организующие функции и в других вопросах, этого школьного «пахана» все обязаны были слушаться. И ниточка от «паханов» потянулась — догадываетесь, куда? К тбилисским «ворам».

Казалось бы: для чего им жалкие школьные пятаки и гривенники? Дело, конечно же, не в пятаках, а в насаждении определенных привычек и стереотипов поведения, в том, чтобы с младых ногтей приучить каждого к мысли, что существует «общак», «закон», твой «пахан», а где-то за ним — «вор», в общем — параллельная структура власти.

Параллельно физическому взрослению будет расти и размер дани в «общак». Наступит день, когда он окажется не по карману честному человеку, и система вынудит заниматься преступным бизнесом в той или иной форме. Кстати, лидерам организованной преступности нет дела до того, как собирается дань, как зарабатывают рядовые члены преступного сообщества: воруют ли, спекулируют или грабят. Но отказ от платы в «общак» рассматривается как серьезное нарушение «воровского закона», поэтому влияние его на уровень преступности огромно.

А. КРЫЛОВ. Эти и другие данные позволяют нам формулировать вывод об идеологизации преступности, ведущейся вполне сознательно, целенаправленно и с возрастающей интенсивностью. По результатам опроса тех же тбилисских школьников «вора в законе» они рассматривают как одну из наиболее престижных «профессий». Разве не производят впечатления пышные похороны «воров», о которых время от времени доходят сведения из разных точек страны? Какой в них смысл, если учесть даже и риск «засветки»? Смысл только в идеологизации преступности, в пропаганде этого образа жизни.

А. КРЫЛОВ. На процесс идеологизации преступности указывают также записки, перехваченные в местах лишения свободы, так называемые «малявки» авторитетов зазаборного мира. Что в них, вы думаете? Планы побегов или новых дерзких ограблений? Ничего подобного. Чаще всего обсуждаются вопросы воровской этики и статуса. Кажется, стоило ли преодолевать огромные сложности, рисковать штрафным изолятором, нести немалые расходы, чтобы сообщить, что, например, «Вася бакинский» отказывает «Мочалке» в статусе «вора в законе», так как в последней колонии «Мочалка» носил нашивку бригадира? Да, стоило. Именно так совершенствуется криминальная структура, проводится кадровая политика, оттачивается идеология.

Е. ГАЛКИН. Теперь сопоставьте это с кризисом официальной идеологии, с девальвацией ценностей, пропагандируемых школой, комсомолом. И тут поспевает «воровская» эрзац-идеология, которая находит отклик в «романтизированной» душе подростка. Так готовится почва для влияния организованной преступности на молодежь. Она получает в свое распоряжение отряды не только физически, но и идеологически подготовленных «боевиков».

А. ВОЛОБУЕВ. Кстати, на мой взгляд, обоснованно выглядит версия о том, что массовые беспорядки, вспыхнувшие в последнее время в закавказских республиках, где очень сильно влияние организованной преступности, замешены не только на национальном вопросе. Копившиеся здесь годами проблемы межнациональных отношений, проявившиеся первоначально в более или менее спокойных формах, в дальнейшем, по-видимому, были использованы лидерами организованной преступности. Разжигание конфликтов до крайних экстремистских проявлений давало и дает по сей день возможность отвлечь внимание и значительные силы правоохранительных органов от преступников в сфере хозяйственной деятельности, десятилетиями грабивших страну.

А. КРЫЛОВ. Наиболее яркий пример этого, вероятно, и события в Ферганской долине. Предположения о том, что за ними стоит организованная преступность, не раз высказывались в прессе, об этом же свидетельствуют и участившиеся накануне событий «воровские» сходки в Узбекистане. Я не думаю, что самим теневым лидерам организованной преступности понадобилась эта кровавая вакханалия, скорее они выполняли социальный заказ терпящей крах скоррумпированной бюрократии. Я сейчас рассуждаю теоретически, на уровне гипотезы, пока нет прямых данных, которые могли бы ее подтвердить. Хочу лишь обратить внимание на такой момент: чтобы организовать массовые беспорядки в таких масштабах, одновременно в нескольких местах, необходимо иметь широкую и отлаженную агентурную сеть. Не считая тех органов, которые мы сами представляем, нет другой силы, способной провести такую операцию, кроме организованной преступности. На сегодняшний день она имеет возможность развязать «мешок с чертями», воспользоваться своим влиянием на определен-

ную часть населения и сознательно интенсифицировать стихийные преступные проявления, чужими руками нанося удар по перестройке в своих собственных интересах или в интересах своих союзников.

О. ПРИСТАНСКАЯ. Я хотела бы обратить внимание еще на один аспект взаимодействия преступности на высших «элитарных» и низших «простонародных» этажах: через идеологию и нравственный климат в обществе. При всем негативном отношении, например, к рэкету, нельзя не признать за этим явлением некоторых, если хотите, моральных оснований. Организованная преступность, ворочающая миллионами, кичливо выставляющая напоказ свою роскошь, настолько усиливает несправедливое имущественное расслоение в обществе, создает такую атмосферу в области нравственности, в которой зависть и агрессия проявляются с такой же неумолимостью, как гром и молния из грозовой тучи. Воротилы от преступного бизнеса взвинчивают цены на рынке, делая наиболее престижные товары (автомобили, например) почти недоступными для среднего гражданина, ведущего честный образ жизни. А ведь всем, особенно молодежи, хочется выглядеть не хуже других. Относительное обнищание толкает слабых духом на преступную дорожку. Это почва для рэкета, спекуляции всех мастей, для околопреступного поведения, в частности проституции. Я считаю, что пока мы не подорвем основы организованной преступности, мы не создадим и предпосылок для борьбы с ее традиционными проявлениями.

БОЙ С ТЕНЬЮ?

Л. НИКИТИНСКИЙ. Таким образом, скачкообразный рост преступности, совпавший с опубликованием впервые за долгие десятилетия судебной статистики, что вкупе так напугало обывателя, логично связывается с давними, растущими из застоя, явлениями кристаллизации организованной преступности...

О. ПРИСТАНСКАЯ. По крайней мере это важная причина наряду с переживаемыми страной экономическими трудностями.

Л. НИКИТИНСКИЙ. Я акцентирую на этом внимание, потому что в общественном мнении рост преступных проявлений связался с перестройкой в области права, с определенной гуманизацией уголовно-правовой политики.

А. ВОЛОБУЕВ. Вероятно, это нельзя исключать, в частности влияние амнистии 1987 года, изменений в правоприменительной практике.

Е. ИЛЬЧЕНКО. Мы, следователи, работники прокуратуры, обеими руками за демократизацию. Однако, начиная политику демократизации, не следовало забывать простую истину: демократия без законности — это анархия. Следовательно, развертывая демократизацию сверху, необходимо было одновременно всемерно укреплять правоохранительные органы, их аппарат, что своевременно сделано не было. Наоборот, «наверху», видимо, решили, что в условиях правового государства к услугам прокуратуры и милиции придется прибегать все реже.

Получилось так, что первым перестроился суд, захотел быть справедливым в глазах общественного мнения, ему это легче как наиболее независимому органу. Суды начали возвращать на доследование дела, которые по меркам прежней судебной практики успешно рассматривались, а мы, следователи, к этому оказались не готовы, да! В результате сейчас следственный аппарат растерян. Разбегаются, уходят лучшие кадры, остаются новички, которые не в состоянии за отсутствием опыта провести крупное дело. Где же им бороться с акулами организованной преступности! Я не говорю уже о том, что вооружены мы одной самопиской да сапожной иглой, чтобы сшивать тома дела, как при царе Горохе...

Б. УВАРОВ. При царе-то, я думаю, у следователя нашего помощников было, и сам он был — фигура! Не слуга аппарата, как сейчас, на которого каждый, кто при кресле, может цыкнуть... У меня в бригаде работал сильный следователь, некто Лопаткин, умница! Вдруг привозит мне из командировки «пустышку», объясняет: ничего не могу доказать. Получилось потом наоборот: против него доказали — взятка, 12 лет лишения свободы. Но я знаю, что это был талантливый следователь. И, может быть, не последнюю роль в том, что он сломался, сыграло положение следователей у нас в стране, их нищенская зарплата, унизительный статус.

Е. ИЛЬЧЕНКО. Тут надо со всей прямотой и резкостью сказать, что улучшением обеспечения и положения следственного аппарата до последнего времени никто не был озабочен. В результате мафия хозяйничает, наглеет, отмывает деньги в кооперативах, а ни одного крупного дела по хищениям или коррупции за последние год-два вы в судах не найдете. Ни одного!

Михаил Сергеевич Горбачев на апрельском (1989 г.) Пленуме ЦК сказал замечательные слова (я процитирую): «Повторяясь из года в год, безхозяйственность привела к тому, что на ней образовалась, расплодилась, жирует целая система паразитических элементов. Система, которая сеет вокруг себя семена коррупции, хозяйственных и уголовных преступлений, антиобщественной морали. Система, которая защищает условия своего паразитирования, причем во многих случаях не без успеха».

Сказано отлично, но с опозданием на четыре года. Об этом надо было кричать, начиная перестройку и демократизацию, соответствующим образом надо было строить и отношения с судебно-следственными органами. Сейчас придется наверстывать упущенное...

Л. НИКИТИНСКИЙ. Безусловно, положением в правоохранительных органах мы все крайне обеспокоены. Это прозвучало и в докладе М. С. Горбачева Съезду народных депутатов СССР, где было предложено принять незамедлительные меры для исправления положения. Но давайте подведем итоги нашему разговору об организованной преступности, определив (на нашем уровне, разумеется) направления борьбы с этим грозным явлением.

Б. УВАРОВ. В США не первый десяток лет работает специальная сенатская комиссия по борьбе с мафией, при комиссии действует специальное научное подразделение. У нас же пока нет даже четко сложившихся групп, работающих в этом направлении. А. И. Лукьянов при избрании его на пост заместителя Председателя Верховного Совета СССР сказал, отвечая на вопросы депутатов, что необходима программа войны с преступностью, в которую будут включены все элементы политической и экономической системы. Я считаю, что такая программа должна быть утверждена на уровне Верховного Совета СССР, что необходима специальная комиссия Верховного Совета СССР по борьбе с организованной преступностью.

А. КРЫЛОВ. Я согласен с тем, что это должен быть орган межотраслевой, межрегиональный и самого высшего уровня. Недавно в МВД СССР, в МВД союзных республик и УВД некоторых областей созданы специальные подразделения, перед которыми поставлена цель борьбы с организованной преступностью. Но эта задача не решаема только теми средствами, которыми располагает милиция или Комитет государственной безопасности. Чтобы понять механизм событий, происшедших, например, в Фергане, мало провести тщательное уголовное расследование. Надо вникнуть и в экономические условия, и в социальные, культурные, религиозные связи, во все местные особенности. Поэтому я считаю, что проблемами организованной преступности должны заниматься комплексные научные подразделения с правом привлечения в случае необходимости специалистов самого различного профиля.

Б. УВАРОВ. По линии чисто правоохранительной полезно было бы создание самостоятельного Следственного комитета СССР, структурированного по вертикали, выведенного из подчинения как Прокуратуры СССР, так и МВД СССР. Это позволило бы создавать мобильные бригады следователей с исключительными полномочиями. Они должны вести не только непосредственно следствие, но и проводить подготовительную работу на местах. Ведь, наверное, я не открою секрета, если скажу: успех следствия, особенно в борьбе с организованной преступностью, обеспечивается задолго до его начала. Сейчас предварительный этап обеспечивается оперативными службами на местах, но они, с одной стороны, могут быть коррумпированы, а с другой, пытаются давить на следствие с позиций своего «оперативного», часто бездоказательного, образа мыслей.

Е. ГАЛКИН. Все же рассуждения об «исключительных полномочиях», да еще «до начала следствия» заставляют меня вздрогнуть. Где начинается «исключительность» — там уже граница законности, и соответствующие исторические уроки мы проходили.

Б. УВАРОВ. В определенной мере надо рисковать, ситуация к этому обязывает. Поверьте, мы не пойдем на нарушения законности ради спортивного интереса. А если оступимся, преступим границу (ведь следователю часто приходится ходить по ней), пусть

за нами надзирает прокурор. Выделение следствия в особую службу позволит прокуратуре четче и строже осуществлять надзор за ним. Мы против нарушений законности, но требуем, чтобы и нам не мешали работать по закону.

А. КРЫЛОВ. Необходимо устранение пробелоа в уголоаном законодательстве, которое было принято в 60-х годах и не отвечает современному состоянию преступности. Прежде она не знала таких качества, как аысокая организация, специализация и разделение ролей, существование мозговых центров, занимающихся чисто стратегическими вопросами, организующих не конкретные преступления, а жизнедеятельность крупных преступных конгломератов в целом. Лица, занимающиеся такой деятельностью, при всей их крайней общественной опасности, по действующему уголовному законодательству не могут быть привлечены ни к какой ответственности, а том числе через юридический механизм соучастия. Необходимо разрабатывать какие-то ноаые конструкции. Однако опубликованный проект Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик не только не облегчит, но, пожалуй, затруднит борьбу с организованной преступностью.

Е. ИЛЬЧЕНКО. Считаю, что в изменениях нуждается не только уголовный кодекс, но и уголовно-процессуальный. Пора пересмотреть с учетом развития научно-технического прогресса вопрос о допустимости доказательств, отнеся к их числу часть тех материалов, которые сегодня известны под названием «оперативных»: видеомагнитофонные записи и фотографии как фактические улики, звукозаписи телефонных разговоров и другие. Не пугайтесь, асе это должно быть обставлено строжайшими процессуальными гарантиями: протоколами, участием понятых, санкцией прокурора и так далее. Но без этого мы мафию порой просто не можем ухватить, у нас нет аозможностей закрепления доказательств. Мы вылавливаем мелких исполнителей, а крупные воротилы ото всего отпираются. Само собой разумеется, необходимо на порядок повысить техническую вооруженность следстаия, «экономия» в этом деле обернется чудовищными потерями.

А. КРЫЛОВ. И все равно чисто механическими методами вы всех не переловите, будь вас в специальных и отлично оснащенных бригадах хоть тысячи. Пока вы будете махать мечом в одном меств, гидра поднимет голову в другом. Это бой с тенью. Здесь нужен научный подход, который мы сейчас ищем. Ведь эффективность борьбы со СПИДом тоже обеспечиаается научной разработкой проблемы и лишь затем массовой вакцинацией.

Е. ГАЛКИН. Если позволите аллегорию, я бы уподобил организованную преступность напряженному стеклу. Знаете, есть такое: бей его в лоб хоть кувалдой — не разобьешь. Но у этого напряженного стекла есть невидимые точки, двв или три — ткни в них, и оно лопнет. Мне представляются сейчас более перспективными научные исследования структур организованной преступности, поиск слабых заеньев...

Е. ИЛЬЧЕНКО. Хорошо, нащупаем «точки», а дальше что? Ведь главари, по вашей же теории, «паракриминальны».

А. ВОЛОБУЕВ. Мы аедем в данном случае речь не о конкретных людях, а о структурах, связях. Если мы сумеем разрушить эти связи, то раздробим целостную организованную преступность на отдельные очаги, которые не представит труда локализовать и уничтожить. Чтобы успешно бороться с противником, нужно прежде всего изучить его сильные и слабые стороны. Необходимо создать централизоаанную систему сбора и анализа информации об организованной преступности, как это сделано а США, Канаде и ряде других развитых стран Запада.

О. ПРИСТАНСКАЯ. Бороться с элитой организованной преступности чисто правовыми методами аообще довольно сложно. Даже если мы аключим в уголовные кодексы такой состав, как, говоря условно, организационная деятельность в преступных формированиях, его действие на практике упрется в проблему доказательств. Необходимы превентивные экономические меры, как это сделано ао многих капиталистических странах.

Средством борьбы с организоаанной преступностью мог бы стать эффектианый финансовый контроль, который у нас на сегодняшний день практически отсутствует. Во многих странах принято, например, регулярное заполнение должностными лицами финансоаых деклараций, контроль за источниками доходов этих и других лиц, а частности имеющих крупные денежные вклады на банковских счетах. По закону, принятому а 1982 году в Италии а целях борьбы с мафией, проводится обязательное финансовое расследование в отношении всех осужденных за участие в организациях мафиозного толка. У нас в стране при бросающемся а глаза образе жизни многих людей, живущих явно не по средствам, оружие финансового контроля практически не используется.

Еще одна пврспектива борьбы с организованной преступностью аидится мне на путях дальнейшей демократизации всех производстаенных и общестаенных отношений. Лучший путь борьбы с коррупцией — выборность руководства, а том числе на производстве, постоянная ротация кадров. Ведь мафии гораздо труднее продвинуть саоего кандидата на выборах, чем путем взятки обеспечить его назначение сверху. Ротация также будет постоянно рвать сложившиеся связи коррупции.

Л. НИКИТИНСКИЙ. Разрешите подвести итоги. Разумеется, перестройка в стране началась и проаодится не в целях борьбы с мафией, но попутно она должна будет решить и эту задачу. Надежда победить организованную, а тем самым существенно ослабить и иную преступность, видится нам на путях широких экономических и политических реформ всего социального организма. И кто бы и как бы ни сопротивлялся перестройке, альтернативы ей нет.

„уверуй, что всё было не зря..."

В. Шукшин в годы службы на флоте, 1949—1952 гг.

Сегодня мы публикуем материалы, подготовленные для печати Марком Волоцким — заведующим музеем киностудии имени М. Горького, сценаристом и автором многочисленных статей по истории документального и художественного кино.

«Нам так нужен был Шукшин — и он пришел, сделал свое дело талантлиао и честно, не жалея себя, и, надорааашись за этим запущенным делом, преждевременно ушел, показаа, как необходимо художнику жить, работать и думать во имя народа и правды».

Валентин РАСПУТИН

В. Шукшин с матерью Марией Сергеевной, 1963 г.

Василий Макарович ШУКШИН

АВТОБИОГРАФИЯ

Я, Шукшин Василий Макарович, родился в 1929 году 25 июля в селе Сростки, Сростинского р-на, Алтайского края.

Родители — крестьяне-середняки, после 1930 года — колхозники.

Отец, Шукшин Макар Леонтьевич, в 1933 г. был аэят органами ГПУ. В 1956 году он полностью реабилитироаан посмертно за отсутстаием состава преступления.

Мать (урожд. Попоаа Мария Сергеевна) в настоящее время инаалид II гр. Живет а с. Сростки Алтайского края.

В 1943 г. я окончил 7 классов Сростинской средней школы и поступил учиться в Бийский автотехникум. В 1946 г. ушел из техникума, не окончив его. Пошел работать. Сначала работал в колхозе, потом уехал в город и работал на стройках а качестае слесаря-такелажника.

В 1949 году был призван в ряды ВМФ.

В 1952 г. был по болезни демобилизоаан с исключением с военного учета (обнаружилась язаа желудка).

В 1953 г. сдал экстерном на аттестат зрелости при Сростинской ср. школе и год работал в Сростинской школе сельской молодежи в качестве директора и учителя 5—7 классов.

В 1954 г. поступил ао Всесоюзн. Гос. ин-тут кинематографии и окончил его в 1960 г. (режиссерский факультет).

С 1958 года снимаюсь в кино как актер («Даа Федора», «Золотой эшелон», «Аленка», «Мы, двое мужчин» и др.).

С 1960 года печатаюсь в журналах и газетах как прозаик («Октябрь», «Москаа», «Новый мир», «Молодая гвардия», «Комсомольская правда» и др.).

Чл. КПСС. В кандидаты КПСС принят Сростинским РК КПСС, в члены — Щербаковским РК КПСС г. Москаы.

В разное время выполнял комсо-

мольскую и партийную работу: был секретарем комсомольской организации Сростинской средней школы (учительской), секретарем комс. орг. постаноаочного факультета ВГИК, членом партбюро постановочного факультета ВГИК.

2 августа 1963 г.
В. Шукшин

«...О чем фильм, я не буду рассказывать, вы это увидите. Я только хочу обратить ваше внимание на то обстоятельство, что стремились мы исследовать не сюжет фильма, не историю о том, как поехали Иван и Нюра на курорт, к югу, к морю теплому, а исследовали, если так можно сказать, анутренний сюжет, анутреннюю биографию. Меня а данном случае, как аатора сценария и режиссера-постаноащика, заботило больше не то, как они ехали, не повествовательная часть этого дела, а то состояние души, а котором наш русский человек, крестьянин ныне пребыаает и живет. На мой взгляд, это душа хорошая, добрая, может быть, немножко недоверчиаая, но зто вполне объяснимо. Страна большая. Он не выезжал, положим, так часто на курорт. Собственно, это впервые. Ну и все понятно, с каким он недоверием астречает новых людей.

И все же при всем при том, что в нем живо недоверие к новым людям, это человек большой доброты, доброты, что очень важно, очевидно, сегодня, в наше бурное время, а наше такое машинизированное время. Нам бы про душу не забыть. Нам бы немножко добрее быть. Нам бы с нашими большими скоростями не забыть, что мы люди, что мы должны быть... Мы один раз, уж так случилось, живем на Земле. Ну так и будь ты поанимательнее друг к другу, подобрее. Вот. А то, в общем говоря — я субъективное мнение свое высказываю,— с машинами, со скоростями немножко про это дело забывается. Какие-то возникают новые проблемы, новые дела...

Дел всегда у челоаека будет много. Но вот как-то за асем за этим вдруг и выскочит невнимательность, адруг да забудем что-то. Нвосторожным слоаом можем, например, обидеть, оскорбить походя и не заметить этого — все вроде дела, дела... Слоаом, фильм больше вот про это. Лично я старался рассказывать про душу, что ли, а не про анешнюю биографию, анешние события. Они что? Они с нами происходят каждый день. А сами с собой мы остаемся пореже. Но тем не менее надо, наверное, оставаться.

В фильме участвовали: героиня фильма — Лидия Николаевна Федосееаа. Именитых мало — Санаеа, народный артист. Затем мне нравится а этой картине работа, актерская работа Буркоеа Георгия <...>. Снимались «Печки-лавочки» на Алтае, это моя родина, снимались в Москве и снимались в Ялте. Ялту уж как-то киногруппы не минуют...»

(Из выступлания В. М. Шукшина в г. *Белозерске.* 1973 г)

«Родина... И почему же жиает в сердце мысль, что когда-то я останусь там навсегда? Когда? Ведь непохоже по жизни-то... Отчего же? Может, потому, что она и живет постоянно в сердце, и образ ее светлый погаснет со мной вместе. Видно, так. Благослови тебя, моя родина. труд и разум человеческий! Будь счастлива! Будешь ты счастлива, и я буду счастлив».

В. Шукшин.
«Слово *о* «малой родине». 1973 г.

«...Надо потрезвее взглянуть на жизнь. Это необходимо хотя бы уж из одного уважения к тому самому Человеку, о котором мы пишем и снимаем фильмы. И может быть, высшая форма уважения в том и заключается, что не надо скрывать от чвловека, каков он. Говорить не сильно подслащенные комплименты, а полную прааду, какой бы горькой и жестокой она ни была.

Честное, мужественное искусстао не задается целью указывать пальцем: что нравственно, а что безнравственно, оно имеет дело с человеком «в целом» и хочет совершенствоаать его, человека, тем, что говорит правду о нем».

В. Шукшин.
Из интервью. Февраль 1974 г.

Рабочий момент из фильмв «Печки-лавочки».

Группа учащихся 3-го курсв Бийского автомобильного техникума, 1946 г.

Кадр из фильма «Печки-лаеочки».

Кадр из фильма «Печки-лавочки».

Кадр из фильма «Печки-лавочки» (не стене портрет Сергея Федоровича Попове, деда В. Шукшина по матери).

Кадр из фильма «Они сражались за Родину».

«...Сейчас у нас картина будет поближе к драме («Калина красная»). Она — об уголовнике. Уголовник... Ну, какого плана уголовник?.. Когда не просто, так сказать, заблудилась овечка или там выломала витрину и в силу нелепых обстоятельств попала в тюрьму, вышла из тюрьмы, и все стало в порядке. Ничего не благополучно! Это страшно! Это судьбы ломаются. И об этом надо сказать в полный голос и со всей предельной правдой. Потому что праада в данном случае спасет от иносказаний или от каких-то инотолкований. Нужна забота о людях же, причем забота а том смысле, что борьба за человека никогда не кончается. Не наступает никогда, не должно наступать никогда то время, когда надо махнуть рукой и сказать, что тут уже ничего не сделаешь. Сделать асегда можно. До самого последнего момента можно сделать. Все равно как врачи относятся к больному, так, наверное, художники, и в целом все творчество, к человеческой душе, к человеческой жизни обязаны и должны относиться.

В «Калине красной» добро несут те же простые люди, крестьяне, жители дереаень.

Почему мы будем снимать здесь, в Белозерске? Мы были у вас в городе года четыре назад, искали натуру для фильма «Степан Разин». Фильм на состоялся. Но городок ваш запал мнв а душу — красиаый, просторный, люди добрые, нет в нем такой нервности... И когда пришла пора снимать вот этот теперешний фильм, мы вспомнили Белозерск.

Но в городе событий у нас немного, больше в деревнях вокруг Белозерска. Вот Орлоао, например, Садовая... Места ааши прекрасные, озерные, русские. В них есть что-то грустное, задумчивое. Вот это нам и хотелось бы перенести в нашу новую работу, а новый фильм «Калина красная».

(Из аыступления В. М. Шукшина. а г. Белозерскв. 1973 г.)

Фото
Юрия ГРИГОРЬЕВА,
Анатолия КОВТУНА,
Валерия КУЗИНА.

ИЗ ПИСЕМ К МАТЕРИ

«...Расскажу немного о своих невестах. Это надо, конечно, видеть, особенно Ольгу. Она такая толстенькая, крепенькая... Но справиться с ними сил нет. Я удивляюсь Лидиному терпению. Ей, конечно, достается. С Маней — глаз да глаз. Носятся, возятся. Оля — характером спокойнее, тверже. Маня ее безумно любит, тискает, а той не нравится, говорит: «Мася, не надо». Меня заездили. Как появлюсь дома, так — на рученьки (а лючики — говорит Оля). Очень она меня любит, Оля. Маня, эта вертихвостка, очень любит танцевать и танцует, надо сказать, удивительно... выгибается, ручками выделывает. Оля, глядя на нее, тоже танцует, но больше — одной ногой, и руками, как мужик, машет. Олю положили спать, она начинает болтать в кроватке, все рассказывает, что с ней за день было. Я подойду, строжусь: «Спать, Оля! Это что такое! У тебя совесть-то есть или нет? Где у тебя совесть?» — Титиляля (потеряла).

Или мать подойдет — тоже ругает ее, а она спрашивает:

— Сюсин кулит? (Шукшин курит?)

Я действительно сижу на кухне, курю. Оля такая деревенская, надежная, а Маня — москвичка. Поют хорошо. «Коля-Коля-Николаша, я приду, а ты встречай». Хорошенькие, сил нет. Приведу их на студию, все сбегаются смотреть. А Оля заходит к директору и везде. Шагает широко, немного вразвалку...»

«Мама, родненькая моя!

Я жив-здоров, все в порядке. Здоровье у меня — нормально. Вот увидишь а картине, я даже поправился. Все хорошо, родная.

Мама, если тебя с бальзама слегка расшибает, то попей его на ночь.

Тем более, если он способствует ко сну. Попить его надо подольше, люди годами пьют: привыкают и пьют даже очень пожилые люди. Во всяком случае, вреда никакого.

Ребятишки здоровенькие, слава богу. Ездил я тут в Москву на три дня, сходил с Машей в школу... И радостно, и грустно. Какая она еще школьница! Целыми днями играет с Ольгой да с зайцем (заяц в квартире живет), а про домашние задания забывает.

А так все нормально.

Известия о посылочках успел получить, но было воскресенье. Лида сейчас в Болгарии (на десять дней — до первого октября), с детьми живет теща, может, ей отдадут, а нет — Лида приедет.

Спасибо, хорошая моя. Дай бог тебе здоровья.

За меня не беспокойся, я серьезно говорю, что хорошо себя чувствую.

Ну, обнимаю тебя.

Василий».

(Это письмо, написанное В. М. Шукшиным в станице Клетская во время съемок фильма «Они сражались за Родину», Мария Сергеевна получила уже после смерти сына).

«Вопрос совести, вопрос нравственного богатства нашего, даже не столько нашего, сколько в целом общества... В обществе, вообще говоря, вопрос совести должен стоять высоко и дорого, и когда наши современники утрачивают так или иначе остроту этого вопроса или идут на какие-то компромиссы, он у нас же на глазах должен получить, обрести своеобразную оценку этому... Мы на этом должны учиться, очевидно, на судьбах в целом, на судьбах <...>.

Положим, научно-техническая революция. Это красиво звучит, но ведь это несет с собой еще и негатив какой-то. Я хочу, чтобы герои, чтобы наши люди не растерялись от такого вторжения техники, не растерялись и чаще бы привлекали для решения вопросов в тех или иных ситуациях совесть, силу сердца своего... Совесть, совесть и совесть — вот это не должно исчезать».

(Из последнего московского интервью В. М. Шукшина корреспонденту газеты «Унита» Карло Бенедетти. 17 мая 1974 г.)

Кадр из фильма «Калина красная».

Василий Шукшин о Егоре Прокудине — герое фильма «Калина красная»:

«Перед нами человек умный, от природы добрый и даже, если хотите, талантливый. Когда в его юной жизни случилась первая серьезная трудность, он свернул с дороги, чтобы, пусть даже бессознательно, обойти эту трудность. Так начался путь компромисса с совестью, предательства — предательства матери, общества, самого себя. Жизнь искривилась, потекла по законам ложным, неестественным <...>. Вся судьба Егора погибла — в этом все дело, и неважно, умирает ли он физически. Другой крах страшнее — нравственный, духовный...

«Правда», 22 мая 1974 г.

Борис ЧЕРНЫХ

Иная жизнь

Далеко-далеко на востоке, в маленьком городе, жил некогда Илья Павлович Митрохин. Был он человек ординарный и тихий, в ординарности своей и канул бы в Лету, но случилось нечто, это нечто преобразило его быт, быт стал бытием.

В бытийном-то качестве Илья Павлович и заинтересовал меня, и не только меня, но и местечковых сожителей. А одно весьма патриотическое ведомство, вне забот коего устои народной жизни рухнут, посвятило Илье Павловичу специальное расследование, тихое и неприметное,— под стать предмету расследования. И все ближе к дому Ильи Павловича подступало дальнее погромыхивание.

Герой мой не придавал этому значения, потому что эпоха ввела посулы, схожие с нынешними. О правах человека напрямую не говорили, но косвенно как бы напоминали: живите спокойно, пришло желанное времечко. Но скоро погромыхивание обступило усадьбу, и Илья Павлович искренне подивился: о нем ли судачат и заботятся силы, судя по всему, доброжелательно настроенные? И если — о нем, то нельзя ли призрачный этот капитал пустить в оборот не для наживы, а на пользу дела?..

А слава, перешагнув заплот огорода, пошла в раскат и в разлив по городу, так что Илья Павлович захотел вновь оказаться в безвестности и забвении, хотя не новичок в жизни, он должен был давно смириться с превратностями судьбы, да и классика лучшие страницы посвятила непредсказуемости российских судеб. «Так, впрочем, чаще всего и бывает в нашей (видите, «в нашей»! — **Б. Ч.**) жизни. Целых лет двадцать человек занимается какимнибудь делом, например, читает римское право, а на двадцать первом — вдруг оказывается, что римское право ни при чем, что он даже не понимает его и не любит, а на самом деле тонкий садовод и горит любовью к цветам»,— извольте, Михаил Булгаков, в романе «Белая гвардия».

Илье Павловичу Митрохину в конце концов приписали имени б е л ы й цвет, в то время как он был сиреневым с макушки до пят.

Искушенному читателю покажется — слишком поздно я раскопал эту историю. Скажу: вовсе не поздно, почти четверть века тому назад раскопал. А что выношу ее на свет именно сейчас, тому есть причины. Притом, кажется мне, в нынешних страстях обществу нужна пауза, передышка. Опамятование, если угодно. Авось цветочный рассказ мой хотя бы на час приглушит неумеренные стенания сограждан.

Но вернемся в ту давность, когда я работал в молодежной газете Приморья. Экзотическая Миллионка, теплые огни Золотого Рога, сухое вино, красивые женщины, нагишом купающиеся в ночных заливах, мало ли услад в юные годы. Но октябрь 1964 года пооборвал зеленые лепестки непрочной хрущевской оттепели.

Очерк об Илье Павловиче цензура сняла на третьем витке. То есть два отрывка явились свету, а потом Чернышев, первый секретарь крайкома, вызвал на ковер редактора и грозно молвил:

— Беляков начали славить?!

— Илья Павлович не беляк,— кротко отвечал редактор.

— Н а м лучше известно, кто он! — И очерк «Гладиолусы» утонул в редакционном архиве.

Шли годы. Время от времени я просматривал старые записи в блокнотах, но всякий раз оказывалось, что не пробил час.

Весной этого года я вернулся в Приморье, чтобы восстановить в памяти забытую историю.

Отец Ильи — Павел Андреевич Митрохин служил объездчиком Иманского лесничества и ютился в небольшом домике под Иманом. Надворные постройки просты: баня, сенник, сарай для коровы, конюшня. Сыновья лесника, старший Илья и младший Ефрем, рано начали трудиться, сначала на домашнем подворье, а после по найму, у зажиточных.

В разгар национальной усобицы атаман Калмыков мобилизовал уссурийских казаков на трудгужповинность. Прихватив фураж, в таратайке, юный Илья на пятнадцатый день дунул дремучими лесами домой.

В 22-м Иманский ревком, зная, что на хате у Митрохиных прятались от калмыковцев окрестные жители, рекомендовал Илью, которому шел двадцать второй годок, управляющим таможней.

Когда раскаты гражданской окончательно затихли, Илья Митрохин, сметливый от природы, стал счетоводом (бухгалтером — не хватило грамоты). В этом качестве он пробыл долго. Добросовестность и деловитость Ильи Павловича отметили сослуживцы и начальники, приняли его в партию, он пособиднел, женился, перебрался в город попрестижней — в Уссурийск, выстроил дом на улице Пинегина. По заданию горкома выступал не раз с политкомментариями на текущие темы. Избрали Илью Павловича и в партбюро, здесь он тоже оставался деловитым и пунктуальным.

Но волны невиданной волевой энергии шли из центра России на Дальний Восток, и самая страшная волна докатилась.

Был взят опричниками командарм Василий Блюхер, затем в череде арестов взяли Ивана Петрова. Если Блюхера счетовод Митрохин знал по легендам и песням, то Петрова встречал ранее самолично, беседовал с ним, чаи пивали в молодости. У Ивана Григорьевича была незаемная слава: комиссар партизанского соединения, отличился беспримерной храбростью при штурме Волочаевки (помните: «штурмовые ночи Спасска, волочаевские дни»?).

В Уссурийск та страшная волна вошла вечером. Стояла оттепель, капало с карнизов. Сослуживцев Ильи Павловича, будто на военные сборы, собрали под ночь. Разумеется, позвали его самого. Оказалось, не сборы, а собрание, чтобы д е м о к р а т и ч е с к и осудить на распыл маршала Блюхера и комиссара Петрова. Представитель горкома с трибуны объявил маршала и комиссара в р а г а м и н а р о д а. К дикой невероятности добавил другую: «Пособники японского империализма»,— наивный Илья Павлович не догадался, что патриотическим ведомством спущена количественная разнарядка по японским агентам, и счет кровавый требовалось срочно открыть.

Собрание пошамкало губами и проштемпелевало: «Быть по сему. Враги и шпионы». Затем в городе согнали еще одно собрание: тут уже ветераны гражданской, потеряв остатки достоинства, соглашались с нелепым обвинением в адрес героев.

На первом собрании Илья Павлович чувствовал себя потерянным, дома, вернувшись, горестно размышлял о происходящем, а на втором собрании неожиданно (для себя неожиданно) подал голос:

— Я не верю в то, что Иван Григорьевич Петров мог стать пособником японских буржуев.— Всего-то и сказал.

Слушая совершенно нормальную речь Ильи Павловича, собрание ветеранов впало в абсурдное настроение, а К-й Михаил Дмитриевич, приятель старинный, крикнул, как бы спасая Митрохина:

— Ты не в своем уме!

Но опричники считали, напротив — в своем. На Илью Павловича организовали донос, переправили в горком, и карусель закрутилась.

Отныне началась **иная жизнь** Митрохина.

Слепому понятно, Илью Павловича должны были взять. Если маршалов и комиссаров берут, то кто посчитается с ним, маленьким человеком? Илья Павлович приготовил сверток со сменой белья и насушил сухарей. Дни и недели ждал гостей, потом месяцы. Но в механизм государственной гильотины попал песок, жернова притормозили тяжелый ход.

Илья Павлович остался на уссурийских улицах под вечным надзором. Для окружающих невзятие приговоренного к взятию казалось не только загадочным, но и оскорбительным. Значит, могли и они остаться чистыми, непорочными, сошло бы и им с рук или не сошло? На всякий случай те, кто ранее с Митрохиным здоровался, здороваться перестали. Кто приятельствовал — более не приятельствовал. Родной брат Ефрем публично, на страницах газеты, отрекся от старшего брата.

Глухое одиночество скоро обняло служащего горфо. Он захандрил, затосковал, занеможил. В крайне болезненном своем состоянии не разглядел, однако, что так же захандрили, затосковали, занеможили и те, кто руку ему более не протягивал, кто обходил его на улице. Лица соседей и сослуживцев обескровились, голоса потускнели, речи утратили первородство. Психиатры, возможно, знают, как точно назвать эту болезнь, связанную с у т е р е й л и ц а. Но доверять психиатрам не следует...

Ноша отверженного на миру оказалась не по плечу иманскому казаку. Уж лучше бы взяли, распнули, растерзали. Душа невинно убиенных отлетает в рай. Бедный Илья Павлович бродил по двору, ничто не занимало его слабый ум. Он пробовал увлечься домашней суетой — руки не держали лопату, молоток не угадывал по шляпке гвоздя.

Не потеряв в достоинстве, Илья Павлович опадал в теле. Начались корчи в животе, судороги стали сводить ногу. Тут, добивая, вызвали его на п р о ф и л а к т и ч е с к у ю беседу, потребовали покаяния. Должно бы наоборот быть — перед ним покаялись бы, отпущения грехов испросили бы. Но нет. Под страхом смерти потребовали окончательного унижения. Он покаялся, в чем — плохо понимал, но покаялся. И к пятидесяти годам сделался семидесятилетним стариком. Милосердные эскулапы спровадили его на инвалидную пенсию, протянет-де недолго.

Встал и потребовал разрешения обыденный вопрос: не о том, как жить, а как доживать век. Матрена Фоминична, жена, тоже сама не в себе, советовала предать забвению прошлое (кабы было оно прошлым!) и стараться начать новую жизнь. И н о й она не назвала ее. Есть ведь дрозд на черемуховой ветке, свежий наст снега на огороде. Есть запах лебеды и укропа. Есть река Уссури, утоли мои печали, Уссури...

Между тем в городе все мало-помалу забывали да и забыли Илью Павловича, будто его и не было на этих улицах. Дети считали его блаженным, но не трогали старика, не обижали, не дразнили.

Однажды Илья Павлович приковылял на рынок. Там, стоя среди грубо сколоченных рядов, он увидел маковку церкви и ранних грачей, облепивших голые деревья. Еще не осознавая до конца, что с ним происходит, Илья Павлович прицепился к цветочным семенам, щедрой россыпью опавшим на прилавки. Он купил знакомое с детства — горемыки. Легло на сердце: горемыки...

И, когда притащился домой, не упал на топчан, а, перемогаясь, потеснил в оконных горшках герань, высеял горемыки, пролил мягкой водой. С нескрываемой радостью наблюдала за мужем Матрена Фоминична и улучила минуту, подсунула ему журнал «Цветоводство», ранее чуть ли не презираемый за отстранение, за у х о д. Илья Павлович наугад открыл, и повело к благодати: «Осенью у гладиолусов наступает период глубокого покоя»,— такое могло быть сказано и про него, Митрохина. Он вчитался в страницы и нигде не нашел упоминания о классовой борьбе или о происках империалистов. Австралийские мальвы и тюльпаны из Голландии нигде не объявлялись космополитами. Так Илья Павлович сделался читателем пустого, по-прежнему его представлению, журнала. Эх, если бы он догадывался, куда стежка эта приведет...

Городские надомники подсказали адреса, и Илья Павлович списался с селекционерами-самоучками, отослал им семена окультуренных полевых цветов уссурийской долины, в ответ получил сорта срединной полосы России, посеял грядку, наблюдал за всходами. И н а я жизнь обретала почву. А конвертики писем по цепочке шли с семенами самых диковинных растений (иногда письма были вскрыты наглой рукой и на живинку заклеены). Оказалось, страна — от океана до океана — жива, но жива цветами, птицами, березовыми околками, а идеология этой полевой, васильковой страны пустопорожна и холодна. Тут я ничего не выдумываю и не додумываю. На годы репрессий пал расцвет голубеводства. Не только мальчишки, отцы и даже деды,

нутром знавшие, сколь легкомысленно занятие голубями, предались странной забаве. Они спасали душу вживе. Тогда же начался всплеск в цветоводстве, к лютикам и настурциям припали изможденные и измордованные народы необъятной державы. Современные Пимены в кельях не заметили поразительного перекоса в увлечениях россиян, во всяком случае, летописи молчат о перекосе.

Илья Павлович прежде всего оборудовал подвал, чтобы клубни и луковицы могли спокойно дремать в умеренной прохладе зимой. Он побродил по округе: собрал лафтаки стекла и утеплил крохотную оранжерею; утеплив, стал с конца января выносить туда горячую золу из поддувала, оттаивал и парил впрок почву. Все волоком, стеная, но силы начали прибывать. Матрена Фоминична принудила его, как маленького, пить каждое утро молоко (тогда еще не нанесли удара по городским подворьям), молоко исцелило недуги.

Самозванец-цветовод скрестил далекие сорта гвоздик, дождался результата. Новички оказались стойкими к ночным температурам, а лепестки долго не опадали в вазах (пришлось раскошелиться на простенькие вазы). Дом на Пинегина постепенно окутывала дымка: одежда и шторы, старый пружинный диван пропитались цветочной пыльцой. Запах, едва уловимый и нежный, поселился и реял в комнатах и на веранде. Когда Илья Павлович выходил в город, легкое облачко сопровождало его по улицам, входило в магазины и в дома, светилось над ним.

Уверовав в себя, в новое призвание, Митрохин решил покуситься на гладиолусы, царственный вид которых вынуждал его до сих пор держаться от них на почтительном расстоянии. Илья Павлович холил и лелеял гладиолусы, догадываясь, что человеческая неделикатность (правдивее сказать — произвол) чужда изысканным особям, и краткий их век возвышеннее долгого людского века. И замыслы их — у цветов не может быть умысла — миротворческие. Гладиолусы не предадут человека на заклание, не обманут, не донесут на него. Опричнина невозможна в хороводе цветочном. Поникнув головками, они молча и всегда в гордом одиночестве уходят в небытие, избегая круговой поруки и жертвоприношения. Да, целая философия открылась моему герою.

Дитя воинственного века, пленник ложных упований, Илья Павлович рискнул выпестовать новый сорт гладиолуса: темный, почти черный. Траурный цвет подсказал имя — убиенного Ивана Петрова. Есть же иван-да-марья, есть анютины глазки, почему бы не быть Ивану Стойкому? Но курился еще фимиам тоталитарному режиму, и пришлось Ивана Стойкого зашифровать псевдонимом неблагозвучным, зато прозрачным — «Волочаевский комиссар». Что и говорить, не обладал утонченным вкусом отставной чиновник горфо. Зато сути он остался верен.

Впервые вынеся труд свой на городскую выставку цветов, он снискал признание общественности, бросившей его в минувшие лета на произвол судьбы. Незлобивый Илья Павлович воодушевился, и через три года собрание цветоводов края приветствовало оригинальные сорта гладиолусов. Смущали лишь имена оранжерейных пришельцев. Но грянул 1956-й, разомкнул уста Митрохина, и таинственные имена-псевдонимы были рассекречены. Сразу вспыхнул, даже воспалился интерес к забытому на домашней деляне безумцу. Тотчас же и усомнились в безумии его. На волне эйфории Илью Павловича восстановили в партии и возвели в сан красного партизана, несуразный для человека, окончательно ставшего сиреневым. Но слава в раскат и в разлив пошла по Уссурийску, и дрогнул Илья Павлович, поддался пионерам, те нацепили ему на грудь алый бант, чтобы с бантом этим прошел Митрохин по первомайской площади. Вот еще один опрометчивый поступок.

Завистливые глаза следили за поднявшимся из пепла Митрохиным, зависть же, как известно,— лишь смягченная форма алчности. Завистники припомнили главное, что делало Илью Павловича чужаком в стае бескрылых: не писал доносов, не подлизывался, хуже того — оскорбил всех, не согласившись с коллективным приговором в адрес врагов... Теперь-то, может быть, и не врагов, но тогда врагами объявленных. И хуже некуда — удалился из мира в схиму, в домашний монастырь. В монастыре же вынянчил идею проникнуть в сектантские ряды ревнителей революционной чистоты (малое участие в той усобице они считали индульгенцией на всю долгую и греховную жизнь).

И затеялась новая карусель. Время действия — заревое, похожее на нынешнее [1].

Перед внезапно сошедшимися из ниоткуда завистниками художник Митрохин оказался безоружен. Матрена Фоминична дельно посоветовала расстроить ряды противников, поименовав подлыми именами выведенные сорта георгинов, но Илья Павлович счел предложение циничным. Правда, на рынке сами покупатели предлагали Илье Павловичу поднять цены на его, Ильи Павловича, знаменитый теперь товар; и давно было пора построить новую, просторную оранжерею, с печью, с зольным сусеком, и купить бы Матрене оренбургский платок...

А ветераны сходились в секции, в штабы. Немощные в поступке, они непрерывно заседали и в протоколах исходили ядом. Процитирую подлинные образчики их речей:

«Илья Митрохин с занятием города Иман войсками атамана Калмыкова поступил в таможню...»

«И. П. М-н имел звание (ох, нравится им слово «звание»! — **Б. Ч.**) чиновника».

«Мне известно, что Илья М-н и его отец, притворившийся лесничим, состояли в активе калмыковской банды» (вот уже и «банды»! — **Б. Ч.**).

«Илья М-н чистку не проходил». (Верно, верно — посредством доноса не прошел Илья Павлович чистки, за что и был вычищен из партии. Но стукач за давностью лет не помнит, а может быть, и не ведает о том.)

«За антипартийное поведение М-н исключен из

---

[1] И сейчас повыползали из комфортабельных щелей ревнители чистоты массовой селекции народного сознания. Вы слышите их голоса? Пробу негде ставить на этих ревнителях. Конформисты, еще три года назад они не давали живым слова сказать живое и по согласованию с ведомством славили ничтожных кормчих и присных вокруг, бильярдные шары подносили им на дачах и, сомкнув бесталанные ряды, уничтожали благоуханный сад, в котором что ни цветок, то на выбор, как в оранжерее Ильи Павловича Митрохина: Виктор Некрасов, Александр Твардовский, Александр Солженицын, Андрей Сахаров, Андрей Тарковский, Мстислав Ростропович. И твой росток в тени великих крыл топтали каблуками...

партии». Еще одна проговорка: нравственный поступок Митрохина, оказывается, антипартиен в силу своей нравственности.

Пожар разгорался на пустом месте, но языки пламени не были красными — они были того цвета, какими были с тридцать третьего, виноват, с двадцать девятого года — коричневыми и единственно коричневыми. Таковыми они являются и нынче: там, где провозглашается охота на ведьм, френчи или партикулярные платья охотников, отражая их субстанциальную сущность, всегда коричневые.

С истинным удивлением Илья Павлович обнаружил, что гражданская война не закончилась для них, она желанна и необходима. Она — бессмертный дух Льва Троцкого! — перманентна. Надобно изыскать врага — инакомыслящего, инакоговорящего, инакоцветущего, даже инакоотцветающего, даже и молчащего инако; а нет подходящего — выдумать, сочинить и, коль не удалось потушить его во младенчестве, в курной избе под Иманом или на улице Шатковской в Урийске (не путать с Уссурийском), спалить коричневым напалмом и корни прочь из земли, а пепелище засыпать хлоркой, чтобы кровь невинная не проросла розой или гладиолусом.

Городские вертухаи с олимпийским спокойствием наблюдали за погоней и травлей. Вертухаи знали истинный подтекст травли (вознесшийся не в меру художник должен быть остановлен), и сама атмосфера преследования устраивала вполне — изничтожение художника шло от имени общественности. Надо бы, в духе времени, дать слово гонимому, но застеснялись. Илья Павлович попытался предать гласности чудовищные мотивы травли — цензор, сам страстный цветовод, отказал.

Ветераны приняли несколько резолюций. Пока я не прочитал эти резолюции, я продолжал реалистично воспринимать обстановку в городе; хотя дыхание абсурда веяло в лицо, не хотелось верить, что абсурд овладел Россией на всю глубину бесконечных ее пространств. Ну где-нибудь в Урюпинске — там понятно, господа Головлевы и поручики Киже по тем землям хаживали, оно и не в диковинку. Но в благословенном Краю Восходящего Солнца...

Я прочитал несколько заявлений К-го Михаила Дмитриевича (того самого, что крикнул некогда на собрании Митрохину: «Ты не в своем уме!»). Витиеватый слог и смысл ускользающий, но в одном заявлении прорвалось: «Почему И. П. убегает от наших имен, когда дает названия цветам? Мы тоже воевали, питались травой и по лесам скрывались» (простодушно-то как!). Человек в почете, пенсионер, всегда желанный на чиновных этажах. Но мало почета и этажей, устланных коврами, если старинный приятель твой, обретший призвание художника,— правда, подпольно обретший, в домашнем затворничестве,— плодит сомнительные метафоры на цветочном фронте: гладиолус, посвященный Рютину, тогда мало кому известному, называет «За правое дело», Сергею Лазо — «Несожженный»[1], Вячеславу Молотову — «Не все коту масленица». Коробит слух? Но есть и другие названия, уже достаточно утонченные (вкус — дело наживное): «Очей очарованье», «Мартовский снег», «Вдали от забот»... И снова почти выкрики: «Не сдамся», «За себя постою».

Лист 28 (на Митрохина заведено «дело»). Протокол 14 заседания бюро секции ветеранов гражданской войны и бывших красных партизан (и правда — бывшие, давно переставшие ими быть) при исполкоме.

«Постановили:

Признать странным, что Митрохин, выводя новые сорта цветов и присваивая им имена героев революции, делает это совершенно произвольно, по собственному выбору».

Лист 30.

«Слушали: заявление (внеочередное! — **Б. Ч.**) бывшего партизана К-го М. Д.

Постановили:

1. Секция категорически возражает против отдельных моментов в работе Митрохина по выращиванию гладиолусов и присвоения им имен отдельных товарищей. (А товарищи все на погостах, под крестами и звездами, и в номерных могилах, безымянные...—**Б. Ч.**)

2. Работу цветоводу И. П. Митрохину можно проводить, но только под контролем соответствующих органов, а не произвольно».

Карусель, более похожая на гильотину, остановилась, кажется. Сформулировано и принято историческое решение. Митя Карамазов воскликнул бы здесь (стихийный был человек): «У, жуткая вещь — реализм!»

Против собрания, распинавшего Василия Блюхера и Ивана Петрова, смог Илья Павлович встать тогда ватными ногами. Но абсурду цветовод сопротивляться не смог и занеможил окончательно.

Скоро случилось то, что и должно было случиться. Утром Митрохин вышел во двор и заметил строчку шагов, обошедшую вокруг теплицы. Следы были махонькие и с копытцем. Так могла бы овца встать на задние ноги и пробраться сюда. С надветренной стороны овца остановилась, ощупала передними копытами окна, содрала замазку в пазах, отогнула гвоздочки и вынула стеклины, поставила аккуратно к стене и улетела. Следы обрывались на обратной тропе, последние отточия были глубокими, так как надо было оттолкнуться перед отлетом.

Нашествие «овцы» произошло в начале ночи — отроческие стебельки цветов скукожились и оледенели. Труд нескольких лет жизни оказался уничтоженным в одночасье.

Илья Павлович, прежде чем силы покинули его, навестил двух старых женщин, немых соратников, раздарил клубни георгинов и луковицы гладиолусов, а также семена володушки и ирисов, попрощался молча, вернулся домой и умер.

Я бродил по Уссурийску с женщиной нового поколения. Завязь весны пьянила улицы города.

А женщина, с печальной складкой у рта, с замедленным взором, вместе со мной возвращалась в былое, которое было не ее былым...

Апрель — май 1989 года

Уссурийск — Владивосток — Иркутск

---

[1] Перекличка с поэтом: «Вам тяжко быть кленом, товарищ Лазо? В каленьи зимы ваши ветви окрепли затем, чтоб по ветру, навечно и зло, вчистую развеять легенду о пепле...» — стихи двадцатилетнего владивостокского поэта Ильи Фаликова.

Ольга ЕГОРОВА

РАЗДУМЬЯ СОВРЕМЕННОЙ ЖЕНЩИНЫ

Меня давно волнуют вопросы, связанные с судьбой женщины в обществе и в частности в нашем социалистическом обществе. Как жить, чтобы быть счастливой и дарить счастье, радость окружающим тебя людям? Конечно, быть «хранительницей очага» — это прекрасно. Но как создать «очаг», который бы хотелось хранить? Может ли дарить радость, покой женщина, разрывающаяся между производственными делами, бесконечными домашними хлопотвми, заботами о детях, муже, издерганная, не избалованная ни лаской, ни вниманием, ни доствтком?

Хорошо бы найти ответ в книгах, но... Да, есть литвраторы, критики, драматурги, режиссеры, которые отдают дань времени, «моде» на откровенность. Но, мне кажется, они не пытаются глубоко проникнуть в суть трагедийного положения женщины в нашем обществе, за внешними формами не видят и не хотят видеть более глубинные процессы, происходящие в жизни и душах людей.

Хотелось бы поделиться своими размышлениями о женско-семейных проблемах, ибо, пройдя через многие соблазны, разочарования, я, кажется, что-то начинаю понимать, и, может быть, кому-то мой опыт покажется интересным.

Меня можно отнести к даже очень соврвменной женщине — сама настояла на разводе, ушла от «примерного» мужа к человеку, которого почти не знала, несмотря на протесты родителей, мнения друзей. Мой будущий муж тоже уходил из семьи, от жены — моей ровесницы, любимого сына, и это тоже многим было непонятно. Кто разводился, может понять, что нам пришлось первжить. Я даже не думала о счастье, просто чувствовала, что этому человеку гораздо нужнее, чем мужу, который в силу своего положения приобретал уверенность и барские замашки. Я мучилась вопросом, что нравственнее — жить с нелюбимым и тихо изменять ему (как делает множество женщин и как советовали мне поступать «друзья») или же порвать двойственные отношения и попробовать начать всв сначала. И выбрала второй путь.

И вот мы прожили два с половиной года и только сейчас поняли, что мы натворили. Мы не могли предполагать, когда рушили семьи, что будем жить с постоянным чувством вины, хотя я уверена, что в семейном разладе виноваты обе стороны. Но груз ответственности, виновности несет тот, кто был инициатором. И вот это чувство вины не дает нам покоя. Встреться когда-то раньше, мы, я уверена, были бы счастливы.

Но осколки семей, с которыми мы пришли друг к другу, очень трудно соединить. И понимаешь теперь, что и бывшие семьи можно было бы сохранить, поведи себя каждый по-другому, не накапливая обиды, не развивая амбиции, преодолевая недостатки. Но кто учил нас этому? И кто учил этому наших родителей? И родителей родителей?

Рождаясь, мы застаем готовыми сложившиеся в обществв отношения — и производствванные, и идеологические, и нравствввные. Можем ли мы быть свободными от них? Нет. Мы или вписываемся в эти отношения, или приспосабливаемся, или ломаем их, или они ломают нас. В качестве причин разводов социологи, психологи называют и неподготовленность молодежи к семейной жизни, и неразвитую способность любить, и разницу в характерах, воспитании, привычках, стиле поведения, и половую безграмотность, и угасание любви, и трудности быта, и «бюрократичность», догматичность мужей и жен, и даже процесс урбанизации, ведущий к «взрывам перемен», которые отрицательно влияют на нравственно-психологический климат в семье. Причин неблагополучия в семьях много, и в каждой семье есть свои особенности.

Но главная причина всех бед, на мой взгляд,— и социальных, и семейных — лежит в падении нравственных устоев, которые формировались, отбирались веками и которые мы порастеряли в ходе построения нашего «деформированного» социализма.

Во время моих мучительных поисков решения в период развода я вспоминала пушкинскую Татьяну. Почему она не пошла за Онегиным после его признания на балу, ведь она же любила его? И нашла ответ уже гораздо позднее, читая Достоевского, который считал, что «такой красоты положительный тип русской женщины почти уже и не повторялся в нашей художественной литературе — кроме разве образа Лизы в «Дворянском гнезде» Тургенева». Конечно, ее удерживал муж, любящий, уважающий ее, гордящийся ею. Но ведь что-то еще?! «...Потому ли,— пишет Достоевский,— что она «как русская женщина» (а нв южная или не французская какая-нибудь),.. не в силах пожертвовать обаянием честей, богатства, светского своего значения, условиями добродетели? Нет, русская женщина смела. Русская женщина смело пойдет за тем, во что поверит, и она доказала это. Татьяна не пошла бы за Онегиным, даже если бы осталась вдовой, так как поняла, что не ее он любит, а свою фантазию, да и сам он фантазия. Не такова она вовсе: у нев и в отчаянии, и в страдальческом сознании, что погибла ее душа, все-таки есть нечто твердов и незыблемое, на что опирается ее душа: это ее воспоминания детства, воспоминания родины, деревенской глуши... Эти образы и спасают ее от окончательного отчаяния. Татьяна — это тип твердый, стоящий твердо на своей почве». Она глубже и, конечно, умнее Онегина. Не мог понять ее Онегин: разве он знает душу человеческую? Она прошла в вго жизни мимо него, неузнанная и неоцененная им, в том и трагвдия романа. Вот если тогда, в деревне, продолжает Достоевский, «при первой встрече с нею, прибыл туда же из Англии Чайльд-Гарольд или даже, как-нибудь, сам лорд Байрон и, заметив ее робкую, скромную прелесть, указал бы ему на нее,— о, Онегин тотчас же был бы поражен и удивлен, ибо в этих мировых страдальцах так много подчас лакейства духовного!»

Вот в чем разгадка: с одной стороны, твердые основы, корни которых лежат в жизни народной, а с другой — лакейство духовное. Как мало стало у нас первого и как много второго!

Посмотрите спектакль «Женский стол в «Охотничьем залв» — вокруг одного мужчины (не вынесшего тяжести вины из-за утонувших друзей и заболевшего психически) собрались шесть женщин с искалеченными судьбами: мать, которая когда-то во времена репрессий сдала его годовалым в детдом, а теперь сама находится в интернате для престарелых; женщина-актриса, которая родила от него девочку двадцать лет назад и отдала ев в детдом; двввочка, их дочь, выросшая в грубо-независимую отчаянную девицу; жена-врач, которая ушла от него когда-то, видимо, узнав о его возлюбленной; возлюбленная, которую он знал девочкой и, очевидно, когда-то совратил; другая возлюбленная, расположения которой он добивался дорогими подарками, вплоть до шубы, сшитой из купюр; и еще одна девушка, которой он «подарил сердце», будучи когда-то в командировке. Порочный круг любовных отношений. Но кто виноват в его создании? Казалось бы, мужчина. Но виновен ли он в том, что не познал любви отца и матври, теплых семейных отношений? А мать оправдывается: «Время было такое...»

Не обо всех трагедиях мы еще знаем. Недавно в «Литературной газете» писали о Берии, о его патологическом отношении к женщинам. Но сколько трагических судеб девушек, женщин скрывается за этим?

Автор задается вопросом: как такая патологическая личность достигла власти? А мне хочется спросить: а сколько таких патологических личностей было, да и еще есть, и не только у власти? И рядом с такими личностями оказываются поломанные судьбы женщин. А что мы знаем о трагедиях крестьянских вдов или женщин, которыв во время войны оставались в тылу без защитников — мужей, отцов? А во времена так называемого «застоя»? Что мы знаем о судьбах тех женщин, которые или сами, или мужья которых пострадали от сталинщины?

Вот и получается, что революционныв преобразования, войны, глобальное истребление лучшей части народа, насилие над личностью, затопление и отравление лучших плодородных земель, уничтоживших множество очагов человеческих жизней, семей и народной культуры, дали свои плоды: сформировались поколения людей с искаженными нравственными ценностями, неумением строить здоровые семейно-брачные отношения. Из покалеченных гнезд стали вылетать покалеченные птенцы, которыв могут забыть про родителей и свой дом, рожать детей и сдавать их в детдома, превращаться в проституток и развратников. В то же время утрата одних принципов освободила место для других. Как-то незаметно в нашу жизнь вползли принципы денежного человека: «все продается, все покупается», «хочешь жить — умей вертеться», «ты — мне, я — тебе», «не подмажешь — не поедешь» и т. д. и т. п. Когда-то еще К. Маркс писал что «...презрение к теории, искусству, истории, презрение к человеку, как к самоцели,— это являвтся действительной сознательной точкой зрения денежного чвловека, его добродетелью. Даже отношения, связанные с продолжением рода, взаимоотношения мужчины и женщины, и т. д. становятся предметом торговли!» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.: т. 1. с. 411).

Беда в том, что принципы купли-продажи проникают в духовную культуру народа, внедряются в личные отношения между мужчинами и женщинами, порождают «презрение к личности». И, может быть, основоположники марксизма, мечтая о том, что при социализме не будут действовать товарно-денежные отношения, имвли в виду такое подлинно человеческое общество, в котором эти отношения не будут определяющими, в котором не будут править «торгаши», «денежные люди»?

Мы нв создали такого общества, а пренебрежение законом стоимости привело к трудностям в экономике, к дефициту товаров, спекуляции, возникновению теневой экономики.

По сути, дух продажности, буржуазности в худшем смысле слова стал править и в нашем доме. Послушайте, о чем поют молодые певцы: «...сидит сантехник на крыше, считает выручку дня...» («Бригада С»), «Мне внушал папаша с детства, не жалея отчих сил: деньги — все: и цель, и средство, помни это, сукин сын...» (из телефильма «Сватовство гусара»)... «...Казанова, Казанова, зачем делать сложным то, что проще простого: ты — моя женщина, я — твой мужчина...» или «...Я помню давно учили меня отец мой и мать: лечить — так лечить, любить — так любить, гулять — так гулять, стрелять — так стрелять!» (Розенбаум). Понимаю, тексты эти не так просты, но большинство молодых воспринимает их буквально, чаще всего не чувствуя иронии, заложенной в песнях. А наше «замечательное» телевидение соблазняет конкурсвми красоты, образами «красивой» городской или заграничной жизни. Но редко кто напомнит им, что «везде хорошо, где нас нет», что заглядывать в чужие карманы неприлично, похоже на воровство, что красивая жизнь должна достигаться тяжким трудом. «Нв учись воровать, а учись работать» — пелось в детской колыбельной когда-то.

Я не ханжа, и сама в поисках счастья прошла через соблазны (хотя и не потеряла веру в добро, красоту, любовь и дружбу), я хорошо понимаю стремление молодых к яркой, красивой, веселой жизни, понимаю их потребность двигаться, общаться и путешествовать, понимаю их честолюбивые мечты завоевать весь (не менее!) мир. Но сейчас, когда я умудрена нвлегким опытом жизни, мне больно видеть, как естественное стремление молодых людей используется взрослыми дядями для насаждения бездуховности, облегченного отношения к нравственным понятиям, устоям жизни. И вот уже стыдно признаться девушке, что она — девственница, а женщине — что она не имеет любовника, стыдно сказать, что ты патриот своей Родины и что у тебя сохранилась любовь к малой родине — селу, деревне, земле. И что особенно страшно — это происходит сейчас, в крайне сложный период жизни нашей страны, когда миллионы честных людей озабочены поиском лучших путей ее развития.

Более века назад Ф. Достоевский предупреждал российское общество о появлении общественного типа людей, которые будут самоутверждаться тиранией слов, идей, поучений. В период обновления, перестройки, когда решаются новые задачи, рождаются не только пророки и мессии, но и лжепророки и лжемессии. И будут слова последних наполнены радением о народе, о его просвещении, и будут они либеральнее и патриотичнее патриотов, и будут учить добродетели и правде, да так искренне и убежденно, так бескорыстно и самозабвенно, что стыдно будет не поверить в них, не обожествить их, не преклониться перед ними. Им хотелось бы заставить старшее поколение стыдиться своей жизни и у молодежи подорвать доверие к отцам и дедам, заставить ее насмехаться над идеалами старших.

И в этом преображении главную роль, по-моему, призвана сыграть семья. В нашем стремительно развивающемся мире семья (конечно, хорошая, основанная на уважении, любви) дает чувство надежности, прочности, безопасности. Природа создала мужчину и женщину как единство диалектических противоположностей, которые не могут полноценно существовать друг без друга (единство нельзя понимать как равенство, равноправие, тождество). И как бы ни стремились женщины или мужчины к самостоятельности, независимости, как бы ни самоутверждались, по-настоящему счастливы и те, и другие могут быть только вместе. Каждый человек должен быть кому-то нужен. В этом и еще в том, чтобы продолжить свое существование в детях, по-моему, состоит предназначение человека.

Не надо возвышать женщину, но не надо ее и унижать, она нуждается в ласке, опоре. Нет ли в вас «лакейства духовного», которое заставляет проходить мимо скромных, но героинь? Мне опять вспоминаются слова Достоевского, сказанные им о женщинах: «В нашей женщине все более и более замечается искрвнность, настойчивость, серьезность и честь, искание правды и жертва; да и всегда в русской женщине все это было выше, чем у мужчин».

Есть прекрасный документальный фильм «Гимн радости женщинам Чили», в котором ярко рассказывается о том, как в трагический для нации момент женщины Чили из смиренниц, воспитанных в патриархальных традициях, вдруг превращаются в ту социальную силу, которая приходит на помощь своим униженным, бесправным мужчинам, становясь защитницей своего дома. Так было и у нас в трагические периоды истории. Так должно быть и сейчас, ибо мы стоим на грани вымирания или вырождения. Женщины наши должны встать на защиту своих мужчин, детей, принять активное участие в оздоровлении общества.

В качестве первоначальных мер, направленных на нравственное оздоровление общества, предлагаю обсудить: в детских яслях, садах и школах через колыбельные народные песни, игры, танцы знакомить с традиционной культурой народа; в школах поднять престижность таких дисциплин, как литература, история, труд, музыка (история, творил, практика), ввести курс теории искусства с обязательными посещениями выставок, музеев, концертных залов и т. д.; при загсах и дворцах бракосочетания открыть консультации психологов, сексологов для того, чтобы подготовить молодых к возможным трудностям в семейной жизни; узаконить право каждой женщины (в согласии с домочадцами) работать на производстве или не работать, если работать, то полный день или неполный; воспитание малолетних детей засчитывать в трудовой рабочий стаж; узаконить равные права и обязанности мужчин и женщин в воспитании детей, как того требуют разведенные мужчины.

РАКУРС

Рубрику ведет кандидат исторических наук
Владимир НИКИТИН

ИЗ АЛЬБОМА КИЕВСКОГО ФОТОМАСТЕРА

Во второй половине XIX века древний Киев стремительно менял свой облик. Улицы его застраивались каменными домами, часто в несколько этажей, вместо пыльных, а во время дождей очень грязных дорог появлялись мощенные камнем мостовые; центр города, который многие столетия находился на Подоле, постепенно перемещался на Крещатик (еще недавно здесь был овраг и пасли скот). В новый центр города в погоне за состоятельными клиентами стали перебираться и фотографы.

Исследователь истории киевской фотографии А. Симзен-Сычевский считает, что первым постоянно работавшим в Киеве фотомастером был некто Жак — скорее всего француз. Затем появился и осел в Киеве Шарль Поль Гербст: он одним из первых и открыл мастерскую на Крещатике. На смену иностранцам вскоре пришли местные светописцы: И. Чехович, И. Гудовский, Ф. Левдик, Н. Пастернак, В. Высоцкий. Появи-

60-летний казак по имени Иова.

Вечерицы — молодежь после рабочего дня собирается на посиделки.

лись и фотографы-любители. Наиболее известным среди них был начальник Киевского окружного военно-инженерного управления полковник Дмитрии Гаврилович Биркин — впоследствии генерал-маиор и председатель отдела светописи и ее применвнии Императорского русского технического общества.

Здесь же, на Крещатике, в 1865 году появилась фотостудия Франсуа де Мезера. Несмотря на свое иностранное имя, он был уроженцем местечка на Волыни, где его предки работали на небольшои фарфоровои фабрике. Одно время Мезер преподавал рисование в Киевском институте «шляхетних панночок» — подобии знаменитого Смольного института благородных девиц. Оставив карьеру учителя, он целиком посвятил себя деятельности фотогрвфа. В 1915 году основанная им фирма отпраздновала полувековои юбилеи.

В 1868 году открылось ателье Иосифа Кордыша, чьи снимки мы сегодня публикуем. На его личном штемпеле значилось: «Фотограф Киевского Университета Св. Владимира». Кордыш состоял членом Юго-Западного отдела Императорского географического общества. В ту пору оно объединяло ученых разных специальностеи: историков, статистиков, географов, экономистов, метеорологов, картографов, филологов-фольклористов — и было подлинным нвучным центром. Кордыш понимал, какими огромными возможностями обладает фотография как инструмент науки, в частности этнографии. В его знаменитом «Этнографическом альбоме Малороссии» запечатлены сцены труда, картины домашнего быта, многочисленные народные типы. Среди героев Кордыша встречаются и конкретные личности, например, знвменитыи на всю Украину слепой бандурист Остап Вересви, чьи песни вошли во многие собрания фольклористов, а концерты с восхищением слушала и столичная публика — в 1875 году он выступал в Петербурге.

Снимки Кордыша включены и в знаменитый «Альбом костюмов России» — уникальныи коллективный труд почти ста русских фотографов из разных уголков страны. История этого собрания, насчитывающего более пятисот снимков, весьма замечательна. Известно, что многие русские цари страдали «мундироманиеи», тратя государственные средства не на техническое перевооружение армии, а на униформу. В середине семидесятых годов XIX века военное ведомство решило изменить военную форму в очереднои раз, приблизив ее к народному костюму. Для этого потребовались изображения мужскои одежды со всех регионов страны. Местным властям было поручено организовать фотосъемку. Представленные в столицу снимки были разного качества, но они давали точное представление об одежде русских, украинцев, белорусов, латышеи, эстонцев, татар и многих других народов, населявших Россиискую империю. Со временем альбом попал в Петербургскую публичную библиотеку.

В. В. Стасов писал: «Настоящии альбом представляет разнообразную и полную картину русских мужских народных костюмов в конце 70-х годов, и в то же время он содержит в себе необыкновенно интересную галерею мужских типов и физиономии тех народностеи, которые населяют Европеискую и Азиатскую Россию. Но сверх того настоящии альбом заключает еще одну достоиную внимания сторону: он представляет обширную, хотя и далеко не полную галерею фотографов и фотографических заведении, деиствовавших в данныи момент в разных местах нашего отечества».

Среди множества авторов были и истинные художники: Иосиф Кордыш — один из них. Хотя некоторые из работ сняты в павильоне с использованием декорации, фотомастеру удалось создать образы живые и обаятельные. Подобно художникам-передвижникам, он не просто делает этнографические зарисовки, а старается передать атмосферу народнои жизни.

Косовица ржи и вязание снопов.

Жанровая сценка. Обед плотника.

Прядущая девушка с подругами.

Группа парубков из местечка Борисполя.

Два слепых лирника с поводырем.

Слепой 70-летний бандурист Остап Вересай.

Два нищих, которые собирают милостыню по селам.

Праздник в деревне. Танцы девушек.

Фотографии из «Этнографического альбома Малороссии», хранящегося в архиве Географического общества СССР.

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

ТЁТКА МАРФА

Эммануил КАЗАКЕВИЧ (1913—1962)

Из дневника Эммануила Генриховича Казакевича: «Рассказов нужно бы написать сверх плана: 1. «Тетка Марфа». 2. «Небо и земля». 3. «Два председателя». 4. «Собака». 5. «Попов»». Недостатка в том, что и о чем писать, не было. Обилие не совсем завершенного, в той или иной степени начатого или только задуманного, но чаще всего уже до деталей продуманного, сложившегося — садись да записывай или диктуй — объясняется простой арифметикой творческой биографии Казакевича, в которой для нормальной писательской работы оставалось не так уж много времени. Вот эта арифметика.

Все, что было написано Казакевичем до войны, пришлось отсечь по той причине, что тогда он писал на еврейском языке. А война застала его в возрасте уже 28 лет. Демобилизовался он лишь в 1946 году, 33-летним, и в этом возрасте начинал как бы с пустого места.

В послевоенные годы на Казакевича, как и на многих других литераторов, работников искусства и культуры, обрушились сокрушительные удары. В 1948 году подверглась разгромной критике его повесть «Двое в степи». И кампания борьбы с космополитизмом не обошла Казакевича стороной. Под повсеместную и постоянную ругань, угрозы, оскорбления — без права на защиту — работать было трудно и сложно.

А в 1958 году начала неумолимо наступать болезнь. Рассказ «Тетка Марфа», который Эммануил Генрихович очень хотел успеть завершить, он писал уже совсем больной. Его рукой водила мысль, что советские люди строили не сталинскую империю, а социалистическое государство (по крайней мере верили, что строят) и что так называемые простые люди не столь просты, что им нужно и должно доверять в самых серьезных делах, а не держать в беспрерывном страхе, в жесткой узде, считая народ «большим и глупым» несмышленышем. Вот и тетка Марфа — из тех самых «простых людей», перенесших неслыханные лишения, но готовых на все ради построения подлинного социалистического общества, не питающих к государству ни злобы, ни мстительного чувства, хотя оно, их «родное» и «народное», было к ним хуже мачехи.

В то же время есть основания полагать, что образ главной героини задумывался глубже и психологичнее — на это указывает соответствующая запись в дневнике писателя:

«В войну в бухту Амбарчик посылали заключенных разгружать американские пароходы с продовольствием. Американцы, владеющие русским, подходили к некоторым заключенным, уговаривали уехать с ними. При проверке одного недосчитались. «Заключенные волнуются, что кто-то бежал — расскажет в Америке! А компрометировать СССР нельзя!» Вдумайтесь: бесправный, подвергающийся всем мыслимым и немыслимым издевательствам, физическим и нравственным, поставленный вне закона «зэк» волнуется из-за того, что кто-то может скомпрометировать СССР!».

Но полностью дописать и отделать рассказ Эммануилу Генриховичу уже не удалось.

РАССКАЗ

1.

— Георгий Филиппович, тетка Марфа...

— Ох, опять она!.. Собственно, на сегодня прием окончен.

— Все равно прорвется. Вы же ее знаете.

— Наверно, под мухой?

— Да, как всегда.

— Вот черт!

— Я вижу, вы способны сбежать от нее в окно... Мужчины трусы, даже директора крупных заводов.

— Когда я должен быть в горкоме?

— В три часа. Теперь без пятнадцати три. Как раз успеете ее принять.

— Ладно уж, зовите.

Сорокапятилетняя красавица Анна Ивановна, секретарь директора, вошла в приемную, обвела огромными васильковыми глазами посетителей и, кутаясь в большой шерстяной платок, который она придерживала на груди тоненькими пальчиками, измазанными, как у школьницы, в фиолетовых чернилах, сказала:

— Тетка Марфа, проходите. Товарищи, на этом прием окончен. Ровно в три Георгий Филиппович должен быть в горкоме.

Тетка Марфа, стоявшая посреди приемной, уперши руки в бока, напряженная и злая, с глазами, в которых зажигались и гасли бешеные огоньки, после слов Анны Ивановны сразу обмякла, даже вдруг оробела, и вместо брани, уже клокотавшей в горле, из ее уст послышались нечленораздельные, выражавшие удовлетворение звуки, схожие с мурлыканьем. Глаза у нее враз покраснели и увлажнились, и чтобы никто не заметил этой внезапной размягченности, она молодцевато щелкнула языком, развязно и даже поощрительно подмигнула Анне Ивановне, обдернула свой ватный пиджачок, движением записной модницы поправила завитой в мелкий барашек седоватый колтун и пошла к двери кабинета.

Завидев ее в проеме двери, Георгий Филиппович быстро сделал сосредоточенное лицо и начал деловито писать.

— Здравствуйте, товарищ директор,— сказала тетка Марфа, подходя к столу.

— Здравствуй, тетка Марфа,— ответил Георгий Филиппович, все еще продолжая писать красным карандашом совершенно ненужные какие-то фразы. Он писал: «Не забыть сказать Самохвалову, чтобы он не забыл передать Ковальчику о проверке коксохимического цеха с точки зрения... с точки зрения...» Слова «с точки зрения» он написал раз десять кряду, с каждым разом все красивей и красивей, затем деловито отложил в сторону бумаги и откинулся на спинку кресла, убедившись, что атмосфера, нужная для разговора, создана: тетка Марфа с уважением глядела на быстро ложащиеся

тонкие красные буквы слитого воедино директорского почерка.

— Садись,— сказал он.

Однако тетка Марфа не садилась. Он поднял глаза и посмотрел на нее с внезапным интересом. Это была большая, довольно полная женщина с немного подпухшим лицом. Одета она была неряшливо. Черный ватный пиджак лоснился, как на кочегаре, юбка неопределенного цвета, слишком короткая для пожилой женщины, оставляла открытыми толстые икры в серых нитяных, плохо натянутых чулках. Ее лицо было бы даже красивым, если бы его не уродовали завивка, вообще огрубляющая женские лица и особенно неуместная при усталом немолодом лице, и губная помада цвета старого буряка, наложенная аляповато, не на месте, как в детской книжке, где краска не совпала с рисунком; это неумелое, ненужное, усталое «кокетство» придавало тетке Марфе диковатый вид. Но самым заметным и, можно сказать, самым опасным на лице тетки Марфы были ее глаза: большие, серые, почти белые, на первый взгляд невыразительные, но с этакими маленькими, сулящими всякие неожиданности, бешеными точками в глубине. Впрочем, эти глаза умели и усмехаться, и даже не без угодливости. В этот момент перед директором тетка Марфа усмехалась именно таким образом.

— Я все про квартиру,— сказала она.— Больше я без квартиры не могу. Вы же меня знаете, товарищ директор. Кто меня тут не знает? Почти тридцать лет, вся жизнь...— Она продолжала, понизив голос, с просительной доверительностью: — Я имею, конечно, товарищ директор, ошибки... выпиваю... Но вы... хе-хе... дайте мне квартиру и увидите, пить брошу... Чай один только, хе-хе.— Она подмигнула директору.— Кофе... культурно... На газовой плите буду себе кофе варить.

— Да, да,— сказал Георгий Филиппович вставая.— Заявление твое у нас есть. Ты у нас на очереди. Как закончим тридцатидвухквартирный дом...

В глазах у тетки Марфы вспыхнуло, но она сдержалась и продолжала говорить все тем же елейным голосом, хотя внимательный слушатель уловил бы в нем оттенок раздражения:

— У вас планы большие, товарищ директор. Весь завод, товарищ директор, в ваших руках. Вам всех обеспечить надо... Домов много... тридцатиквартирный да сорокаквартирный... Мне, между прочим, обещали в сорокаквартирном поселить, как закончат... А вот его закончили еще в прошлом году, а мне что дали? Хрен дали. А я что, хуже других? Тридцать лет в бараке живу. Вы, товарищ директор, должны войти в мое положение...

— Устроим, устроим,— забормотал директор, вставая и складывая бумаги; ее миролюбивый тон усыпил его бдительность.— Теперь у нас много строится. Всех обеспечим со временем... Мне в горком нужно, извините меня...

— Вы и мужа моего, Ивана Петровича, знали, товарищ директор...— продолжала тетка Марфа, и ее глаза враз покраснели.

— Да-да, конечно.— Георгий Филиппович начинал нервничать, поглядывая на большие часы, стоявшие у стены напротив письменного стола.

— Пятнадцать лет прошло, как он пропал без вести. А я все думаю — явится... Нет, обязательно явится. Сердце мое чует. Вы как думаете, товарищ директор? Ведь бывают случаи...

— Конечно, конечно,— поспешил согласиться Георгий Филиппович и бросил умоляющий взгляд на вошедшую Анну Ивановну.

А тетка Марфа говорила, не замечая, что ее не слушают. Потом, увидев, что директор направляется к выходу, рассвирепела и схватила его за рукав.

— Э, нет, голубчик. Ты от меня так не отделаешься. Я тебе не лошадь — бегать с тринадцатого участка каждую неделю.

— Но ведь поймите,— обратился к ней Георгий Филиппович.— Нет у меня теперь ничего... Вот закончим тридцатидвухквартирный...

Он смотрел на нее почти уже с ненавистью, однако заставил себя снова терпеливо объяснить ей, почему он не может удовлетворить ее просьбу теперь, сейчас же. Она замолчала, тупо смотрела вниз, и ему стало ее жалко. Он подумал, что она совершенно одинокий человек. Муж у нее погиб на войне, детей не было, а может быть, и были, но давно умерли. На ней лежала какая-то печать покинутости и отверженности. Ее неряшливость — и та, вероятно, была следствием одиночества. Георгий Филиппович решил пожурить ее:

— Ты же молодая женщина, тетка Марфа... И чего это ты ходишь, как распустеха?

Она вскинула на него бешеные глаза и быстро сказала:

— А почему твоя жена ходит, как б...?

У Георгия Филипповича разжались руки, и пальто, которое он снял с вешалки, упало на пол. Густо покраснев, он воровато покосился на Анну Ивановну; та возилась с бумагами у стола, однако он не мог не заметить дрожания шерстяного платка на ее плечах; вся ее спина в это мгновение выражала юмор, насколько это в возможностях спины.

— Тетка Марфа,— протянул он укоризненно.

— Какая я тебе тетка Марфа? — Тетка Марфа закусила удила.— И чего ты мне тыкаешь? Что я тебе — девочка? Я Марфа Ивановна тебе, понял? Небось, жену свою не называешь тетей? Двадцать одно платье насчитали на ней, на твоей супруге, добрые люди. Некоторые с высшим образованием, так что не ошиблись, арифметику знают. Хорошо живешь, потому про других забыл. Твоей бы супруге в бараках пожить со своим гардеробом!.. Ссучились! Благодетели! Начальнички! Покойный Иван Петрович тоже был барин и жена у него была курва, но он хоть к рабочему человеку подход имел... пешком ходил, а не только в машине бензин жег государственный... А про твою Клавку, докторицу, думаешь, никто не знает?

Георгий Филиппович быстрыми шагами вышел из своего кабинета, спустился вниз по лестнице и сел в машину. Уши его горели. Однако он вскоре успокоился и даже засмеялся, сказавши вслух:

— Ну и баба!

2.

Подъехав к зданию горкома партии, Георгий Филиппович удивился: здесь стояло не меньше тридцати легковых автомобилей, причем в большинстве своем незнакомых. И не только областных, но и столичных, московских, с черными номерами. В городе было всего-навсего два ЗИМа — у Георгия Филипповича да у директора монтажного треста. «Волги» еще были в новинку, и их тоже было всего две — у секретаря горкома и у директора горно-металлургического института. Теперь же возле горкома стояло ЗИМов штук восемь и «Волг» не меньше, и даже одна машина из самых классных американских — не то «крайслер», не то «паккард».

Было ясно, что происходит что-то необыкновенное. Георгий Филиппович за те несколько минут, что он шел от машины к подъезду, а потом поднимался в лифте до верхнего пятого этажа, где сидели секретари горкома, лихорадочно размышлял о том, что могло произойти, хотя внешне никак не показывал своего состояния. Впрочем, он тут же пришел к выводу, что беды никакой не могло случиться, так как о беде он узнал бы первым, и, успокоившись на этот счет, весь преисполнился той особой гордостью, которая овладевала им в присутственных местах, особенно же в партийных инстанциях. В сущности. Георгий Филиппович, только недавно вышедший из инженеров в директоры, еще не совсем привык к своему влиянию и значению и ощущал некоторую внутреннюю робость, которую старался не показывать.

В приемной секретаря горкома находились несколько горкомовских работников. Когда Георгий Филиппович вошел, горкомовские работники повернули к нему встревоженные и взволнованные лица. При виде его они оживились и расступились, давая дорогу к двери кабинета.

К нему относились как к хозяину; он и был фактическим хозяином города — все здесь было заводское. Власть горсовета, районных Советов, милиции, суда, прокуратуры и даже горкома была наполовину фиктивной. Все здесь принадлежало заводу — трамваи, автобусы, строительные материалы, деньги, капиталовложения. Конечно, власть Георгия Филипповича могла продолжаться лишь до тех пор, пока он находился на своей должности. Для того же, чтобы сохранить свою должность, ему нужно было, помимо прочего, ладить, сотрудничать с людьми из горкома, горсовета, милиции, суда и прокуратуры, показывать, что он не знает, что их функции наполовину фиктивны. Но в глубине души

он считал их всех никому не нужным средостением между ним и рабочими и знал, что примерно так же относятся к этому и рабочие, которые тоже отлично понимали, кто здесь всему глава, и с гораздо большей охотой подчинялись Георгию Филипповичу, чем многочисленным работникам советского и партийного аппарата, которые безбедно жили за хребтом у завода, по существу, дублируя при разных обстоятельствах заводоуправление, заводской комитет партии, заводской комитет профсоюза и другие заводские организации, делавшие живое дело и связанные непосредственно самыми крепкими нитями с производственным процессом, тем могучим буйволом, который с огромным трудом, но тянул весь этот новый город и всю страну вперед, в будущее.

Со строгим лицом, не ответив на приветствия (он заметил, что это повышает авторитет руководителя, если применяется в исключительно напряженных случаях), Георгий Филиппович прошел в кабинет первого секретаря.

Большой кабинет весь сиял от генеральских лампасов и погон, среди которых не столь роскошно, но очень внушительно темнели торжественные черные тройки, над которыми празднично белели белоснежные рубахи и белые же галстуки штатских руководящих лиц.

В окружении всех этих людей, как правило, рослых и полных, важных, как удавы после обеда, первый секретарь горкома Мальков казался еще меньше и еще незначительнее, чем обыкновенно. Он улыбался своей обычной, милой, но <...> фальшивой, «дежурной» улыбкой, которой он обычно выигрывал время, чтобы решить, что лучше: распечь или обласкать, принять вид решительный или задумчиво-сомневающийся, сказать поговорку или вспомнить цитату, нахмурясь, изречь прописную истину или, хлопнув по плечу, выругаться по-свойски, по-рабочему. Мальков был актером и только по этой причине смог дойти до своего нынешнего положения. Но это не было делом чистого случая, хотя случай здесь, как и всегда, играл некоторую роль. У него были серьезные достоинства: он знал и любил завод, металлургию, чувствовал поэзию труда. Сам рабочий человек, он понимал душу рабочего, был наблюдателен, сметлив, памятлив <...>. Единственное, что мешало ему быть руководителем чистых кровей, было именно то, что вывело его в ранг руководителя — актерство. Ему недоставало искренности. Искренность в руководителе — огромная, единственная в своем роде сила, только она способна вызывать доверие. Мальков не вызывал доверия, потому что его грозные проработки, так же как и ласковые поощрения, по сути дела, ни на кого не действовали, ибо никто не верил, что возмущение или восторг идут от души, что таково его, Малькова, мнение, а не только веление момента или влияние указующего перста.

Иначе говоря, окружающие не чувствовали, что общепартийное дело является личным делом Малькова. Оно интересовало его лишь до тех пор, покуда он был на своей должности. Верните Малькова на должность мастера или начальника цеха, как тотчас же обнаружится, что он ничем не отличается от других мастеров и начальников цехов: в меру честен, в меру расчетлив, старается больше заработать, ведет жизнь такую, как все остальные. Он был партийным руководителем не потому, что это было его призвание, а потому, что это была его должность.

Мальков шепнул Георгию Филипповичу:

— К нам послезавтра приезжает на два дня...— и он назвал имя премьер-министра одной из великих восточных держав.

Георгий Филиппович покачал головой: визит был действительно нешуточный. Никогда в этот далекий город не приезжало такое высокопоставленное лицо, одно из четырех-пяти самых знаменитых лиц послевоенного мира.

Мальков стал знакомить Георгия Филипповича с приезжими, и Георгий Филиппович, не без внутренней робости, но внешне вполне независимо, жал руки направо и налево. Тут были: заместитель Председателя Совета Министров СССР, заместитель Председателя Совета Министров РСФСР, заммининистра государственной безопасности, замминистра внутренних дел, второй секретарь обкома партии и первый заместитель председателя облисполкома, представитель протокольного отдела Министерства иностранных дел и представитель отдела печати Министерства иностранных дел, заместитель начальника Главного управления милиции и начальник областной милиции и еще несколько генералов и полковников, неизвестно из каких ведомств.

Все после знакомства уселись, кроме председателя горсовета, который, весь бледный от волнения, выполнял роль мальчика на побегушках, впрочем, обычную свою роль, и не только в этом городе.

Он побежал и принес план города, разложил его на столе для заседаний и прикрепил кнопками. Совещание началось.

Прежде всего было установлено наличие милицейских сил в городе. Оказалось, что они составляют меньше ста человек и должны быть вследствие этого увеличены втрое за счет работников областной милиции и переодетых в милицейскую форму офицеров государственной безопасности, которые прибудут сегодня вечером в количестве сорока двух человек. Генерал-лейтенант — заместитель министра госбезопасности — разметил красными крестиками перекрестки, где будут стоять дежурные автомобили, в которых должны находиться представители местной власти, то есть люди, знающие город, все улицы, переулки, тупики и проходные дворы, и столичные товарищи, которые прибудут завтра утром. «Вы их встретите»,— сказал генерал, кивнув начальнику местной милиции.

— Есть ли у вас автомобили с радиотелефонной связью? — спросил другой генерал.

Оказалось, что таких автомобилей здесь нет, и было передано срочное указание в областной центр о присылке завтра не позже двенадцати дня шести таких автомашин.

По тем пяти улицам, где проследует высокий гость и сопровождающие его лица от вокзала до резиденции (слово «резиденция» произносилось торжественно), будут расставлены агенты наружного наблюдения из Москвы и частично из областного центра — по восемнадцать — двадцать человек на улицу <...>. На центральном проспекте агенты должны дежурить круглосуточно.

— Две пожарные команды приведите в полную боевую готовность,— сказал замминистра внутренних дел, тоже генерал-лейтенант, и так как это распоряжение нуждалось в некоторой мотивировке, он добавил грустно, с тем чтобы никто не сомневался насчет его значения.— В такой ответственный момент не исключены диверсии враждебного охвостья в виде поджогов, взрывов и так далее.

Второй секретарь обкома (первый должен был приехать вместе с премьер-министром) предложил горкому привести партийную организацию города в полную готовность. На всех объектах, имеющих важное значение, следует установить дежурства <...>. Сегодня же, не позже восьми часов вечера, следует провести инструктивное совещание с коммунистами о наведении порядка на заводе, особенно в тех цехах, которые посетит высокий гость. Список этих цехов представитель протокольного отдела передал секретарю горкома.

До сих пор молчавший заместитель Председателя Совета Министров СССР сказал, лукаво усмехаясь:

— Между прочим, было бы неплохо, если бы гостю попались на пути во время его следования по территории завода какие-нибудь хорошие рабочие, ударники, коммунисты, у которых язычок неплохо подвешен, проверенные товарищи.

— Обязательно, обязательно,— оживился Мальков.— По-моему, Георгий Филиппович, лучше всего, если ему повстречается сталевар Лукьянов. Кстати, он отличный оратор и собой приятный... И доменщик Локотков — у него интересная биография, отличился на войне, имеет два ордена Славы...

— А нет ли у вас на примете,— спросил маленький корректный человечек из отдела печати МИД, — нет ли у вас на примете восточного человека, башкирина или татарина? Премьер-министру как человеку востока будет приятно — и поучительно! — увидеть, как трудятся у нас люди восточного происхождения, вполне равноправные с русскими товарищами.

— Умаров,— коротко предложил Георгий Филиппович.

— Да, да, лучше всего Умаров,— подхватил Мальков.— Тут уж не ошибешься, сразу видно — монгол... И отличнейший рабочий, и человек неглупый. Член партии.

— Список этих людей,— сказал зампред Совета Министров, сидевший опять с полузакрытыми глазами, словно прислушиваясь к чему-то, чего никто не слышит,— составьте, пожалуйста, и утвердите решением бюро.

Затем перешли к вопросу об устройстве высокого гостя,— «об устройстве его быта»,— как выразился кто-то из генералов. Было решено, что ему будет отведен особняк, построенный в военное время директором завода для себя. Директор умер несколько лет назад, особняк же был слишком роскошный, чтобы его заняли его преемники. То, что разрешалось тому медведю, да еще в военное, бесконтрольное, время, было не по зубам инженерам, пришедшим ему на смену один за другим. Тот даже и инженером не был. Он был рабочим, кончившим Промакадемию, но знал металлургию отлично, а главное, знал людей и умел управлять ими.

Вот именно в его особняк, пустовавший и используемый только для приема высокопоставленных гостей — первого секретаря обкома либо крупных представителей министерства, решено было поместить премьер-министра и самых приближенных к нему лиц. Остальных же сопровождающих, включая представителей прессы, решили поместить в соседний особняк. Правда, этот особняк не пустовал — там жили две семьи. Было принято решение переселить их немедленно, завтра с утра, в новый тридцатидвухквартирный дом.

Оркестру Дворца культуры — разучить государственный гимн далекой страны, откуда прибыла делегация.

Было решено вывести к вокзалу не более тысячи человек, но зато от вокзала до «резиденции» обе стороны улиц должны были быть полны народу — по тысяче человек на погонный километр пути, итого три тысячи пятьсот человек. Вывести их поручили предгорпрофсовета. «И чтобы не было путаницы! — заранее кричал на профсоюзника Мальков.— Чтобы не все три пятьсот были на одном километре, ясно?»

— Я прослежу,— успокоил его Георгий Филиппович, и Мальков удовлетворенно сказал:

— Ну, тогда все хорошо...

— Закрыть ресторан — там много пьяных. Вообще в этот день не продавать водку. Коньяк и легкие вина — от них пьянеешь медленно и ласково, не так, как от этого проклятого «сучка»,— сказал тучный замминистра, вздыхая.

— Кстати, о корреспондентах,— сказал замминистра Госбезопасности.— Количество их ограничено, но там есть двое зловредных. Один из «Ассошиэйтед пресс», еврейчик, знает русский язык не хуже нас с вами. Из России бежал уже, кажется, при Советской власти...

— Надо за ними следить,— отозвался Мальков.

Генерал презрительно поднял усталые веки.

— Следить-то за ними будут,— сказал он.— Для этого едут в спецпоезде специальные люди со спецполномочиями. Но надо, чтобы здесь, на месте, знали, как и что им надо показывать и что не показывать. Вообще зря их пустили,— пробурчал генерал.— Либеральничают в МИДе. Он сказал «в МИДе», хотя подразумевал более высокие инстанции, отлично понимая, что МИД сам не решает таких вопросов.

Зампред Совета Министров, недовольный этим замечанием, сказал:

— Вернемся к вопросу о резиденции.

Один из генералов вместе с третьим секретарем горкома, заместителем председателя горсовета и еще с кем-то быстро оделись и поехали на место, чтобы выяснить, чего не хватает из обстановки, что нужно привести в порядок, как с коврами, нет ли клопов.

Зампред Совета Министров СССР крикнул им вслед:

— Не забудьте про туалетную бумагу! — Он обернулся к Малькову и спросил деловито: — Как у вас тут с туалетной бумагой?

Мальков растерянно развел руками: здесь, с тех пор как был построен город, сроду не было туалетной бумаги, и он, сконфуженный, озабоченно покачал головой...

Пока шла вся эта суета, Георгий Филиппович, активно участвуя во всем, иногда думал: какая это ненужная и глупая кутерьма! Зачем понаехало сюда столько людей? Во сколько это обходится? Зачем это? Покушения на премьер-министра не будет; если он умный человек, его удовлетворит то, что есть, ибо завод действительно прекрасный, образцовый, город действительно новый, замечательный, трудности действительно трудности роста... Это все — остатки ушедшей со Сталиным политики страха и обмана.

Георгий Филиппович вышел из горкома усталый, но возбужденный. Ему льстило, что премьер-министр, один из великих людей нашего времени, пожелал побывать на его заводе. Несколько мальчишески тщеславные мыслишки лезли ему в голову. Он как бы нежданно соприкоснулся с далекими пространствами планеты, диковинными, странными, зовущими. Он вдруг вспомнил, что в детстве мечтал попасть в те края, откуда приедет этот человек с миндалевидными, загадочными, умными глазами, вспомнил приключенческие книги детства и американские немые фильмы в трех и более сериях.

Он пошел в заводоуправление, созвал всех начальников цехов, партийных и комсомольских руководителей, объяснил им задачу, назначил дежурных, ответственных, связных. Позвонил жене, предупредил, чтобы она имела в виду, что будет хозяйкой банкета, и вдруг довольно зло спросил, какое платье она наденет на банкет. Жена удивилась нервозности, проскользнувшей в его вопросе; она сказала, что наденет голубой панбархат. Он помолчал,

тяжело подышал возле трубки, потом грубо сказал, чтобы она не смела надевать это платье и вообще хорошо бы из него сделать гардины в столовую, и велел ей быть в сером костюме и белой кофточке. Он слышал, как она задохнулась от возмущения, но ничего не сказала, только хлопнула трубкой по телефону. Спустя некоторое время он снова ей позвонил — так или эдак, а принимать премьер-министра надо — и сказал почти вкрадчиво, что скромность вообще хороша, а особенно когда советские люди принимают знатного иностранца такого ранга... На это она вызывающе ответила, что женщины той страны, напротив, одеваются очень ярко. И он рассмеялся, и они сторговались на синем костюме и палевой кофточке, и он хотел спросить, сколько у нее платьев и костюмов, но сдержался.

3.

Правительственный поезд из областного центра прибыл утром. Премьер-министр в странном белом одеянии вышел на площадку и помахал рукой. Прежде всего он удивил Георгия Филипповича своим сходством с инженером Кацманом из мартеновского цеха. Но потом, под влиянием торжественного церемониала, все посторонние мысли ушли из головы, и все больше и больше Георгием Филипповичем овладевало важное и торжественное настроение. Под звуки несколько минорного гимна далекой республики, а затем притворно-бодрого, с церковным оттенком, Гимна Советского Союза Георгий Филиппович думал о том, как много изменилось за пятьдесят лет его жизни, как преобразилась Россия, каким светочем стала она для народов. Конечно, в чем-то отношение к ней осталось похожим на прежнее: многие считают ее и теперь огромным, сильным, коварным, хотя несколько и расхлябанным чудовищем, от которого можно ждать чего угодно <...>. Сейчас сюда приезжают смотреть и учиться, опыт России стал предметом изучения и дискуссий, опасений и надежд. Страна, где рутина и темнота как бы свили свое главное гнездо, где даже форменное рабство отменили менее ста лет назад, причем рабство не чужой расы, а людей коренной национальности,— эта страна стала впереди народов, и по ее следу идут другие страны.

Георгий Филиппович был инженером по преимуществу, политикой он мало интересовался и не очень высоко ее ставил, но на этот раз его охватило волнение, тем более искреннее, что он испытывал его довольно редко.

Вместе с премьер-министром приехали удивительно маленькая женщина в лилово-зеленой шелковой одежде, похожая на фарфоровую куклу, хрупкая и нежная, как лилия, тонкобровая, с миниатюрными ручками и ножками, казавшимися более мягкими и гладкими, чем шелк, в который она была одета, с тысячелетней печалью в черных и сверкающих, как алмазы, глазах, и трое мужчин: один пожилой с седыми усами, похожий на начальника финансовой части завода Пилипенко, другой молодой, в очках, очень стройный, внимательный, серьезный, оба в белом; третий военный генерал, в мундире и чалме, с круглой бородой и детски добрым глуповатым лицом, чуть похожий на сторожа заводской автобазы Кукина.

Вместе с ними было много наших: заместитель Предсовета Министров — его портреты были всем известны, два министра и два заместителя министров, и еще два генерала, и корреспонденты с кино- и фотоаппаратами и без аппаратов, и охрана: несколько военных и множество штатских, безымянных, как столбы, сошедших с поезда в виде обыкновенных пассажиров и по известному только им сигналу юркнувших в толпу на известные только им места, по известной только им системе.

Премьер-министр поздоровался со встречающими и окинул долгим, умным и необыкновенно спокойным взглядом толпу людей. Было видно, что он чувствует себя совершенно по-домашнему, в его движениях не было ни капли напряжения или суетливости, глаза, устремленные на него, не смущали его, как будто это были не люди, а деревья, но красивые, добрые деревья, к которым он питал доверие и любовь.

Георгий Филиппович вспотел, вынул из кармана листок напечатанного на машинке текста, врученного ему вечером, и, встав у микрофона, громко и медленно прочитал свою речь. Он хотел бы сказать без шпаргалки, но ему это было запрещено. «Еще ляпнешь такое»,— предупредил его Мальков при поддержке секретаря обкома. «А что я ляпну? Ничего дурного не ляпну».— «Нет, тут, брат, политика. Не воздашь по заслугам, то да се».

После него к микрофону подошел премьер-министр в сопровождении двух переводчиков — молодого в белом и нашего — тоже молодого в темном двубортном пиджаке с белой рубашкой и белым галстуком. Оба переводчика потоптались на месте, потом наш остался рядом с премьер-министром, а тот, в белом, отошел к своему бородатому, не способному, казалось, убить муху генералу.

Премьер-министр подошел к микрофону и, похожий на оленя, заговорил медленно, мелодично и свободно. После каждой фразы он останавливался, и переводчик переводил ее. Премьер-министр смотрел почему-то вниз, обращаясь как бы к земле этой далекой северной страны, и казалось, что он в те промежутки времени, когда переводчик говорил по-русски, внимательно прислушивается к земле, ждет ее ответа. При этом его продолговатые коричневые глаза светились ясным оленьим умом и ожиданием.

Окончив свою речь, премьер-министр легко двинулся вперед и сел в машину... Кортеж тронулся. Машины пошли по улице к резиденции, улицы были расцвечены флагами и цветами. На тротуарах стояли толпы народу, они махали руками и улыбались; их было в десять раз больше, чем тысяча человек на погонный километр. Многие вышли с детьми — им было интересно...

Начался осмотр завода. Тут Георгий Филиппович, очутившись в своей стихии, оживился. Его речь стала веселой и плавной. Он стал рассказывать все о заводе, и премьер-министр отлично заметил эту перемену и поглядел на директора завода с любопытством и одобрением. И думал о том, что имей он сотню таких, как этот директор, и тогда можно было бы поставить дело.

<Проворство премьер-министра, его гибкость, грациозность, быстрота движений, неутомимость...>

Честно говоря, все думали, что осмотр пойдет беглый и быстрый: приезд сюда был как бы символом, и не более того. Но премьер-министр дал всем жару: он действительно интересовался производством, действительно хотел понять, понимал, восхищался, думал о том, какое это трудное дело и смогут ли освоить это дело люди его народа.

Тут случилась заминка: Мальков и замминистра с зампредсовмина засмотрелись на ковш с раскаленной сталью, а директор отвечал на вопрос генерала, добродушного и молчаливого, а тут, как на грех, задавшего какой-то вопрос через нашего переводчика. Подняв глаза от генерала, Георгий Филиппович увидел картину, поразившую его: премьер-министр, оказывается, отошел в сторону со своим переводчиком и беседует с кем-то помимо программы. Туда кинулись заведующий протокольным отделом и зампредсовмина, но уже ничего нельзя было сделать. Премьер оживленно разговаривал с какой-то одетой в черный ватник женщиной. Георгий Филиппович обомлел: это была тетка Марфа.

— Ну, как? Нравится? — спросила тетка Марфа, пожимая руку премьер-министру.

Директор с ужасом вспоминает, что она была у него третьего дня, просила квартиру, он ей отказал. Живет она в бараке, получает мало. Ему мерещатся снятие с работы и другие беды. Но уже поздно, премьер-министр беседует с ней. И она говорит, говорит о том, что все хорошо, что она всем довольна, что у нас заботятся о рабочих людях, что муж у нее погиб за Родину и что если бы опять напали, она сама пошла бы... И что бывает трудно, но она знает, что все будет хорошо. И вот здесь ничего не было, а стал завод такой, и ради этого стоит пострадать. И директор чувствует, что у него становится тепло в глазах, и записывает: дать тетке Марфе квартиру, но потом забывает об этом. Премьер-министр тоже растроган.

...Она вдруг оборачивается и видит директора, глаза ее становятся стальными, и, по-панибратски взяв премьер-министра за плечо, она указывает ему на директора. Директор замирает от страха. Она говорит по-хозяйски:

— А это наш директор, Георгий Филиппович... Сам из рабочих, инженер... Доменщик, большой специалист. Мы его уважаем. И он нас... Так у нас водится в Советской стране...

Публиквция, подготовка текста
и вступительное слово Г. О. КАЗАКЕВИЧ

СВОБОДНАЯ ТРИБУНА

Документы 30-х годов, рассекреченные недавно Центральным государственным архивом нашей республики, заставляют по-иному взглянуть на период «окончательной победы социализма в СССР».

Ленин видел самого опасного врага Советской власти в собственной бюрократии, и опасения его были не напрасны. Сложившийся к 30-м годам бюрократический аппарат окончательно противопоставил себя народу. В результате в спецсводках ОГПУ стали появляться такие материалы:

«Рабочий электроцеха Козлов Павел, идя в магазин за продуктами, заявил: «Последний раз иду получать, магазин отбирают для закрытого распределения, нас оттуда вытряхают, а прикрепят разных подлизунчиков... Мы в гражданскую войну кровь проливали, а видишь чего добились — оказались на последнем месте».

«Разорили всех крестьян, а теперь рабочих душат. Заставляют усиленно работать, а держат голодом. Для чего мы работаем, для чего живем, когда в будущем никакого улучшения не предвидится? Что год, то хуже... Чем пропадать с голоду, лучше сделать повсеместную забастовку-восстание и добиться свержения этой власти»,— заявил рабочий фабрики охотничьих ружей Мерзляков».

Конечно, из таких высказываний ни в коей мере нельзя делать выводов, что подобные настроения носили массовый характер в рабочей среде. И тем не менее, судя по спецсводкам, они были распространенными. Взять хотя бы еще такой факт 1936 года:

«...Мастер Щапов, касаясь результатов стахановского движения, выразил явно антисоветские взгляды на политику партии и Советской власти: «Нет, это все ловушка. Сперва не тронут расценки, а потом потихоньку снизят, вот и будешь работать только за кусок хлеба, а уже больше ничего не увидишь. А ведь рабочие сейчас все, сам видишь, из крестьян, не понимают того, что их ловят на удочку, а заводским рабочим нельзя слово сказать, все привязываются: кто? откуда? да не беляк ли?.. По правде скажу, я занимаю должность мастера, а мне даже жалко рабочих, что они попадут в эту ловушку, а не говорить о стахановском движении — попадет. Так уж и колоколишь, раз не понимают, пусть работают».

Если предстоит переписывать нашу историю заново, то без документов, которые до недавних пор лежали в секретных отделах архивов, нам не обойтись. Они помогают объяснить многие поворотные моменты нашей истории. В частности,— чем были вызваны массовые репрессии 30-х годов.

В 1929 году административный аппарат во главе со Сталиным стал прибирать власть к своим рукам. Естественно, что в откровенно тоталитарной форме власть аппарата была невозможна. Аппарат вынужден был не только лицемерить, когда называл себя диктатурой пролетариата, но и делать кое-что в защиту пролетариата, от имени которого выступал, идти на карательные меры против той части бюрократии, которая явно дискредитировала весь аппарат. Этим и можно, на мой взгляд, объяснить то, что репрессии 1937—1938 гг. были направлены по двум направлениям — как против истинных ленинцев, так и против ретивых «опричников» типа Ягоды и Ежова, что, впрочем, никак не помешало свалить всех в одну кучу как «врагов народа». Серьезный удар пришелся и по хозяйственной бюрократии, почувствовавшей себя слишком вольно и слишком откровенно заменявшей государственные интересы личными. Это опять-таки угрожало аппарату — массы могли отождествить «отдельные недостатки» со всей системой в целом. Возможность такой угрозы и рисуют невольно спецсводки ОГПУ. Вот один из характерных примеров этого по сводкам 1937 года: «Посланный ЦИКом в Увинский район агитатор т. Кузьмин Алексей Сергеевич сообщает, что председатель Удогурского сельсовета Новиков, проводя... собрание граждан, в своей речи по вопросу проведения самообложения заявил: «Вы сами слышали и знаете, что в нашем районе много арестовали и расстреляли. Ведь Советская власть пули не жалеет. За всякую мелочь будет расстреливать».

Такое заявление председателя сельсовета поставило в явное замешательство собрание. Кроме этого, т. Кузьмин сообщает, что Новиков систематически пьянствует, препятствует (путем запрещения подачи транспорта) завозу в сельсовет товаров широкого потребления, что создает среди населения недовольство и нарекания по адресу совласти. Указанное сообщение дает основание (судить) о неблагополучии в Увинском районе, о проникновении на руководящую работу в Советы враждебных элементов».

Была ли для бюрократии какая-то реальная угроза в 30-е годы? Разумеется, нет. Но, как говорят упомянутые сводки ОГПУ, многие трудящиеся уже начинали осознавать свое действительное положение. Сегодня, в условиях демократизации, активность низов, их настроенность против бюрократии значительно повысились. Такая тенденция существовала и в 30-е годы. Но репрессии аппарата сыграли роль упреждающего удара.

И. КЛЕСТОВ,
научный сотрудник ЦГА УАССР
Ижевск

Поправка

В подписи к фотографии в материале «Майские дни сорок пятого» («Родина», № 5) допущена ошибка. Правильный текст: «У. Черчилль, Г. Трумэн, и Сталин».

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1—4. Древнерусское название Кремля. 4—8. Город во Владимирской области. 6—10. Театр в Москве. 10—14. Рыба семайства лососевых. 15—21. Русский книговед и лисатель, аатор, основной труд — «Среди книг». 21—26. Невоспитанный чвловек. 26—28. Селение у нвкоторых народов Кавказа. 29—32. Река в МНР и СССР, составляющая реки Шилки. 32—34. Действующее лицо сказки Р. Киплинга «Рикки-Тикки-Тави». 34—39. Музыкальный инструмант. 38—40. Зодиекальное созвездие. 42—44. Гидротехническое сооружение. 44—47. Герой гражданской войны на Дальнвм Востоке. 47—52. Красноречивый человек. 50—54. Ледяная глыба, образовавшаяся при сжатии морского льда. 54—55. Нота. 56—59. Противник. 60—63. Река во Франции. 62—66. Стремительное нападение. 66—68. Взрывчатка. 69—71. Пища. 70—75. Русское назвaнив Забайкалья до XVII века. 76—81. Химичвский элемвнт, щвлочной металл. 82—84. Разноаидность охоты. 84—87. Древний бог плодородия, почитался в Финикии, Палестине, Сирии. 66—94. Изображенив отвлеченной идеи (понятия) посредством художественного обреза. 96—100. Ценная рыба семейства сиговых, аодится в Байкалв. 97—101. Вид частной земельной собственности в стренах Ближнвго Востока. 101—104. Сельскохозяйственное орудие. 103—107. Вид холодного оружия. 108—113. В древнвгреческой мифологии — чудовище, полуженщина-полузмвя. 115—120. Планета Солнечной системы. 121—124. Электрод. 125—130. То же, что «гумми». 131—133. Археологическая культура бронзового века, названная по могильнику близ румынского города Брашова.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
15	18	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28
29	30	31	32	33	34	35	36	37	36	39	40		41
42	43	44	45	46	47	48	49	50	51	52	53	54	55
56	57	56	59		60	81	62	63	54	65	86	87	56
69	70	71	72	73	74	75		76	77	78	79	80	81
82	63	84	85	88	87	88	89	90	91	92	93	94	
95		95	97	95	99	100	101	102	103	104	105	108	107
108	109	110	111	112	113		114	115	116	117	118	119	120
	121	122	123	124	125	126	127	128	129	130	131	132	133

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1—95. Даятвль Английской буржуазной революции XVII века. 2—43. Овечья шерсть. 3—44. Единица веса и монвта в Древней Греции. 4—45. Река в Южной Сибири, правый приток Енисея. 5—46. Правитвльственное постановлание. 6—47. Бланкист, член Парижской коммуны. 7—35. Райцентр в Грузинской ССР на реке Риони. 8—62. Основной компонент болотного газа. 9—37. Пврвая женщина. 10—51. Озеро, на берегу которого стоит Ростов Великий. 11—25. Насекомоядное животное. 12—40. Злокачвствввнная опухоль. 13—27. Буква латинского алфавита. 14—55. Сплав для изготовлвния постоянных магнитов. 30—70. Север. 58—84. Автор пврвой эстонской оперы «Викерцы». 73—124. Трехминутный париод в боксе. 34—74. Город в Грузинской ССР у слияния рек Б. Лиахвы и Куры. 46—100. Струнный, ударно-клавишный музыкальный инструмент. 50—102. Современный бальный танец. 64—103. Государство в Юго-Восточной Азии. 25—52. Зной. 40—66. Министр французского правитвльства в 1933—1939 гг. После войны один из организаторов движения сторонников мира. 54—80. Космическая оборонная иницитива США. 82—108. Старинная мера длины во Франции. 84—122. Солдат, боац. 85—123. Название северо-восточной части Тибета. 74—87. Осадок на дне водоемов. 80—94. Рвка в Восточной Сибири, впадевт в Окинский залиа Братского водохранилища. 101—127. Совгтский историк, академик, специалист по истории и культуре. 103—129. Участок замли, засажвнный плодоаыми дврааьями, кустарниками. 92—130. Войско. 94—106. Разновидность шлюпки. 107—133. Рeка, впадающая в море Лаптевых.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 7

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1—5. Зерно. 6—11. Патока. 10—13. Кара. 14—16. Око. 17—21. Орден. 21—24. НАТО. 23—27. Токай. 28—30. Лаз. 30—37. Зренянин. 38—41. Атом. 42—44. Ота. 44—48. Авлос. 47—49. Оса. 49—50. Ар. 50—54. Ролан. 56—60. Варея. 60—63. Ясак. 63—68. Кошаре. 67—69. Рак. 70—73. Круг. 74—77. Кивв. 77—80. Вега. 79—82. Гага. 83—85. Аил. 84—86. Или. 88—91. Идея. 91—92. Ян. 93—95. Кра. 96—98. Нея. 98—99. Яя. 100—103. Тент. 103—105. Тир. 105—106. Ра. 108—110. Пат. 111—114. Жало. 114—116. Океен. 118—120. Ноа. 121—125. Агуде. 126—129. Леба. 130—133. Ласк. 134—136. Пар. 136—140. Рубец. 140—144. Цепля. 144—147. Ялта. 148—150. Ауэ. 150—152. Эра. 152—156. Ацтек. 155—158. Кок. 158—161. Кврн. 162—168. Рянгина. 166—170. Ава. 170—172. Ану. 172—175. Удод. 176—178. Код. 176—180. Дар. 180—183. Рана. 164—187. Нить. 166—189. Го.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1—83. Золовка. 2—109. Екатерина. 3—44. Роза. 4—98. Норвегия. 5—46. Орел. 7—49. Анна. 6—77. Таиров. 9—116. Отношвнив. 10—66. Коала. 11—39. Акт. 12—26. Ра. 13—69. Аймак. 19—47. Дно. 20—34. Ея. 33—61. Нос. 34—75. Ясаи. 39—116. Таракан. 40—94. Онагр. 44—58. Ар. 52—79. Лаг. 56—110. Рулет. 61—153. Скиталац. 63—141. Кеенобa. 69—120. Кааба. 77—129. Вятка. 87—111. Тяж. 69—140. Делац. 105—117. Ра. 107—133. Бак. 106—149. Папа. 111—152. Жаба. 115—184. Капкан. 116—187. Наледь. 119—188. Острог. 122—163. Гауя. 124—165. Дург. 128—169. Баев. 133—161. Кан. 134—176. Парк. 136—176. Рэнд. 137—179. Урга. 144—186. Якут. 152—180. Аир. 153—181. Цна. 154—162. Тан. 155—183. Ева. 157—185. Они. 163—177. Яо. 175—169. До.

Сдано в набор 11.07.89. Подписано к печати 26.07.89. А 00327. Формат 84×60⅛. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ л. 11,16. Усл. кр.-отт. 31,62. Уч.-изд. п. 16,85. Тираж 300 000 экз. Заказ № 957. Цена 70 коп.

Адрес редакции: 125665, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24. Твл. 257-37-66, 285-28-68.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография им. В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, уп. «Правды», 24.

ВАШ АВТОМОБИЛЬ

«МОСКВИЧ-2141» — ГОНКА ЗА... ВРЕМЕНЕМ

Фото Вадима КИВРИНА

Познакомился я с ним прямо на звводе. Его только что согнали с конвейера, и «новорожденный», сияющий светло-песочным цветом, был готов ринуться в большую жизнь.

— Вот вам ключи,— сказал првдставитель АЗЛК.— Только учтите, машина переднеприводная, а сейчас зима. На скользской дороге она ведвт себя соввршвнно иначе, нежвли наш старичок «сороковой». Пока даже гонщики не объездили как следует новую модвль. Поэтому стопроцентных рецептов вождения, увы, двть не можем. Так что приноравливайтесь к машине сами. Счастливых испытаний!

Сев за руль, осмотрелся. Салон просторный и комфортабельный. Не чета предшествввннику. Даже не ввралось, что автомобиль советский. Удобные кресла. Приятный дизайн. Все под рукой.

Повернул ключ зажигания. Двигатель моментально схввтил искру и мерно «заурчал» всеми цилиндрами. Включил «печку». Все-таки зима. За окном — минус 25. Отопительнвя установка задышала мощно, но... почти бесшумно. Скоро пришлось снять дубленку. Стало жарко. Убрал «подсос». Мотор рвботал устойчиво, упруго. Когда нажал на педаль сцеплвния — ее не почувствовал. Так мягко она ушла в пол. Даже показалось, что сцепление вовсе отсутствует. Оквзалось, вместо жестких рычагов, как было раньше, к педали подсовдинен тонюсенький тросик. Включил скорость. Автомобиль мягко тронулся и стремительно начал набирать скорость. Попрощались с заводом и нырнули в суматоху московских улиц. Машина уверенно держала коварную зимнюю дорогу, а двигателя, к моему удиелвнию, практически не было слышно...

Ночью врезало под тридцать. И утром меня донимала трввожная мысль: заввдется ли?

Когда вышел на улицу, сомнения усилились. Все «дворовые» автомобили были покрыты зловещим колючим инеем, а четверо соседвй уже успели безнадежно посадить аккумуляторы своих «Жигулей» и теперь с вхидным любопытством посматривали в мою сторону.

Мысленно пврекрестившись, вложил ключ в замок зажигания, повернул его, и... стартер, энергично рыкнув, запустил двигатель. Я с облегчвнием вздохнул и улыбнулся разочарованным зрителям.

С той зимы, как я впервые сел за руль «сорок первого», прошло более полутора лет. Эксплуатирую машину ежедневно, не давая поблажки ни в дождь, ни в снег. И при всем моем безжалостном отношении у машины за 30 тысяч пробега «полетела» лишь одна двталь. Правда, серьезная — вакуумный усилитель тормозов. Лопнула мембрана. Все остальное в порядке.

У «Москвича» кузов разработан так, что надежно защищавт водителя в случае первворота. Предусмотрена и защита от бокового удара, всли, конечно, этот удар наносит не самосвал. Не вдаваясь глубоко в технологию конструкции, скажу, что особую прочность салону придает жесткий каркас, усиленный тремя поясами из продольных и поперечных брусьев закрытого сечения. К примеру, при испытаниях автомобиля на столкноввние с неподвижным првдметом на скорости до 50 километров в час жизненное пространство салона ни разу не нарушилось, а двери во всех случаях после «аварии» легко открывались. Кстати, продольное расположение и креплениe двигателя продумано так, что при лобовом ударе он смещается назад и вниз, не влвтая в кабину.

Ну, и еще одно очень важное, на мой взгляд, преимущество. «Москвич-2141» достаточно экономичен. На скорости 90 километров в час «выпивает» чуть болев 6 литров бензина. Согласитель, это качество особенно ценно.

Итак, автомобиль «Москвич-2141», или, как его еще называют, «Алеко». Думаю, это пока единственная наша машина, которая по своим характеристикам ближе всего стоит к европейским образцам. Говорю это с уввренностью, ибо за рулем я почти двадцать лет, и через мои руки прошли практически все советские автомобили.

Никитв БАРАШЕВ

**Благодарим «Автоэкспорт» и завод Ленинского комсомола за участие в нашей рубрике.
И напоминаем, что в тестировании машин могут принять участие все советские автомобильные заводы, а также зарубежные фирмы. Итак, ждем предложений.
Телефон для справок: 257-[illegible]2-29.**